

**Российское
психологическое
общество**

**ISSN 1812-1853 (Print)
ISSN 2411-5789 (Online)**

**РОССИЙСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ /
RUSSIAN
PSYCHOLOGICAL
JOURNAL**

Том 22 № 2

2025

Российский психологический журнал

Учредитель – Общероссийская общественная организация «Российское психологическое общество»

Главный редактор – д. пс. н. Зинченко Ю. П. (МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, РФ)

Заместитель главного редактора – д. биол. н. Ермаков П. Н. (ЮФУ, Ростов-на-Дону, РФ)

Редакционный совет

д. пс. н. Акопов Г. В. (СГСПУ, Самара, РФ)
д. пс. н. Асмолов А. Г. (МГУ, Москва, РФ)
д. биол. н. Бабенко В. В. (ЮФУ, Ростов-на-Дону, РФ)
д. биол. н. Безруких М. М. (ИВФ РАО, Москва, РФ)
д. пс. н. Богоявленская Д. Б. (ПИ РАО, Москва, РФ)
д. биол. н. Григорьев П. Е. (СевГУ, Севастополь, РФ)
д. пс. н. Донцов А. И. (МГУ, Москва, РФ)
д. пс. н. Карабущенко Н. Б. (РУДН, Москва, РФ)
д. пс. н. Караяни А. Г. (Военный университет, Москва, РФ)

д. пс. н. Лабунская В. А. (ЮФУ, Ростов-на-Дону, РФ)
д. пед. н. Малофеев Н. Н. (ИКП РАО, Москва, РФ)
д. пс. н. Митина Л. М. (ПИ РАО, Москва, РФ)
д. пед. н. Реан А. А. (НИУ ВШЭ, Москва, РФ)
д. пс. н. Рыбников В. Ю. (ФГБУ ВЦЭРМ, Санкт-Петербург, РФ)
д. пед. н. Скуратовская М. Л. (ДГТУ, Ростов-на-Дону, РФ)
д. пс. н. Тхостов А. Ш. (МГУ, Москва, РФ)
д. пед. н. Федотова О. Д. (ДГТУ, Ростов-на-Дону, РФ)
д. пс. н. Черноризов А. М. (МГУ, Москва, РФ)
д. пс. н. Яницкий М. С. (КемГУ, Кемерово, РФ)

Редакционная коллегия

д. пс. н. Александров Ю. И. (ВШЭ, Москва, РФ)
д. филол. н. Белянин В. П. (Университет Торонто, Канада)
д. пс. н. Берберян А. С. (РАУ, Ереван, Армения)
д. пс. н. Богомаз С. А. (ТГУ, Томск, РФ)
Ph. D. Bernard R. M. (Конкордия, Монреаль, Канада)
Ph. D. Бороховский Е. (Конкордия, Монреаль, Канада)
д. пс. н. Воробьева Е. В. (ДГТУ, Ростов-на-Дону, РФ)
д. пс. н. Долгова В. И. (ЮУрГГПУ, Челябинск, РФ)
Ph. D. Granthag Pär-Anders (University of Gothenburg, Sweden)
Sc. D. Кроник А. А. (Институт каузометрии, Вашингтон, США)

Ph. D. Kalmus V. (University of Tartu, Estonia)
д. пед. н. Манжелей И. В. (ТюмГУ, Тюмень, РФ)
д. пед. н. Масалимова А. Р. (КФУ, Казань, РФ)
д. пед. н. Повзун В. Д. (СурГУ, Сургут, РФ)
д. биол. н. Полевая С. А. (ПИМУ, Нижний Новгород, РФ)
Ph. D. Sequeira H. (Lille 1 University, Лилль, Франция)
Dr. Стошич Л. (Institute of management and knowledge, Скопье, Македония)
д. пед. н. Хайруллина Э. Р. (КНИТУ, Казань, РФ)
д. пс. н. Хотинец В. Ю. (УдГУ, Ижевск, РФ)
д. пс. н. Цветкова Л. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
д. пед. н. Шайдуллина А. Р. (АГНИ, Альметьевск, РФ)

Ответственный редактор	– Проненко Евгений Александрович
Литературный редактор	– Вороная Виктория Дмитриевна
Ответственный секретарь	– Найденова Елизавета Витальевна

Адрес редакции:
344006, Российская Федерация,
г. Ростов-на-Дону,
ул. Пушкинская, д. 140,
ком. 114
E-mail: rospsihj.disk@gmail.com

Адрес издателя:
ООО "КРЕДО"
129366, Российская Федерация,
г. Москва, ул. Ярославская, д. 13а, стр. 2
Тел./ факс (495) 283-55-30
E-mail: izd.kredo@gmail.com

Адрес учредителя:
125009, Российская Федерация,
г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9
E-mail: ruspsysoc@gmail.com

Каталог Урал-Пресс
Подписной индекс 46723
Цена свободная

© Российское психологическое общество, 2025
© ООО "КРЕДО", 2025
Веб-сайт: rpi.ru.com

Концепция, миссия, цель и задачи Российского психологического журнала

Российский психологический журнал – научное рецензируемое издание, открытое для международного сотрудничества и публикующее оригинальные научные статьи и обзоры по психологии. Журнал основан Российским психологическим обществом в 2004 году, выпускается 4 раза в год. С 2019 года издается на русском и английском языках.

Миссия журнала – в повышении качества и открытости психологической науки. Журнал стремится к поддержанию высокого уровня психологических исследований и повышению доступности научного знания для всех категорий читателей.

Цель журнала заключается, с одной стороны, в вовлечении российских исследователей в международное научное пространство, что обеспечивается внедрением современных международных издательских практик, с другой стороны, в содействии научной коллаборации российских и зарубежных авторов за счет знакомства иностранных исследователей с российскими научными разработками, не имеющими аналогов за рубежом.

Задачи журнала:

- 1) предоставление качественных научных результатов для начинающих и опытных ученых;
- 2) предоставление возможности исследователям публиковать и делиться своими работами в научных кругах по всему миру;
- 3) продвижение статей журнала в международном научном пространстве через вхождение в авторитетные международные базы данных и каталоги;
- 4) повышение международной кооперации авторов;
- 5) повышение видимости, цитирования, доверия и авторитета российских научных работ в мировом научном пространстве.

В журнале осуществляется двойное слепое рецензирование, каждая рукопись оценивается не менее чем двумя экспертами.

Журнал придерживается международных стандартов издательской этики в соответствии с рекомендациями Комитета по этике научных публикаций (COPE).

Читательская и авторская аудитория журнала

Читательская аудитория Российского психологического журнала состоит из нескольких категорий.

Наибольший интерес статьи журнала представляют для академического сообщества, исследователей в сфере психологии; на страницах журнала публикуются передовые исследования в актуальных областях науки.

Студенты и аспиранты могут найти необходимый материал, который послужит опорой в обучении и который поможет начать собственные исследования. Также статьи журнала будут полезны широкому кругу читателей, интересующихся конкретными или новыми темами в сфере психологии.

Авторскую аудиторию журнала составляют сотрудники университетов (преподаватели, доценты, профессора), научные сотрудники научно-исследовательских организаций, активные исследователи различных областей психологии, практикующие специалисты, а также аспиранты и соискатели ученой степени – им предоставляется возможность публиковать статьи высокого качества.

Журнал входит в Перечень ВАК, включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Scopus, ResearchBib, Directory of Open Access Journals (DOAJ) и другие базы и каталоги научных журналов.

Редакция журнала является членом ассоциаций АНРИ, CrossRef.

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons «Attribution» 4.0 Всемирная.

Свидетельство Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций о регистрации средства массовой информации ПИ № 77-16511 от 13 октября 2003 года.

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ

Александра Г. Долгих, Ольга В. Алмазова, Сергей В. Молчанов,
Сергей Н. Рягин

**Связь базисных убеждений с образом мира и восприятием
отношений со значимыми другими у подростков,
проживающих в различных условиях.....6-27**

Анна О. Табуева, Виктория И. Исмагуллина, Сергей Б. Малых

**Шкала оценки собственных пространственных и инженерных
способностей: разработка, валидизация, надежность28-48**

Анастасия Н. Сиднева, Екатерина С. Ощепкова, Лариса Ф. Баянова

**Оценка метапознания у детей 5-6 лет:
к вопросу о разработке методики.....49-64**

Андрей В. Смольянов, Лариса В. Марарица, Тамара А. Кинунен,
Светлана Д. Гуриева, Ульяна А. Удавихина

**Опросник дизайна работы Work Design Questionnaire (WDQ):
адаптация и проверка психометрических свойств
русскоязычной версии.....65-94**

Анна И. Харитоновна, Елена М. Климова

**Стандартизация опросника «Личностный потенциал»
для спортсменов.....95-114**

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Екатерина А. Юмкина, Валентина Н. Куницына, Татьяна В. Казанцева,
Татьяна Б. Позднякова, Ирина В. Кузнецова

**Удовлетворенность качеством отношений в родительской семье
в структуре ценностного сознания современной российской
молодежи.....115-133**

Влада И. Пищик, Маргарита И. Постникова, Есения А. Черкасова

**Межрегиональные различия в конспиративистской ментальности
студентов Южного и Северного регионов России.....134-150**

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

Александр А. Карпов, Анастасия А. Волченкова, Сергей О. Присяжнюк

«Антирефлексия» как детерминанта результативных параметров управленческой деятельности.....151–169

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА

Иван Ю. Долуев, Екатерина С. Зорина, Наталия М. Курикалова,
Александр Ф. Лоскутов

Госпитальная педагогика: проблемы и перспективы развития в современном обществе.....170–190

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Ирина Г. Полякова, Татьяна В. Валиева, Эльвира Э. Сыманюк

Личностные предикторы донорства ооцитов в России.....191–209

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ

Александр В. Вартанов, Вероника М. Зубко, Василиса Д. Абросимова,
Мария Д. Крысько, Дарья А. Леонович, Ольга В. Шевалдова

Психофизиологические механизмы восприятия и внутреннего повторения мелодий в норме и при шизофрении.....210–226

Ольга В. Медяник, Ирина И. Шошина, Наталья И. Легостаева,
Станислав И. Медяник

Склонность к финансовой суггестии: нейропсихологические и психофизиологические факторы.....227–248

Научная статья

УДК 316.612

<https://doi.org/10.21702/1nmagc39>

Связь базисных убеждений с образом мира и восприятием отношений со значимыми другими у подростков, проживающих в различных условиях

Александра Г. Долгих^{1,2*} , Ольга В. Алмазова^{1,2} ,
Сергей В. Молчанов^{1,2} , Сергей Н. Рягин³

¹ Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Российская Федерация

² Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

³ Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Российская Федерация

*Почта ответственного автора: ag.dolgikh@mail.ru

Аннотация

Введение. Различные жизненные условия, включающие в себя неконтролируемые глобальные изменения в окружающей действительности, могут влиять на личность подростка и его представления об окружающем мире. В такой ситуации поиск ресурсов поддержки в рамках социальной ситуации развития становится крайне важным. Целью исследования стало изучение связей между имплицитными представлениями о себе и окружающем мире с особенностями отношений со сверстниками и воспринимаемой поддержкой от значимых людей у подростков, находящихся в разных жизненных условиях. **Методы.** В исследовании участвовало 238 подростков в возрасте от 13 до 15 лет. 52% респондентов проживают в г. Москва, а 48% – в г. Мариуполь. Методики исследования включали шкалу базисных убеждений Р. Янофф-Бульман, многомерную шкалу воспринимаемой социальной поддержки Г. Зимета, авторскую версию психосемантического дифференциала «мир сейчас и через 5 лет», опросник привязанности к сверстникам Г. Армсдена и М. Гринберга. **Результаты.** Базисные убеждения подростков из Москвы характеризуются восприятием мира как более доброжелательного, но менее справедливого, образа «Я» как более позитивного, большей верой в удачу и убежденностью в

контроле над жизнью, по сравнению с подростками, проживающими в Мариуполе. Образ «мира сейчас» у подростков из Москвы, отличается большей надежностью, доброжелательностью, целостностью, спокойствием и сложностью, а «мира через 5 лет» – большей ценностью и управляемостью, по сравнению с подростками из Мариуполя. Воспринимаемая поддержка со стороны семьи и значимых других (прямо) и ощущение отвержения со стороны сверстников (обратно) являются предикторами базисных убеждений личности. **Обсуждение результатов.** Получена картина трансформации имплицитных представлений о себе и мире в связи с новыми жизненными условиями подростков (проживание вблизи зон боевых действий) и выявлена роль социальной поддержки как ресурса адаптации к новым условиям.

Ключевые слова

базисные убеждения, образ мира, воспринимаемая социально-психологическая поддержка, отношения со сверстниками, социальная ситуация развития, подростковый возраст

Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке проекта Российской Федерацией в лице Минобрнауки России, проект No 075-15-2024-526

Для цитирования

Долгих, А. Г., Алмазова, О. В., Молчанов, С. В., Рягин, С. Н. (2025). Связь базисных убеждений с образом мира и восприятием отношений со значимыми другими у подростков, проживающих в различных условиях. *Российский психологический журнал*, 22(2), 6–27. <https://doi.org/10.21702/1nmagc39>

Введение

Особенностями личности, во многом определяющими поведение и мышление человека, выступают базисные убеждения. Модель базисных убеждений личности была предложена Р. Янофф-Бульман как система иерархически организованных когнитивно-эмоциональных имплицитных представлений об окружающем мире и собственном «Я», влияющая на мышление и поведение человека. Стабильность субъективной картины мира отражается в специфике интерпретации происходящих с человеком событий и выступает устойчивым фундаментом в изменяющемся социальной мире (Janoff-Bulman, 1992). На основании анализа изучения базисных убеждений на российской выборке были выделены пять базисных убеждений, которые обеспечивают целостную картину мира: доброжелательность окружающего

мира, справедливость окружающего мира, позитивность образа «Я», вера в удачу и убежденность в контроле над жизнью (Падун, Котельникова, 2008). В исследовании с участием российских подростков выявлена следующая иерархия базисных убеждений (от наиболее к наименее выраженным): позитивность образа «Я», вера в удачу, доброжелательность окружающего мира, убежденность в контроле над жизнью, справедливость окружающего мира. В то же время, у подростков, столкнувшимся с боевыми действиями, ведущимися в непосредственной близости от места их проживания, ценность «справедливость окружающего мира» значимо выше, а все остальные базисные убеждения снижены по сравнению с подростками без такого опыта (Almazova et al., 2025). В исследовании (Almazova et al., 2025) показано, что доброжелательность окружающего мира и убежденность в контроле над жизнью являются обратными предикторами выраженности использования подростками механизмов отчуждения моральной ответственности, что еще раз подтверждает, что базисные убеждения лежат в основе поведения человека, в том числе девиантного (там же). Хотя базисные убеждения личности начинают формироваться очень рано и являются очень близкими к таким конструктам других общепризнанных психологических теорий, как внутренние рабочие модели (Боулби, 2006) и базовое доверие (Эриксон, 1996), в подростковом возрасте эти имплицитные представления являются динамичными и могут изменяться в зависимости от окружающей человека действительности (Микулинджер, Шейвер, 2023; Янг и др., 2020; Калинина, 2021).

Важным коррелятом базисных убеждений личности является образ мира, определяемый в модели В. В. Петухова как «целостное представление о мире, в котором находит отражение конкретно-исторический, экологический, социальный, культурный фон, в рамках которого разворачивается вся психическая деятельность человека» (Молчанов и др., 2023, с. 73). Например, в исследовании молодежи, вовлеченной в волонтерскую деятельность, показано, что участие в добровольческой активности связано с восприятием мира в настоящем и будущем как более активного, управляемого и доброжелательного (Молчанов и др., 2023). Можно говорить о том, что образ мира связан с деятельностью человека, а позитивность образа мира связана с вовлеченностью в просоциальные виды активности. Сложные, неоднозначно переживаемые события могут оказывать влияние на образ мира, усложняя жизнедеятельность в условиях высокой степени неопределенности.

Подростковый возраст как период самоопределения является крайне чувствительным к качеству и содержанию социального взаимодействия с другими людьми, которое определяет транслируемые образцы поведения, ценности, убеждения, пространство жизненных целей, отношение к другим людям и видение окружающего мира (Авдулова, 2025; Прихожан, Толстых, 2025). Социальная среда, в том числе общение и взаимодействие, выступает источником психического развития детей и подростков и определяет специфику пространства социальной ситуации развития (Эльконин, 1989). Ключевым для развития выступает активно-

деятельная позиция подростка в отношении окружающей социальной среды. Важным является не только содержание социального взаимодействия, а отношение субъекта развития к этому взаимодействию (Карабанова, 2024). Это, в частности, отражается в том, что в подростковом возрасте как переходном периоде от детства к взрослости процесс усвоения транслируемых окружающим социумом социальных образов носит нелинейный характер. Можно выделять разные социальные группы как значимые для обеспечения условий развития и поддержки подростков. Возрастно-психологический подход в понимании подросткового возраста выделяет сверстников как наиболее важную социальную группу, оказывающую влияние на характер и содержание процесса самоопределения (Эльконин, 1989). Одновременно, не уменьшается и роль родителей как представителей социальной среды, во многом определяющей особенности психологического благополучия и развития. Исследование детско-родительских отношений в подростковом возрасте показывает возможность влияния позитивных и негативных эффектов на развитие личности подростка (Branje, 2018). Отмечается, что в современном мире группой значимых других могут выступать не только сверстники и родители, но и другие взрослые люди, обладающие для подростка высоким статусом (Красило, 2006; Толстых, 2020). Глобальные трансформации политического, социального и экономического характера оказывают влияние на характер социального взаимодействия людей (Bronfenbrenner, 2005).

Ресурсы резистентности возникающим рискам новой социальной ситуации развития необходимы для сохранения психологического благополучия подростков (Olsson et al, 2003; Zimmerman et al., 2015). Важным становится организация интенсивной коммуникации и социальной поддержки, которую подросток может получать от сверстников и взрослых (как близких взрослых, членов семьи, так и других значимых взрослых). Ключевым ресурсом для жизнедеятельности подростков становится восприятие социальной поддержки со стороны значимых других.

Серьезные геополитические изменения оказывают значительное влияние на социальную ситуацию развития современных подростков. Жизнь подростков, столкнувшихся с опытом боевых действий, может быть рассмотрена, с одной стороны, как претерпевшая значительные резкие изменения (изменения социальных условий функционирования, личностной и социальной идентичности, ценностно-моральных установок), с другой стороны, как связанная с опытом потенциальных травмирующих переживаний недавнего прошлого (нахождение в зоне боевых действий, возможное участие и гибель родственников, друзей, знакомых в боевых действиях). Трансформация собственного мировоззрения и снижение уровня контроля над жизнью под влиянием внешних факторов в связи с ведущимися боевыми действиями может приводить к трудностям в развитии способностей и новообразований возраста, которые способствуют формированию гармоничной личности подростка. Это может находить отражение в возрастно-психологической специфике подросткового возраста и особенностях решения задач развития в этот

период. Существует большое количество исследований, показывающих негативное воздействие нахождения и соприкосновения с опытом боевых действий на психологическое благополучие и развитие подростков и молодежи, а также на стимулирование развития аффективных и поведенческих расстройств (Абакумова и др., 2024; Betancourt et al., 2018; Masten & Narayan, 2012; Slone & Shoshani, 2014; Slone & Shoshani, 2021). Поэтому вопрос о ресурсах подростков для адаптации к новой реальности и принятии жизненных выборов в условиях резких изменений является крайне важным (Асмолов, 2015; Kahneman & Tversky, 2000; Leverett et al., 2020; Marcell & Halpern-Felsher, 2007; Martsinkovskaya, 2019; Silbereisen & Chen, 2010).

Исходя из положения Л.С. Выготского о том, что социальная ситуация развития ребенка определяет характер переживания им жизненных событий и является основой формирования базисных убеждений о мире и себе (Выготский, 1984), представлений о своем настоящем и будущем, мы предполагаем, что существуют значимые различия в характере базисных убеждений и в восприятии окружающего мира в актуальный момент и в будущем у подростков г. Москва и г. Мариуполь.

Основываясь на тезисе Л.С. Выготского о том, что сотрудничество как система социальных отношений является базой развития личности, в которой при совместной деятельности ребенка и его социального окружения в «событийной общности» (Слободчиков, Цукерман, 1996) и, в первую очередь в общении со сверстниками как ведущей деятельности подросткового возраста (Эльконин, 1989) формируется сознание личности, мы ожидаем, что воспринимаемая поддержка и особенности отношений подростка со сверстниками, являясь ресурсами для адаптации, связаны с тем, как подросток оценивает окружающий мир и себя в этом мире.

В связи с вышесказанным, целью исследования выступило изучение связей между имплицитными представлениями о себе и окружающем мире с особенностями отношений со сверстниками и воспринимаемой поддержкой от значимых людей у подростков, находящихся в разных жизненных условиях (проживающих в г. Москва и г. Мариуполь).

Задачи исследования включали:

1. сравнительный анализ базисных убеждений подростков, проживающих в г. Москва и г. Мариуполь;
2. сравнительный анализ образа мира в настоящем и в будущем у подростков, проживающих в г. Москва и г. Мариуполь;
3. выявление вектора динамики образа мира в настоящем и в будущем;
4. анализ взаимосвязи базисных убеждений подростков с восприятием социально-психологической поддержки и особенностями отношений со сверстниками как ресурсами адаптации;
5. выявление предикторов имплицитных представлений о себе и окружающем мире среди рассматриваемых ресурсов (воспринимаемой поддержки и отношений со сверстниками).

Методы

Выборка

В исследовании приняли участие 238 подростков в возрасте от 13 до 15 лет ($M = 14,2$; $SD = 1,78$). Из них 102 (42,9%) – юноши. Все участники исследования – ученики 8–9 классов общеобразовательных школ. 124 (52,1%) подростков проживают в г. Москва, а 114 (47,9%) – в г. Мариуполь.

Отметим, что среди выборки подростков, проживающих в г. Мариуполь, есть высокий процент тех, кто столкнулся с переживанием потери члена семьи по причине боевых действий в городе в 2022 году. Этим обусловлена необходимость анализа более широкого социального контекста коммуникации как ресурса социальной поддержки: семьи как целостной системы, сверстников, социально значимых взрослых и др.

Методики исследования

В рамках нашего исследования были использованы следующие методики:

- Шкала базисных убеждений (ШБУ) направлена на изучения профилей базисных убеждений личности (Janoff-Bulman, 1989; Падун, Котельникова, 2008). Методика позволяет оценить следующие базисные убеждения: доброжелательность окружающего мира, справедливость окружающего мира, позитивность образа «Я», вера в удачу и убежденность в контроле над жизнью. Шкала включает в себя 37 вопросов, оцениваемых по 6-балльной шкале Лайкерта.
- Семантический дифференциал как метод, направленный на изучение особенностей сознания респондентов (Петренко, 1988), в рамках нашего исследования фокусировался на изучении настоящего (мира сейчас) и будущего (мира через 5 лет). Модифицированная версия включает в себя 10 дихотомически расположенных пар прилагательных: непредсказуемый – устойчивый, несправедливый – справедливый, ненадежный – надежный, хаотичный – управляемый, враждебный – доброжелательный, разобщенный – целостный, тревожный – спокойный, бесполезный – ценный, пассивный – активный, сложный – простой (Алмазова и др., 2024).
- Многомерная шкала воспринимаемой социальной поддержки Г. Зимета (MSPSS) (Zimet et al., 1990; Чистопольская и др., 2020), включающая три шкалы: восприятие поддержки от семьи, поддержки от друзей и поддержка от значимых других. Методика включает в себя 12 вопросов, оцениваемых по 7-балльной шкале Лайкерта.
- Опросник привязанности к сверстникам Г. Армсдена и М. Гринберг (IPPA) в адаптации Н.В. Сабельниковой, Д.В. Каширского, Т.Ю. Садовниковой

(Сабельникова и др., 2023; Armsden & Greenberg, 1987), направленный на изучение специфики привязанности к сверстникам в подростковом возрасте. Опросник включает следующие шкалы: привязанность к сверстникам, доверие в отношениях сверстников, удовлетворенность коммуникацией, отвержение со стороны сверстников и состоит из 25 вопросов, оцениваемых по 5-балльной шкале Лайкерта.

- Сбор данных осуществлялся при помощи адресной ссылки для прохождения опроса на российской онлайн-платформе Тестограф с получением информированного согласия участников исследования.

Статистический анализ

Для определения возможности использования параметрических критериев использовался критерий Колмогорова-Смирнова. В силу того, что по всем анализируемым оценкам как в целом по выборке, так и в подвыборках распределение нормальное, далее были применены параметрические критерии. Для проверки различий в оценках, полученных для подростков из разных групп, был использован t-критерий Стьюдента для независимых выборок, для анализа связей между оценками по шкалам разных методик – коэффициент корреляции Пирсона, для выявления предикторов – регрессионный анализ.

Результаты

Представления об окружающем мире и себе в этом мире

При помощи методики ШБУ для всех участников исследования получены оценки базисных убеждений – представлений о степени доброжелательности и справедливости окружающего мира, позитивности образа «Я», веры в удачу и убежденности в контроле над своей жизнью, а при помощи семантического дифференциала – семантические профили образов мира сейчас и через 5 лет.

В таблице 1 приведены средние и стандартные отклонения оценок базисных убеждений личности (шкал опросника ШБУ) у подростков из Москвы и Мариуполя и результат сравнения этих оценок (t-критерий Стьюдента для независимых выборок).

Оценки доброжелательности окружающего мира, позитивности образа «Я», веры в удачу и убежденности в контроле над жизнью у подростков из Москвы значимо выше, а справедливости окружающего мира – значимо ниже, чем у подростков из Мариуполя.

Таблица 1

Средние и стандартные отклонения оценок по шкалам опросников ШБУ у подростков, проживающих в Москве и Мариуполе, сравнение оценок

Шкала опросника ШБУ / Группа подростков	Москва		Мариуполь		Различия		
	М	SD	М	SD	t(236)	p	Коэф- д
Доброжелательность окружающего мира	4,2	1,10	3,6	,79	4,217**	<,001	,563
Справедливость окружающего мира	3,8	,93	4,0	1,00	-2,050*	,042	-,262
Позитивность образа Я	4,7	,95	4,2	,81	4,475**	<,001	,546
Вера в удачу	4,4	,92	3,9	,70	4,987**	<,001	,590
Убежденность в контроле над жизнью	4,6	,64	4,1	,59	4,424**	<,001	,813

Примечание. * $p < ,05$, ** $p < ,01$.

В таблице 2 приведены средние и стандартные отклонения оценок образа мира сейчас (на основании 10 пар прилагательных семантического дифференциала) у подростков из Москвы и Мариуполя и результат сравнения этих оценок (t-критерий Стьюдента для независимых выборок), а на рисунке 1 приведено графическое изображение средних оценок.

Таблица 2

Средние и стандартные отклонения оценок образа мира сейчас у подростков из Москвы и Мариуполя, сравнение оценок

Шкала СД / Группа подростков	Москва		Мариуполь		Различия		
	М	SD	М	SD	t(236)	p	Коэф-д
Непредсказуемый – Устойчивый	,1	1,45	,1	1,23	,233	,816	,030
Несправедливый – Справедливый	,7	1,52	1,1	1,33	-,694	,488	-,090
Ненадежный – Надежный	,7	1,51	,4	1,49	2,799**	,004	,493
Хаотичный – Управляемый	,4	1,38	,5	1,39	,956	,340	,124

Шкала СД / Группа подростков	Москва		Мариуполь		Различия		
	M	SD	M	SD	t(236)	p	Коэф d
Враждебный – Доброжелательный	1,6	1,45	,8	1,18	3,107**	,002	,403
Разобщенный – Целостный	,6	1,46	,2	1,35	2,443*	,015	,317
Тревожный – Спокойный	,6	1,61	-,5	1,33	5,484**	<,001	,712
Бесполезный – Ценный	2,0	1,71	1,8	1,25	,884	,377	,115
Пассивный – Активный	1,0	1,51	1,1	1,43	-,191	,849	-,025
Сложный – Простой	-,8	1,42	,1	1,35	-4,503	<,001	-,584

Примечание. * $p < ,05$, ** $p < ,01$.

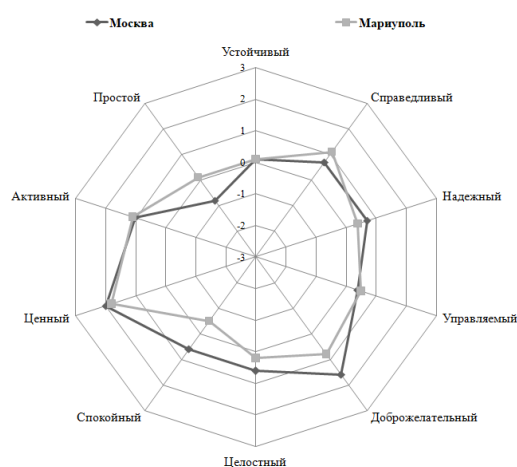

Рисунок 1. Средние значения оценок образа мира сейчас у подростков из Москвы и Мариуполя

Подростки из Москвы представляют мир сейчас значимо более надежным, доброжелательным, целостным, спокойным и сложным, чем подростки из Мариуполя.

В табл. 3 приведены средние и стандартные отклонения оценок образа мира через 5 лет у подростков из Москвы и Мариуполя и результат сравнения этих оценок (t-критерий Стьюдента для независимых выборок).

Таблица 3

Средние и стандартные отклонения оценок образа мира через 5 лет у подростков, проживающих в Москве и Мариуполе, сравнение оценок

Шкала СД /Группа подростков	Москва		Мариуполь		Различия		
	М	SD	М	SD	t(236)	p	Коэфф. d
Непредсказуемый – Устойчивый	2,4	,80	2,2	,98	,424	,672	,013
Несправедливый – Справедливый	2,1	,86	2,1	1,02	-,102	,919	,055
Ненадежный – Надежный	,8	,90	1,0	1,07	-,851	,396	,110
Хаотичный – Управляемый	2,3	,83	1,8	1,16	3,884**	<,001	,504
Враждебный – Доброжелательный	1,7	,81	1,3	,75	1,474	,142	,191
Разобщенный – Целостный	1,6	1,23	1,4	1,23	,400	,690	,094
Тревожный – Спокойный	1,9	1,01	1,9	1,16	1,593	,113	,052
Бесполезный – Ценный	2,7	,71	2,3	1,16	3,621**	<,001	,470
Пассивный – Активный	,8	1,00	1,0	1,05	-,333	,740	,043
Сложный – Простой	1,2	1,29	1,5	1,34	-1,424	,156	,207

Примечание. * $p < ,05$, ** $p < ,01$.

Рисунок 2. Оценки образа мира через 5 лет у подростков из Москвы и Мариуполя

Подростки из Москвы представляют мир через 5 лет значимо более управляемым и ценным, чем подростки из Мариуполя.

Для выявления вектора динамики образа мира в настоящем и в будущем нами была введена еще одна характеристика – квадрат расстояний между оценками образа мира сейчас и образа мира через 5 лет. У подростков из Москвы для этой характеристики среднее – 38,9, стандартное отклонение – 21,41, у подростков, проживающих в Мариуполе – среднее – 53,5, стандартное отклонение – 32,33. При помощи t-критерия Стьюдента для независимых выборок выявлено, что квадрат расстояний между семантическими образами мира сейчас и через 5 лет у подростков из Мариуполя значимо выше, чем у подростков из Москвы ($t = 3,720$; $p < ,001$; Коэн $d = ,461$).

При помощи коэффициента корреляции Пирсона выявлено, что квадрат расстояний между семантическими образами мира сейчас и мира через пять лет обратно связан с оценками всех базисных убеждений личности статистически значимыми связями (r – от $-,39$ до $-,24$, $p < ,001$).

Характер отношений со сверстниками и воспринимаемая поддержка

Для всех участников исследования были получены оценки доверия, привязанности, удовлетворенности коммуникацией и ощущения отвержения в отношениях со сверстниками и воспринимаемой поддержки со стороны семьи, друзей и значимых других.

В таблице 4 приведены средние и стандартные отклонения оценок отношений со сверстниками (шкалы опросника IPPA) и воспринимаемой поддержки от разных групп людей (MSPSS) у подростков из Москвы и Мариуполя и результат сравнения этих оценок (t-критерий Стьюдента для независимых выборок).

Таблица 4

Средние и стандартные отклонения оценок по шкалам опросников IPPA и MSPSS у подростков, из Москвы и Мариуполя, сравнение оценок

Шкала опросников IPPA и MSPSS/ Группа подростков	Москва		Мариуполь		Различия		
	M	SD	M	SD	t(236)	p	Коэн d
Привязанность к сверстникам	4,1	,70	3,6	,61	5,751*	<,001	,763
Доверие в отношениях сверстниками	4,4	,76	3,9	,77	4,605*	<,001	,588
Удовлетворенность коммуникацией	4,2	,81	3,5	,86	5,839*	<,001	,775

Шкала опросников IPPA и MSPSS/ Группа подростков	Москва		Мариуполь		Различия		
	М	SD	М	SD	t(236)	p	Коэф d
Отвержение со стороны сверстников	2,3	,71	2,7	,73	-2,951*	,004	-,586
Поддержка от друзей	5,8	1,44	5,3	1,31	2,798*	,014	,322
Поддержка от семьи	5,2	1,56	4,8	1,43	2,079*	,039	,263
Поддержка от значимых других	5,7	1,29	5,5	1,34	1,424	,156	,189

Примечание. * $p < ,05$, ** $p < ,01$.

Оценки привязанности к сверстникам, доверия в отношениях с ними и удовлетворенности коммуникацией со сверстниками у подростков из Москвы значимо выше, а оценки отвержения со стороны сверстников - значимо ниже, чем у подростков из Мариуполя.

Оценки воспринимаемой поддержки от семьи и друзей у подростков из Москвы значимо выше, чем у подростков из Мариуполя.

Связь характера отношений со сверстниками и воспринимаемой поддержки с базисными убеждениями подростков

Были проверены связи между оценками базисных убеждений личности с оценками отношений со сверстниками и воспринимаемой поддержки от разных категорий людей (коэффициент корреляции Пирсона). Результаты приведены графически на рисунке 3 (представлены значимые связи ($p < ,05$) силы больше, чем 0,2 по модулю).

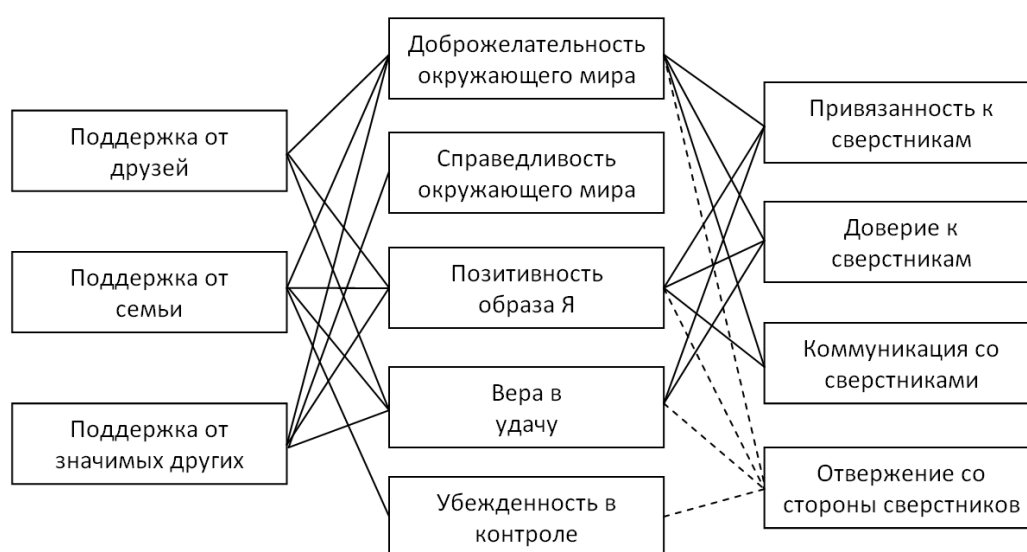
Связи оценок по шкалам опросников, направленных на выявление базисных убеждений (ШБУ) и особенностей отношений со сверстниками (IPPA):

1. оценки привязанности к сверстникам связаны прямо с оценками доброжелательности окружающего мира ($r = ,41$; $p < ,001$), позитивности образа «Я» ($r = ,31$; $p < ,001$) и веры в удачу ($r = ,28$; $p < ,001$);
2. оценки доверия в отношениях со сверстниками связаны прямо с оценками доброжелательности окружающего мира ($r = ,34$; $p < ,001$), позитивности образа «Я» ($r = ,23$; $p < ,001$) и веры в удачу ($r = ,20$; $p = ,002$);
3. оценки удовлетворенности коммуникацией со сверстниками связаны прямо с оценками доброжелательности окружающего мира ($r = ,29$; $p < ,001$) и позитивности образа «Я» ($r = ,22$; $p = ,001$);

4. оценки отвержения со стороны сверстников связаны обратно с оценками доброжелательности окружающего мира ($r = -,34$; $p = ,001$), позитивности образа «Я» ($r = -,29$; $p = ,001$), веры в удачу ($r = -,33$; $p < ,001$) и убежденности в контроле над жизнью ($r = -,21$; $p = ,002$).

Рисунок 3

Связь оценок базисных убеждений личности с оценками отношений со сверстниками и воспринимаемой поддержки ($|r| > ,2$; $p < ,05$)

Связи оценок по шкалам опросников, направленных на выявление базисных убеждений (ШБУ) и воспринимаемой поддержки (MSPSS):

1. оценки поддержки от друзей связаны прямо с оценками доброжелательности окружающего мира ($r = ,41$; $p < ,001$), позитивности образа «Я» ($r = ,31$; $p < ,001$) и веры в удачу ($r = ,28$; $p < ,001$);
2. оценки поддержки от семьи связаны прямо с оценками доброжелательности окружающего мира ($r = ,34$; $p < ,001$), позитивности образа «Я» ($r = ,23$; $p < ,001$), веры в удачу ($r = ,20$; $p = ,002$) и убежденности в контроле над своей жизнью ($r = ,23$; $p < ,001$);
3. оценки поддержки от значимых других связаны прямо с оценками доброжелательности окружающего мира ($r = ,29$; $p < ,001$), справедливости окружающего мира, позитивности образа «Я» ($r = ,22$; $p = ,001$) и веры в удачу ($r = ,29$; $p < ,001$).

Отдельно в каждой из групп – подростков из Москвы и из Мариуполя (с применением поправки Бонферрони) получены такие же связи между

опросниками, за исключением того, что у подростков из Мариуполя оценки справедливости окружающего мира связаны еще и с оценками поддержки со стороны друзей ($r = ,22$; $p = ,040$).

Были проверены связи между квадратами расстояний между семантическими образами мира сейчас и мира через 5 лет с оценками отношений со сверстниками и воспринимаемой поддержки от разных категорий людей (коэффициент корреляции Пирсона). Получено, что рассматриваемый квадрат расстояний связан прямо со степенью отвержения со стороны сверстников ($r = ,34$; $p < ,001$) и обратно со степенью поддержки со стороны семьи ($r = -,28$; $p < ,001$). Отдельно в каждой из групп – подростков из Москвы и Мариуполя (с применением поправки Бонферрони) – получены такие же связи между рассматриваемыми конструктами.

Так как все базисные убеждения личности связаны между собой связями средней или высокой силы (коэффициент корреляции Пирсона, r – от $,41$ до $,76$, $p < ,001$), мы ввели в рассмотрение среднюю оценку по всем базисным убеждениям и при помощи регрессионного анализа выявили предикторы этой характеристики. В качестве кандидатов в предикторы были взяты оценки воспринимаемой поддержки от разных групп людей и разных аспектов отношений со сверстниками. Шкала привязанность к сверстникам была убрана из модели, так как является интегративной характеристикой других шкал опросника IPPA.

Таблица 5

Модель линейной регрессии для общего показателя базисных убеждений личности

Предиктор	Нестандар- тизованные		Стандарти- зованные	Т	р	95% Доверительный интервал	
	В	SE	β			Нижняя граница	Верхняя граница
(Константа)	3,235	,238		13,611	<,001	2,766	3,703
Поддержка от семьи	,079	,020	,240	3,927	<,001	,039	,118
Поддержка от друзей	,027	,032	,078	,852	,395	-,036	,090
Поддержка от других	,068	,028	,181	2,414	,017	,013	,124

Предиктор	Нестандар- тизованные		Стандарти- зованные	T	p	95% Доверительный интервал	
	B	SE	β			Нижняя граница	Верхняя граница
Доверие	,027	,072	,043	,382	,703	-,114	,169
Коммуни- кация	,022	,072	,037	,304	,761	-,119	,163
Отвержение	-,175	,047	-,234	-3,712	<,001	-,267	-,082

Для модели $R^2 = ,311$, $F(6, 231) = 17,341$, $p < ,001$. Значимыми предикторами оценок по общему показателю базисных убеждений личности для 31,1% дисперсии являются (прямо) воспринимаемая поддержка от семьи и значимых других и (обратно) ощущение отвержения в отношениях со сверстниками.

Обсуждение результатов

Целью нашего исследования было изучение психологических особенностей подростков, проживающих в различных жизненных условиях. Полученные результаты подтвердили предположение о значимых различиях в базисных убеждениях подростков из г. Москва и г. Мариуполь. Окружающий мир воспринимается подростками из г. Москва как более доброжелательный, а образ «Я» как более позитивный. Вера в удачу и убежденность в контроле над жизнью также значимо выше, что объясняется устойчивостью, стабильностью, прогнозируемостью условий развития и возможностями респондентов планировать и реализовывать свои жизненные планы. Вместе с тем подростками, проживающими в г. Мариуполь, мир воспринимается как более справедливый, что согласуется с результатами нашего предыдущего исследования, в котором подростки Белгородской области, оказавшиеся около зоны боевых действий, также оценивали мир как более справедливый по сравнению со сверстниками из стабильных регионов России (Almazova et al., 2025).

Сравнительный анализ представлений о мире сейчас и в будущем у подростков, проживающих в разных жизненных условиях, также обнаружил значимые различия. Образ мира в настоящем у подростков, проживающих в г. Мариуполь, переживших потенциально травмирующие события, связанные с проведением боевых действий,

в том числе в местах проживания мирных жителей, отличается от образа мира подростков из г. Москва, проживающих в условиях большей стабильности, по показателям надежности, доброжелательности, целостности, спокойствия и сложности, а образ мира в будущем – по показателям ценности и управляемости. Образ мира подростков из г. Мариуполь (менее надежный, доброжелательный, целостный, спокойный), за исключением восприятия мира сейчас, как более простого, негативнее, чем у их сверстников из г. Москва. Неожиданное различие в восприятии мира простым или сложным может объясняться тем, что полярность пережитых событий и четкость принятого курса на восстановление и интеграцию в мирную жизнь, в настоящем структурирует и упрощает жизненные задачи у подростков из г. Мариуполь, а в случае подростков из г. Москва, задачи жизненного самоопределения выступают как более сложные в условиях множественности выбора возможных путей саморазвития.

Важным результатом исследования стало выявление вектора положительной динамики семантики образа мира в актуальный момент и в будущем у подростков из г. Мариуполь, что подтверждается сходством их оценок своей жизни в будущем с оценками подростков из г. Москва. Это свидетельствует о позитивных ожиданиях подростков и оптимизме в восприятии своего будущего, что составляет благоприятную основу для жизненного самоопределения и конструирования жизненных сценариев будущего (Селезнева и др., 2024). Интересно, что, если в восприятии мира в настоящем значимых различий в показателях управляемости и ценности у подростков, проживающих в различных регионах, не было, то в восприятии мира в будущем эти различия были зафиксированы. Возможным объяснением этого факта может быть следующее. Одной из важнейших задач будущего (в пределах 5-летнего периода) подростков является профессиональное самоопределение. Мир в решении этой задачи воспринимается как более ценный и управляемый в условиях стабильных социокультурных условий (подростки г. Москва) по сравнению с подростками из г. Мариуполь, где решение задач самоопределения будет осуществляться в условиях большей неопределенности. Значительные расхождения в оценке мира в двух временных перспективах – настоящего и будущего, могут свидетельствовать о снижении уровня актуального благополучия подростков. В нашем исследовании получено, что у подростков из г. Мариуполь расхождение между образами мира сейчас и в будущем значимо выше, чем у подростков из г. Москва, что косвенно подтверждает этот тезис.

Семантические образы мира сейчас и в будущем выступают как индикаторы ключевого компонента социальной ситуации развития – *переживания*, в целостности их аффективной и смысловой составляющей. А переживания, как отмечается в работах Л.С. Выготского, выступают как основа формирования активной-действенной позиции субъекта в созидании своего бытия (Карабанова, 2024) и формировании базисных убеждений как основы мировосприятия. В связи с этим полученные результаты представляются логичными и обоснованными. Различия в

сложных жизненных условиях проживания подростков, разный событийный опыт последних лет находит отражения как в образе мира настоящего и будущего, так и в характере базисных убеждений личности.

В такой ситуации особое значение приобретают ресурсы социальной поддержки, которые могут способствовать нормализации процесса адаптации подростков и их успешному нормативному развитию. Предположение о связи между базисными убеждениями и сферами социальной поддержки получило свое эмпирическое подтверждение. Поддержка в сфере межличностных отношений с друзьями значимо связана с убеждением в доброжелательности окружающего мира, позитивным образом «Я» и верой в удачу. Поддержка в семейной сфере положительно связана с убеждениями в доброжелательности мира, позитивным образом «Я», верой в удачу и способностью контролировать жизнь. Поддержка от значимых других – с убеждениями в доброжелательности и справедливости мира, позитивным образом «Я», верой в удачу. Выявлено, что наибольшую значимость для убеждения контролировать жизнь имеет семейная поддержка, что обусловлено надежной защитой, чувством безопасности и руководством, предоставляемыми со стороны семьи подросткам. Убеждение подростков в справедливости мира значимо связано с поддержкой со стороны значимых других, что подтверждает важную роль широкой социальной поддержки для формирования восприятия мира как справедливого. В случае отсутствия у подростков из г. Мариуполь возможности получения поддержки от семьи (ввиду гибели одного или двоих родителей, или других близких), можно говорить о снижении уровня удовлетворенности потребности в безопасности и защите как значимых компонентов психологического благополучия.

Учитывая особую роль общения со сверстниками в подростковом возрасте, мы уделили специальное внимание анализу связи параметров базисных убеждений личности и отношений со сверстниками. Привязанность к сверстникам, доверие в отношениях обнаруживают положительную значимую связь, а отвержение сверстников обратную значимую связь с убеждениями в доброжелательности мира, позитивным образом «Я» и веру в удачу. Коммуникация со сверстниками имеет положительную значимую связь с убеждениями в доброжелательности мира и позитивным образом «Я». Убежденность в контроле связана негативно с отвержением сверстников. Значимых связей убеждения в справедливости мира не было обнаружено, что еще раз свидетельствует о значении широкой системы социальных условий для его формирования. Таким образом, мы получили подтверждение значимости межличностных отношений со сверстниками для формирования базисных убеждений личности.

Проведенный анализ позволил выявить предикторы базисных убеждений личности у подростков. Факторами, делающими более позитивным видение окружающего мира и себя в этом мире, является воспринимаемая поддержка от семьи и значимых других, а более негативным – ощущение отвержения со стороны сверстников. Полученные результаты позволяют говорить о том, что именно

эти стороны социальной поддержки являются мишенями для психологического сопровождения подростков, оказавшихся в сложных жизненных условиях и переживших травмирующие события.

Таким образом, полученные результаты показывают, что особое значение в процессе адаптации и реинтеграции в мирную жизнь приобретает содержание социальной ситуации развития подростков. Характер ощущения себя, своей роли и своих переживаний в развитии общества в целом и отношения с окружающим социальным миром во многом определяет успешность нормативного психического развития. В случае низкой выраженности таких ресурсов, как поддержка от семьи и сверстников, процесс формирования позитивного образа себя и окружающего мира может усложняться и приводить к развитию негативных психологических изменений, затрагивающих такие важнейшие компоненты подросткового возраста, как идентичность, адекватные способы и формы самоопределения, устойчивость ценностных установок и жизнестойкость.

В связи с полученными результатами исследования можно говорить о значимой роли психологического просвещения и сопровождения подростков, переживших травмирующие события по причине проведения боевых действий, направленных на формирование у них позитивного образа себя и мира посредством расширения источников поддержки в случае отсутствия таковой от членов семьи, а также включением их в социально значимые формы взаимодействия со сверстниками как инструмент развития дружеских отношений со сверстниками и повышения доверия в этих отношениях.

Ограничения нашего исследования связаны с общей оценкой особенностей социальной ситуации развития подростков в регионах. Перспективой дальнейшего исследования выступает исследование значимых стрессогенных событий в жизни респондентов и учет модальности их аффективной оценки.

Заключение

В заключении проведенного исследования были сформулированы следующие выводы:

1. Существуют различия в базисных убеждениях подростков, проживающих в различных жизненных условиях. Подростки г. Москва характеризуются восприятием мира как более доброжелательного, но менее справедливого, образа «Я» как более позитивного, большей верой в удачу и убежденностью в контроле над жизнью, по сравнению со своими сверстниками из г. Мариуполь.
2. Образ «мира сейчас» у подростков, проживающих в г. Москва, отличается большей надежностью, доброжелательностью, целостностью, спокойствием и сложностью, а образ «мира в будущем» большей ценностью и управляемостью, по сравнению с подростками, проживающими в г. Мариуполь.

3. Выявлена положительная динамика восприятия мира во временной перспективе от настоящего к будущему у обеих групп подростков, проживающих в различных жизненных условиях.
4. Установлена связь между базисными убеждениями подростков и сферами социальной поддержки – друзей, семьи, значимых других. Выявлена специфика связи – для формирования убеждения в контроле значима поддержка семьи, убеждения о справедливости мира – поддержка от значимых других.
5. Выявлены значимые положительные связи между базисными убеждениями в доброжелательность мира, позитивном образе «Я», вере в удачу и привязанностью к сверстникам, доверием к сверстникам и коммуникацией, и отрицательные связи с отвержением сверстников, а также отрицательная связь убежденности в контроле и отвержением сверстников.
6. Специфика социальной ситуации развития подростков влияет на характер базисных убеждений. Показано, что предикторами базисных убеждений личности являются прямо воспринимаемая поддержка со стороны семьи и значимых других и обратно ощущение отвержения со стороны сверстников.

Литература

- Абакумова, И. В., Рядинская, Е. Н., Богрова, К. Б., Щетинин, А. А., Сотников, С. В. (2024). Ценностно-смысловая сфера населения районов локальных вооруженных конфликтов: психологический анализ. *Российский психологический журнал*, 21(2), 169–183. <https://doi.org/10.21702/rpj.2024.2.10>
- Авдулова, Т. П. (2025). *Психология подросткового возраста: учебник и практикум для вузов*. Издательство Юрайт.
- Асмолов, А. Г. (2015). Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия [Электронный ресурс]. *Психологические исследования*, 8(40), 1. Retrieved from <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/550>
- Алмазова, О. В., Долгих, А. Г., Молчанов, С. В., Шайгерова, Л. А. (2024). Восприятие окружающего мира во временной перспективе вынужденными мигрантами с различным типом решения дилемм. *Национальный психологический журнал*, 19(4), 26–39. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0402>
- Боулби, Дж. (2003). *Привязанность*. Гардарика.
- Выготский, Л. С. (1984). *Собрание сочинений. Т. 4. Детская психология*. Педагогика.
- Карабанова, О. А. (2024). Переживание и «идеальная форма» в структуре социальной ситуации развития. *Вестник Московского университета. Серия 14: Психология*, 4, 69–86. <https://doi.org/10.11621/LPJ-24-40>
- Красило, Д. А. (2006). Ориентирующий образ наставника в период вхождения во взрослость. *Психологическая наука и образование*, 11(1), 50–62.
- Микулинджер, М., Шейвер, Ф. (2023). *Привязанность у взрослых. Структура, динамика и изменения*. Диалектика.
- Молчанов, С. В., Алмазова, О. В., Поскребышева, Н. Н. (2023). Связь образа мира у российской студенческой молодежи с опытом участия в волонтерской деятельности. *Культурно-историческая психология*, 19(1), 71–83. <https://doi.org/10.17759/chp.2023190110>

- Калинина Е.П. Идентичность и психологические факторы успешной социализации подростка. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*. 2021;4(3), 36–45. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2021-4-3-36-45>
- Сабельникова, Н. В., Каширский, Д. В., Садовникова, Т. Ю. (2023). Русскоязычная версия «Опросника привязанности к родителям и сверстникам» Г. Армсдена и М. Гринберга. *Психологический журнал*, 3, 89–104. <https://doi.org/10.31857/S020595920024910-7>
- Слободчиков, В. И., Цукерман, Г. А. (1996). Интегральная периодизация общего психического развития. *Вопросы психологии*, 5, 38–50.
- Падун, М. А., Котельникова, А. В. (2008). Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Булман. *Психологический журнал*, 29(4), 98–106.
- Петренко, В. Ф. (1988). *Психосемантика сознания*. Издательство Московского университета.
- Селезнева, Ю. В., Комерова, Н. Е., Тарасова, А. Ю. (2024). Жизнестойкость и отношение ко времени как личностные ресурсы саморегуляции. *Российский психологический журнал*, 21(3), 75–91. <https://doi.org/10.21702/rpj.2024.3.5>
- Толстых, Н. Н. (2020). Социальная психология развития: интеграция идей Л. С. Выготского и А. В. Петровского. *Культурно-историческая психология*, 16(1), 25–34. <https://doi.org/10.17759/chp.2020160103>
- Толстых, Н. Н., Прихожан, А. М. (2025). *Психология подросткового возраста: учебник и практикум для вузов*. Издательство Юрайт.
- Чистопольская, К. А., Ениколопов, С. А., Николаев, Е. (2020). Обновленная версия шкалы MSPSS как инструмент исследования субъективной оценки личностью воспринимаемой социальной поддержки. *Высшее образование в условиях глобализации. Тренды и перспективы развития: материалы 12 международной учебно-методической онлайн-конференции*. Чувашия.
- Эльконин, Д. Б. (1989). *Избранные психологические труды: детская и педагогическая психология*. Педагогика.
- Эрикссон, Э. (1996). *Детство и общество*. Ленато, АСТ, Фонд «Университетская книга».
- Янг, Д., Клоско, Д., Вайсхаар, М. (2020). *Схема-терапия. Практическое руководство*. Диалектика.
- Dolgikh, A.G., Almazova, O.V., Molchanov, S.V., Shaigerova, L.A. (2025). The Effects of Emotional States and World Assumptions on Moral Disengagement in Adolescents from Combat Zones, *Psychology in Russia: State of the Art*, 18(2). <https://doi.org/10.11621/pir.2025.0206>
- Armsden, G., Greenberg, M. (1987). The Inventory of Parent and Peer Attachment: Individual Differences and Their Relationship to Psychological Well-Being in Adolescence. *Journal of Youth and Adolescence*, 16, 427–454. <https://doi.org/10.1007/BF02202939>
- Betancourt, T. S., Zuilkowski, S., Coles, E., Collet, K., Jambai, M. (2018). Adolescents and Armed Conflict. In J. E. Lansford, P. Banati (Eds.), *Handbook of Adolescent Development Research and Its Impact on Global Policy* (pp. 196–216). Oxford Scholarship Online.
- Branje, S. (2018). Development of Parent-Adolescent Relationships: Conflict Interaction as a Mechanism of Change. *Child Development Perspectives*, 12(3), 171–176. <https://doi.org/10.1111/cdep.12278>
- Bronfenbrenner, U. (2005). *Making Human Being Human: Bioecological Perspectives on Human Development*. SAGE.
- Janoff-Bulman, R. (1989). Assumptive worlds and the stress of traumatic events: Applications of the schema construct. *Social Cognition*, 7(2), 113–136. <https://doi.org/10.1521/soco.1989.7.2.113>
- Janoff-Bulman, R. (1992). *Shattered Assumptions: Towards a New Psychology of Trauma*. Free Press.
- Kahneman, D., Tversky, A. (Eds.). (2000). *Choices, Values and Frames*. Russell Sage Foundation; Cambridge University Press.

- Leverett, D., D'Costa, D., Cassella, S. (2020). Crisis and Adolescents: Assessments and Initial Management. *Primary Care: Clinics in Office Practice*, 47, 321–329. <https://doi.org/10.1016/j.pop.2020.02.009>
- Marcell, A. V., Halpern-Felsher, B. L. (2007). Adolescents' beliefs about preferred resources for help vary depending on the health issue. *Journal of Adolescent Health*, 41(1), 61–68. <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2007.02.006>
- Martsinkovskaya, T. D. (2019). Person in Transitive and Virtual Space: New Challenges of Modality. *Psychology in Russia: State of the Art*, 12(2), 165–176. <https://doi.org/10.11621/pir.2019.0212>
- Masten, A. S., Narayan, A. J. (2012). Child development in the context of disaster, war, and terrorism: Pathways of risk and resilience. *Annual Review of Psychology*, 63, 227–257. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-120710-100356>
- Olsson, C. A., Bond, L., Burns, J. M., Vella-Brodrick, D. A., Sawyer, S. M. (2003). Adolescents resilience: A concept analysis. *Journal of Adolescence*, 26(1), 1–11. [https://doi.org/10.1016/S0140-1971\(02\)00118-5](https://doi.org/10.1016/S0140-1971(02)00118-5)
- Silbereisen, R. K., Chen, X. (2010). *Social change and human development: Concept and results*. SAGE Publ. Ltd.
- Slone, M., Shoshani, A. (2014). Psychiatric effects of protracted conflict and political life events exposure among adolescents in Israel: 1998–2011. *Journal of Traumatic Stress*, 27(3), 353–360. <https://doi.org/10.1002/jts.21918>
- Slone, M., Shoshani, A. (2021). Effects of war and armed conflict on adolescent's psychopathology and well-being: Measuring political life events among youth. *Terrorism and Political Violence*, 34(8), 1797–1809. <https://doi.org/10.1080/09546553.2020.1839427>
- Zimmerman, M. A., Stoddard, S. A., Eisman, A. B., Caldwell, C. H., Aiyer, S. M., Miller, A. (2013). Adolescent resilience: Promotive factors that inform prevention. *Child Development Perspectives*, 7(4), 215–220. <https://doi.org/10.1111/cdep.12042>
- Zimet, G. D., Powell, S. S., Farley, G. K., Werkman, S., Berkoff, K. A. (1990). Psychometric characteristics of the Multidimensional Scale of Perceived Social Support. *Journal of Personality Assessment*, 55, 610–617.

Поступила в редакцию: 14.01.2025

Поступила после рецензирования: 11.03.2025

Принята к публикации: 24.04.2025

Заявленный вклад авторов

Александра Георгиевна Долгих – обсуждение замысла исследования, подбор методик, организация проведения исследования, обсуждение результатов.

Ольга Викторовна Алмазова – обсуждение замысла исследования, подбор методик, статистический анализ полученных результатов, обсуждение результатов.

Сергей Владимирович Молчанов – обсуждение замысла исследования, подбор методик, обсуждение результатов, обобщение полученных результатов.

Сергей Николаевич Рягин – критический пересмотр содержания статьи.

Информация об авторах

Александра Георгиевна Долгих – кандидат психологических наук, заведующий лабораторией психологии информационной безопасности подростков

Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований; доцент кафедры психологии образования и педагогики факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, Scopus ID: AuthorID: 1040028; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8845-1575>; e-mail: ag.dolgikh@mail.ru

Ольга Викторовна Алмазова – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии театральной деятельности Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований; доцент кафедры возрастной психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, Scopus ID: 5692556700; Author ID: 823146; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8852-4076>; e-mail: almaz.arg@gmail.com

Сергей Владимирович Молчанов – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии семьи и детско-родительских отношений Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований; доцент кафедры возрастной психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация; Scopus ID: 57214246985; Author ID: 621780; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5147-3551>; e-mail: s-molch2001@mail.ru

Сергей Николаевич Рягин – доктор педагогических наук, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский финансово-промышленный университет «Синергия», г. Москва, Российская Федерация; SPIN-код: 4921-3613; AuthorID: 684471; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0426-1825>; e-mail: Ryagin_sn@mail.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья

УДК 159.9.072

<https://doi.org/10.21702/h9c9gb84>

Шкала оценки собственных пространственных и инженерных способностей: разработка, валидизация, надежность

Анна О. Табуева^{*ID}, Виктория И. Исмагуллина^{ID}, Сергей Б. Малых^{ID}

Российская Академия Образования, Москва, Российская Федерация

*Почта ответственного автора: anntabueva@gmail.ru

Аннотация

Введение. Современные требования к профессиональной деятельности в научно-технических областях подчеркивают необходимость учета как инженерных, так и пространственных способностей при отборе студентов для углубленного обучения в STEM-дисциплинах. Комплексная оценка этих навыков может повысить эффективность обучения и увеличить количество высококвалифицированных специалистов в STEM-секторе. Целью настоящего исследования являлась разработка валидной и надежной шкалы, направленной на оценку собственных пространственных и инженерных способностей. **Методы.** Выборка составила 5062 учащихся высших учебных заведений России в возрасте от 18 до 25 лет (средний возраст 18,35 лет). В рамках анализа психометрических свойств шкалы применялся эксплораторный, конфирматорный и многогрупповой факторный анализ. **Результаты.** Факторный анализ выявил четырехфакторную структуру из 10 утверждений, показатели соответствия модели находилась в диапазоне отличных значений. Выявленные факторы «Ориентация», «Инженерия», «Вращение» и «Визуализация» в совокупности объясняли 52% общей дисперсии. Факторные нагрузки варьировались от 0,72 до 0,98, что подтверждает высокую надежность каждого отдельного утверждения. Показатель альфа Кронбаха для всей шкалы составил 0,85, указывая на высокую внутреннюю согласованность. Сравнительный анализ средних значений для верхних и нижних 27% выборки продемонстрировал значимые различия по всем пунктам шкалы. Анализ средних значений в гендерных

группах выявил значимые различия по четырем выявленным факторам. Анализ инвариантности измерений показал, что шкала соответствует конфигурационной, слабой и сильной типам инвариантности. **Обсуждение результатов.** Факторная структура шкалы соответствует представлению о пространственных способностях «большого» и «малого» масштаба. Новизна данного исследования заключается в валидации первой русскоязычной шкалы, обеспечивающей краткую и комплексную оценку как пространственных, так и инженерных способностей, что имеет важное значение для образовательной и профессиональной практики.

Ключевые слова

пространственные способности, инженерные способности, студенты, гендер, психометрический анализ

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Когнитивные предикторы выбора высокотехнологичных направлений подготовки высшего образования: прогностическая модель» № 24-18-01102

Для цитирования

Табуева, А. О., Исмагуллина, В. И., Малых, С. Б. (2025). Шкала оценки собственных пространственных и инженерных способностей: разработка, валидизация, надежность. *Российский психологический журнал*, 22(2), 28–48. <https://doi.org/10.21702/h9c9gb84>

Введение

Способности к идентификации, манипуляции и преобразованию пространственной информации имеют решающее значение для адаптации человека к окружающей среде (Newcombe & Huttenlocher, 2000). Пространственные навыки связаны с такими ключевыми аспектами когнитивного и академического функционирования человека, как успешность в обучении (Liu et al., 2021; Двойнин, Троцкая, 2022), интеллект (Lohman, 1996; Karpov, 2012), креативность (Kell et al., 2013; Suh & Cho, 2020), научное мышление (Clements & Battista, 1992; Mayer et al., 2014). В частности, пространственные навыки необходимы для успешного обучения и профессиональной деятельности в области STEM – наук, технологии, инженерии и математики (Завьялова и др., 2020; Wai et al., 2009; Miller & Halpern, 2013; Veurink & Sorby, 2017; Uttal & Cohen, 2012). В этом смысле способность эффективно интерпретировать и манипулировать пространственной информацией позволяет лучше понимать и решать прикладные задачи (Uttal et al., 2013).

Хотя пространственные, математические и вербальные способности считаются основой когнитивных способностей учащихся, оценке пространственных

способностей не уделялось должного внимания в STEM-образовании (Uttal & Cohen, 2012; Sorby et al., 2013). Что примечательно, пространственные способности считаются важным и относительно точным показателем потенциального таланта и успеха в областях STEM (Lowrie et al., 2019; Stieff & Uttal, 2015; Uttal & Cohen, 2012; Wai et al., 2009). В то же время, инженерные способности, такие как понимание принципов работы технических систем и устройств, требуют от будущих специалистов в области STEM высокого уровня пространственного мышления для эффективного развития навыков и компетенций, необходимых для решения реальных задач в инженерной практике (Uttal et al., 2013; Brotman & Moore, 2008). Таким образом, взаимовлияние пространственных и инженерных способностей формирует важную основу для успешной учебной и профессиональной деятельности в области STEM.

Современные требования к профессиональной деятельности в научно-технических областях также подчеркивают важность рассмотрения не только инженерных, но и пространственных способностей для отбора студентов для углубленного обучения в областях STEM (Lubinski, 2010; Sorby et al., 2018; Yoon & Mann, 2017). Совокупная оценка поможет максимизировать эффективность обучения в этих критически важных областях и привести к значительному увеличению числа высококвалифицированных специалистов в STEM-секторе (Wai et al., 2009; Adya & Kaiser, 2005). В свою очередь, изолированная оценка пространственных и инженерных способностей имеет ряд недостатков. Прежде всего, отдельная диагностика не учитывает синергетическое влияние пространственных навыков на решение инженерных задач и наоборот (Uttal et al., 2013), что может проявиться в недооценке кандидатов на инженерные должности с высокими пространственными способностями, но с низкими оценками по инженерным критериям. Кроме того, отсутствие междисциплинарного подхода ограничивает интерпретацию результатов: традиционных тестов на оценку пространственных способностей недостаточно для выявления навыков, важных для инженерного проектирования (Hegarty & Waller, 2004). Это может привести к искажению представления о реальных компетенциях и ограничить профессиональное развитие в междисциплинарных областях, таких как архитектура и механика, требующих синергии различных типов мышления (Sorby, 2009). В связи с чем для адекватной оценки профессиональных навыков необходима комплексная диагностика пространственных и инженерных способностей.

Таким образом, создание инструмента для оценки пространственных и инженерных способностей является важным шагом для повышения качества образования и кадрового отбора в STEM-сфере. Комплексная оценка поможет повысить эффективность профильного образования и развития профессионального потенциала кандидатов для инженерных профессий, что особенно важно в условиях растущей сложности технологий. Именно взаимосвязь пространственных и инженерных навыков указывает на необходимость совместного их изучения, что подчеркивает необходимость создания междисциплинарных измерительных инструментов для практической оценки.

Пространственные и Инженерные способности

Определение пространственных способностей все еще является спорным вопросом в психометрических исследованиях в связи с тем, что пространственные способности не являются единым конструктом, а скорее набором нескольких компонентов пространственных способностей (Аристова и др., 2018; Casey, 2013; Hegarty & Waller 2004, 2005; Lohman, 1996; Uttal & Cohen, 2012). Одним из оснований классификации пространственных способностей является масштабность субъекта по отношению к объектам пространства (Аристова и др., 2018).

В этом смысле в литературе различают пространственные способности локального(малого)иглобального(большого)масштабов(Jansen, 2009; Аристова и др., 2018). Группа «малого масштаба» пространственных способностей включает навыки, связанные с манипуляцией конкретными объектами: к основным способностям данной группы относятся трансформация объектов (Zacks et al., 2000), мысленное вращение (Blajenkova et al., 2005) и манипуляции с объектами (Kozhevnikov & Hegarty, 2001). В контексте «большого масштаба» выделяются способности к ориентации в пространстве и представлению расположения объектов относительно наблюдателя. Эта группа навыков включает оценку направления и расстояния (Jansen, 2009), в частности, к этой категории относится навигация (Kozhevnikov et al., 2006), «чувство направления» (De Beni et al., 2006), пространственная ориентация (Kozhevnikov & Hegarty, 2001) и восприятие перспективы (Hegarty & Waller, 2004). Кроме того, психологические и нейропсихологические исследования свидетельствуют о частичной диссоциации между способностями «малого» и «большого» масштаба (Morris & Parslow, 2004; Wang et al., 2014).

В свою очередь инженерные способности можно определить как совокупность знаний, навыков и личностных качеств, необходимых для успешного решения инженерных задач и работы в технических и прикладных областях (Miller, 2017; Ануфриева, 2023). Эти способности включают как технические навыки и социальные компетенции (Groeneveld et al., 2020), так и общие когнитивные способности (Frank, 2006; Ackerman et al., 2013). Когнитивные способности, играющие ключевую роль в инженерных компетенциях, включают аналитическое мышление (Hidayat et al., 2023), критическое мышление (Ahern et al., 2019), творческое мышление (Crompton, 2016) и, безусловно, пространственное мышление (Lubinski, 2010).

Взаимовлияние пространственных и инженерных способностей заслуживает особого внимания в связи с их значимостью для достижения успеха в STEM-областях. Способности визуализировать объекты и их взаимосвязи в трехмерном пространстве становятся критически важными для проектирования и анализа за счет облегчения понимания абстрактных концепций (Hegarty & Waller, 2004; Lee et al., 2010; Ha & Fang, 2016). Это подтверждает тот факт, что пространственное мышление является ключевым компонентом инженерного мышления и успешно трансформируется в практические навыки (Buckley et al., 2018; Buckley et al., 2022).

Шкала оценки собственных пространственных способностей

На данный момент существует ряд русскоязычных инструментов, направленных на оценку различных компонентов пространственных способностей (Троцкая, 2017; Лиханов и др., 2020; Батова, 2021). Однако оценка как пространственных, так и инженерных способностей может быть трудоемкой. В связи с актуальностью скрининговых методов оценки индивидуальных различий возникает необходимость разработки краткой шкалы самооценки пространственных и инженерных способностей. При разработке шкалы был использован ряд утверждений из опросника по оценке пространственных способностей Bricks для юношеского возраста (https://datadictionary.teds.ac.uk/studies/webtests/18yr_bricks_qnr.htm) проекта TEDS (Twins Early Development Study – «Исследование раннего развития близнецов»), направленных на оценку пространственных способностей «большого» и «малого» масштабов. Для оценки инженерных способностей отдельно были разработаны еще три утверждения, отражающие комбинацию пространственных и инженерных навыков в успешном выполнении задач, связанных с пониманием и проектированием объектов, устройств и механизмов.

Мы предполагаем, что факторная структура шкалы оценки собственных пространственных способностей будет разделена на два теоретически обоснованных взаимосвязанных компонента: пространственный и инженерный. **Целью** данного исследования является оценка теоретической и психометрической валидности разработанной шкалы.

Методы

Выборка

В исследовании приняли участие 5062 студентов четырех российских высших учебных заведений. Из них 14,3% недобросовестно заполнили представленную методику, что было выявлено в результате анализа индивидуальной изменчивости и длин последовательностей в ответах. Для дальнейшего анализа были отобраны 4336 участника, из них 1236 мужского пола (28,51%). Средний возраст участников составил 18,35 лет (18–25 лет, SD = 0,9).

Шкала оценки собственных пространственных способностей

Шкала оценки собственных пространственных и инженерных способностей содержит 11 утверждений. Из них 8 утверждений относятся к оценке пространственных способностей, утверждения 9–11 относятся к оценке инженерных способностей (Таблица 1). Участникам необходимо отметить по шкале Ликерта от 1 (абсолютно согласен) до 5 (абсолютно не согласен) степень своего согласия с каждым из утверждений. Утверждения 4, 6 и 8 являются обратными (негативными). Для дальнейшего анализа ответы на все утверждения, кроме обратных, были

закодированы наоборот: «абсолютно согласен» – 5 баллов, «согласен» – 4 балла и т. п. Общий балл по шкале вычисляется путем суммирования оценок.

Таблица 1

Содержание утверждений шкалы собственных пространственных и инженерных способностей.

№	Содержание утверждения
1	Я хорошо ориентируюсь на местности.
2	Я хорошо представляю, как 2D объекты выглядят в 3D.
3	Я хорошо запоминаю ориентиры, когда гуляю где-то в первый раз.
4	Мне трудно представить, как будут выглядеть объекты с другого ракурса.***
5	Я редко теряюсь, когда гуляю где-то в первый раз.
6	Мне сложно мысленно вращать объекты.***
7	У меня хорошие пространственные способности.
8	Обычно я не знаю, где нахожусь относительно ближайших ориентиров.***
9	Я легко понимаю принцип работы приборов, механизмов или устройств.
10	Если понадобится, то я смогу разобрать и собрать обратно бытовой прибор или механизм.
11	Для меня не составляет труда собирать модели из бумаги или конструировать из кубиков Лего.

Примечание. *** – обратные утверждения

Методы статистического анализа

Для обеспечения валидности теоретического конструкта и выявления факторной структуры, лежащей в основе Шкалы оценки собственных пространственных и инженерных способностей (Self-Perceived Ability-Spatial and Engineering, SPA-SAE), ответы участников были проанализированы при помощи моделирования структурными уравнениями. С этой целью выборка была поделена поровну для проведения Эксплораторного Факторного Анализа (ЭФА) перед проведением Конфирматорного Факторного Анализа (КФА). Первые 2168 участников были использованы для проведения ЭФА, тогда как остальные 2168 участников были отобраны для проведения КФА. Первоначальный ЭФА был проведен с использованием библиотеки psych (Revelle, 2025) в R версии 4.3.1 для определения факторной кластеризации данных. По результатам ЭФА был проведен КФА с использованием вращения promax, с целью анализа соответствия наблюдаемого набора данных предполагаемой факторной структуре. Конфирматорный факторный анализ был проведен с использованием программного обеспечения JASP версии 0.18.1.

Далее была проведена оценка внутренней согласованности и стабильности показателей шкалы SPA-SAE. Этот анализ включал оценку коэффициентов ранговой

корреляции Спирмана (ρ) между утверждениями и общим баллом шкалы. Для каждой подшкалы был рассчитан показатель альфа Кронбаха (α) для определения внутренней надежности утверждений. Данный анализ был проведен с использованием R версии 4.3.1.

Далее была проведена проверка инвариантности измерений в разных гендерных группах при помощи Многогруппового Конфирматорного Факторного Анализа (МКФА). В рамках МКФА был проведен анализ 3 моделей для проверки конфигурационной инвариантности, слабой инвариантности (факторных нагрузок) и сильной инвариантности (пороговых значений). Многогрупповой Конфирматорный Факторный Анализ был проведен с использованием программного обеспечения JASP версии 0.18.1.

Результаты

Описательная статистика

В Таблице 2 представлены характеристики распределения сырых баллов по утверждениям шкалы. Анализ нормальности распределения общего балла для всей выборки при помощи критерия Шапиро-Уилка продемонстрировал значимое отклонение от нормального распределения ($W = 0,99$, $p < 0,001$), вследствие чего для дальнейшего анализа были использованы непараметрические критерии.

Таблица 2

Описательные статистики распределения данных по утверждениям и по общей шкале

№ Утв.	Mean	Median	SD	Min	Max	Skewness	Kurtosis
1	3,59	4	1,12	1	5	-0,43	2,35
2	3,54	4	1,08	1	5	-0,37	2,39
3	3,71	4	1,08	1	5	-0,54	2,54
4	3,56	4	0,96	1	5	-0,65	3,02
5	3,29	3	1,18	1	5	-0,19	2,09
6	3,92	4	1,09	1	5	-0,47	2,51
7	3,43	3	1,02	1	5	-0,18	2,34
8	3,44	4	1,11	1	5	-0,61	2,49
9	2,85	3	1,07	1	5	0,24	2,41
10	2,61	2	1,22	1	5	0,37	2,15
11	3,33	3	1,53	1	5	-0,27	2,08
Общий балл	36,76	37	7,45	11	55	-0,13	3,05

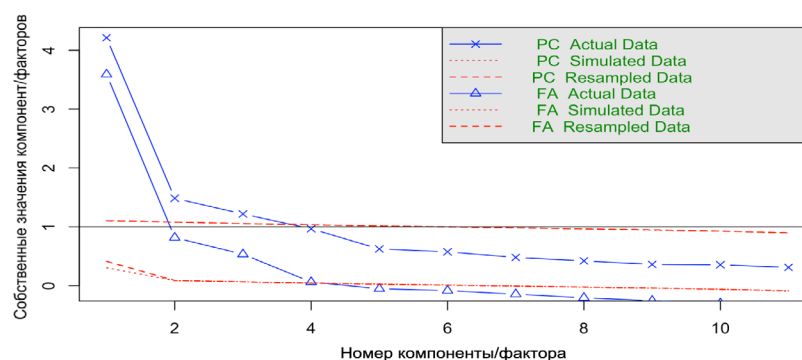
Эксплораторный Факторный Анализ

Для определения факторной структуры шкалы эксплораторный факторный анализ был проведен на первой половине выборки ($N = 2168$). Предварительно была проанализирована пригодность выборки для дальнейшего анализа. Было рассчитано значение Кайзера-Мейера-Олкина (КМО), которое оказалось равным 0,85. Результаты теста сферичности Бартлетта были значимыми ($\chi^2 = 17676,79$, $p < 0,001$), что указывает на то, что данные имеют многомерное распределение и соответствуют критериям факторного анализа.

Для определения количества латентных факторов был проведен параллельный анализ. Диаграмма каменистой осыпи (Рисунок 1) показала наличие 3 компонентов, собственное значение которых превышает 1. Анализ коэффициента акселерации показал наличие 4 факторов, на основе чего для дальнейшего проведения ЭФА была отобрана четырехфакторная структура.

Рисунок 1

Графическое определение количества компонент и факторов в эксплораторной факторной модели

Далее был проведен ЭФА с целью определения структуры нагрузки элементов в рассматриваемой факторной модели. Мы установили количество факторов, равное четырем, для исследуемых утверждений и применили вращение *promax (oblique)* для обеспечения более надежной интерпретации факторных нагрузок. Полученные результаты указали на то, что идентифицированные четыре фактора объясняют 18%, 15%, 13% и 6% общей дисперсии соответственно, что в совокупности составляет 52%. На следующем этапе был выполнен анализ соответствия утверждений каждому из факторов. При интерпретации паттернов факторных нагрузок мы считали, что утверждение шкалы нагружено на фактор, если значение нагрузки составляло 0,3 или выше, руководствуясь общепринятыми рекомендациями относительно минимального порога нагрузки для элементов. Утверждение 8 не соответствовало

этому критерию и было удалено из шкалы. Значения факторных нагрузок для утверждений шкалы представлены в Таблице 3.

Таблица 3

Факторное распределение утверждений по результатам Эксплораторного Факторного Анализа

Содержание		Факторные нагрузки после вращения			
№	Содержание утверждения	1	2	3	3
1	Я хорошо ориентируюсь на местности	0,839			
3	Я хорошо запоминаю ориентиры, когда гуляю где-то в первый раз.	0,772			
5	Я редко теряюсь, когда гуляю где-то в первый раз.	0,645			
9	Я легко понимаю принцип работы приборов, механизмов или устройств		0,731		
10	Если понадобится, то я смогу разобрать и собрать обратно бытовой прибор или механизм		0,923		
11	Для меня не составляет труда собирать модели из бумаги или конструировать из кубиков лего		0,521		
4	Мне трудно представить, как будут выглядеть объекты с другого ракурса.			0,791	
6	Мне сложно мысленно вращать объекты.			0,828	
2	Я хорошо представляю, как 2D объекты выглядят в 3D				0,602
7	У меня хорошие пространственные способности.				0,379

Примечание. Размер объясненной дисперсии: 51,895%, Фактор 1: 18,128%, Фактор 2: 15,221%, Фактор 3: 12,747%, Фактор 4: 5,799%

Исходя из результатов анализа паттернов факторных нагрузок и теоретического содержания утверждений было определено, что утверждения 1, 3 и 5 формируют фактор, связанный со способностями к ориентации в пространстве и навигации. В связи с чем фактор получил название «Ориентация». Далее, утверждения 9, 10 и 11, направленные на оценку инженерных способностей, составили фактор «Инженерия». Теоретическое содержание утверждений 4 и 6 относится к

способности ментального вращения, на основе чего фактор получил название «Вращение». Последний фактор, содержащий утверждения 2 и 7, направленные на оценку способности к пространственной визуализации, получил название «Визуализация».

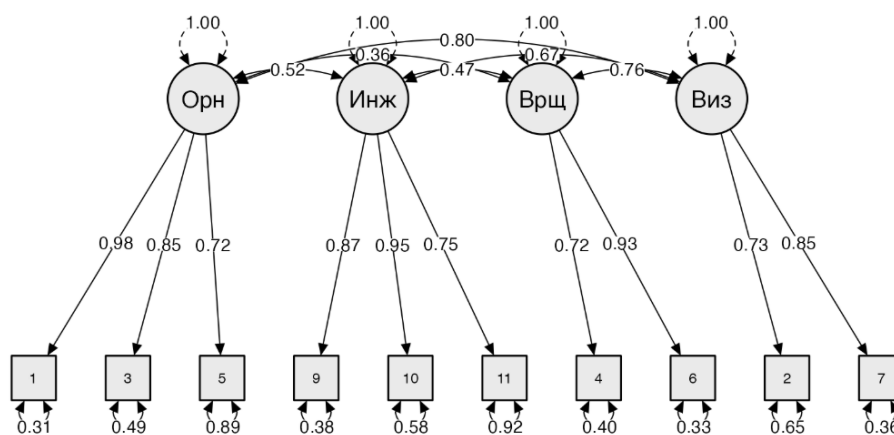
Конфирматорный Факторный Анализ

После проведения эксплораторного факторного анализа был проведен конфирматорный факторный анализ (КФА) на второй половине выборки ($N = 2168$), чтобы подтвердить, отражают ли полученные факторы модель пространственных и инженерных способностей (т. е. теоретическую основу). Факторная структура была определена на предыдущем этапе анализа по результатам ЭФА. Следовательно, все указанные факторы были эксплицитно определены и состояли из 3–2 пунктов. Эффективность модели оценивалась на основе классических индексов соответствия: χ^2 , Root Mean Square Error of Estimation (RMSEA), Comparative Fit Index (CFI), Tucker-Lewis Index (TLI) и Standardized Square Root Mean Residual (SRMR). Приемлемое соответствие модели подтверждается значениями RSMEA $< 0,08$ и значениями CFI и TLI от 0,90 до 0,95 (Hu & Bentler, 1999).

Четырехфакторная модель КФА показала соответствие данным ($\chi^2(283,233) < 0,001$, CFI = 0,971, TLI = 0,956, RMSEA = 0,064, SRMR = 0,038). Более того, факторные нагрузки варьировались от 0,72 до 0,98 (Рисунок 2). Матрица корреляции факторов показывает умеренные и высокие корреляции между всеми четырьмя факторами, варьирующиеся от 0,36 до 0,80 (Рисунок 2). Эти результаты дают разумные доказательства валидности конструкции нашей шкалы.

Рисунок 2

Диаграмма факторной структуры шкалы самооценки пространственных и инженерных способностей

Надежность

Для воспроизведения надежности выявленных факторов был проведен анализ взаимосвязей факторов на полной выборке ($N = 4336$) методом расчета коэффициента корреляции r Спирмана. Также для анализа взаимосвязей между факторами и общим баллом по шкале были рассчитаны коэффициенты корреляции r Спирмана (Таблица 4). Факторы и общий балл по шкале были положительно коррелированы. Показатели внутренней согласованности α Кронбаха для четырех факторов шкалы варьировались в пределах от 0,7 до 0,79 (Таблица 4). Эти результаты также подтверждают, что шкала является многомерной и имеет четыре фактора.

Таблица 4

Коэффициенты внутренней согласованности факторов и коэффициенты взаимосвязей факторов и общего балла

	Ориентация	Инженерия	Вращение	Визуализация	Общий балл
Ориентация					0,768***
Инженерия	0,396***				0,783***
Вращение	0,272***	0,362***			0,657***
Визуализация	0,569***	0,505***	0,572***		0,830***
α Кронбаха	0,79	0,78	0,78	0,70	0,85

Примечание. *** – $p\text{-value} < 0,001$

Для оценки различительной способности утверждений были рассчитаны скорректированные корреляции между элементом и общей суммой баллов по шкале для групп с нижними 27% ($N = 1217$) и верхними 27% ($N = 1236$) значениями. Затем разница между средними значениями нижней и верхней групп была проанализирована с использованием независимого непараметрического теста Манна-Уитни. Скорректированные корреляции между элементом и общей суммой

для шкальных пунктов варьировались от 0,573 до 0,768 (Таблица 5). Все значения были положительными и высокими, что подтвердило согласованность каждого элемента с общей шкалой. Для всех пунктов разница между средними значениями групп с нижними и верхними 27% была значительной (p -value $< 0,001$) (Таблица 5). Все эти результаты предоставили убедительные доказательства различительной способности элементов и их внутренней согласованности.

Таблица 5

Корреляция между утверждениями с общим баллом и сравнение средних значений для групп нижних и верхних 27 % результатов

Фактор	№	Корр-я с общим баллом	Гр.	Mean	SD	Манн-Уитни p-value	Rank-Biserial Correlation
Ориентация	1	0,709***	Н	2,607	0,952	<0,001	-0,864
			В	4,515	0,657		
	3	0,657***	Н	2,843	1,038	<0,001	-0,791
			В	4,520	0,668		
	5	0,573***	Н	2,491	0,998	<0,001	-0,712
			В	4,092	1,005		
Инженерия	9	0,683***	Н	2,035	0,783	<0,001	-0,822
			В	3,788	0,901		
	10	0,639***	Н	1,778	0,863	<0,001	-0,786
			В	3,666	1,088		
	11	0,636***	Н	2,402	1,060	<0,001	-0,796
			В	4,290	0,853		
Вращение	4	0,580***	Н	2,895	0,975	<0,001	-0,668
			В	4,151	0,716		
	6	0,610***	Н	2,562	1,051	<0,001	-0,727
			В	4,109	0,791		

Фактор	№	Корр-я с общим баллом	Гр.	Mean	SD	Манн-Уитни p-value	Rank-Biserial Correlation
Визуализация	2	0,690***	Н	2,608	0,947	<0,001	-0,813
			В	4,358	0,758		
	7	0,768***	Н	2,467	0,755	<0,001	-0,898
			В	4.315	0.675		

Примечание. *** – p-value <0,001; Н – группа нижних 27%; В – группа верхних 27%.

Инвариантность измерений

В результате сравнительного анализа средних значений между группами мужского (N = 1236) и женского (N = 3100) гендеров были получены значимые различия в пользу представителей мужского гендера (Таблица 6).

Таблица 6

Сравнительный анализ средних значений в группах женского и мужского гендеров

Фактор	Гр.	Mean	SD	Манн-Уитни p-value	Rank-Biserial Correlation
Ориентация	М	11,587	2,653	<0,001	0,283
	Ж	10,201	2,846		
Инженерия	М	10,204	2,827	<0,001	0,384
	Ж	8,231	2,771		
Вращение	М	7,330	1,778	<0,001	0,170
	Ж	6,803	1,872		
Визуализация	М	7,576	1,681	<0,001	0,270
	Ж	6,725	1,846		
Общий балл	М	36,697	6,647	<0,001	0,392
	Ж	31,961	6,997		

Примечание. М – группа мужского гендера; Ж – группа женского гендера.

Инвариантность измерений подразумевает, что шкала должна обеспечивать идентичное измерение одних и тех же конструктов среди различных групп. Для проверки выполнения условий инвариантности в классической практике часто применяется Многогрупповой конформаторный факторный анализ (МКФА) (Vandenberg & Lance Ch.e., 2000; van de Schoot et al., 2012). В данной работе для оценки воспроизводимости паттерна факторных нагрузок в рамках двух гендерных групп была использована конфигурационная модель на основе четырех факторов (Ориентация, Инженерия, Вращение и Визуализация). Проведено сравнение конфигурационной модели с моделью, обладающей инвариантностью факторных нагрузок (слабая модель), а также с моделью, которая обладает инвариантностью факторных нагрузок и порогов (сильная модель). Результаты МКФА представлены в Таблице 7.

Таблица 7

Результаты Многогруппового Конфирматорного Факторного Анализа и сравнения моделей инвариантности.

Модель	χ^2	df	p-value	CFI	RMSEA	SRMR
Модель 1 конфигу- рационная	582,61	58	<0,001	0,968	0,065 95% CI (0,060; 0,069)	0,041
Модель 2 слабая	600,32	64	<0,001	0,967 $\Delta=-0,001$	0,062 $\Delta=-0,003$ 95% CI (0,058; 0,067)	0,042 $\Delta=0,001$
Модель 3 сильная	631,16	70	<0,001	0,965 $\Delta=-0,002$	0,061 $\Delta=-0,001$ 95% CI (0,057; 0,065)	0,041 $\Delta=-0,001$

На основе общепринятых рекомендаций о допустимом ухудшении качества моделей при проверке инвариантности ($\Delta CFI \geq -0,01$, $\Delta RMSEA \geq 0,015$ и $\Delta SRMR \geq 0,03$) мы можем утверждать, что конфигурационная инвариантность и слабая инвариантность для данной выборки подтверждаются (Chen, 2007). На основе аналогичных критериев для сильной инвариантности ($\Delta CFI \geq -0,01$, $\Delta RMSEA \geq 0,015$ и $\Delta SRMR \geq 0,01$) также выполняются условия для установления данного типа инвариантности. Таким образом, основные типы инвариантности измерений для шкалы самооценки пространственных и инженерных способностей принимаются.

Обсуждение результатов

В рамках настоящего исследования была разработана серия утверждений, составляющих краткую шкалу, предназначенную для оперативной самооценки пространственных и инженерных способностей у студентов (Self-Perceived Ability-Spatial and Engineering – SPA-SAE) Данная шкала была оценена с использованием

репрезентативной выборки студентов, обучающихся в российских высших учебных заведениях, что позволило провести комплексный анализ ее психометрического качества. Для оценки шкалы были применены различные методы диагностики, включая анализ внутренней согласованности, оценку теоретической валидности и инвариантности измерений в гендерных группах. Результаты продемонстрировали высокое качество предлагаемой шкалы, подтверждая ее теоретическую обоснованность и уместность для использования в контексте оценки студентов по основным показателям пространственных и инженерных способностей.

Факторная структура шкалы

Для обеспечения валидности теоретического конструкта и выявления психометрической структуры, лежащей в основе шкалы оценки собственных пространственных и инженерных способностей, был проведен факторный анализ. Результаты эксплораторного анализа показали, что утверждения, связанные с пространственной навигацией, инженерными способностями, умственным вращением и пространственной визуализацией нагружены на отдельные взаимосвязанные факторы (Ориентация, Инженерия, Вращение и Визуализация, соответственно). Конфирматорный факторный анализ дополнительно подтвердил четырехфакторную структуру.

Подобные результаты согласуются с представлением о классификации компонентов пространственных способностей на группы «большого» и «малого» масштабов (Jansen, 2009). Так, фактор «Ориентация» можно рассматривать как представляющий «большой масштаб» пространственных способностей, поскольку утверждения, относящиеся к данному фактору связаны с выполнением задач, требующих ориентации в пространстве и представления расположения объектов относительно наблюдателя. В то же время, факторы «Вращение» и «Визуализация» относятся к пространственным способностям «малого» масштаба, и утверждения данных факторов отражают умение представлять конкретные объекты в пространстве, оценивать их изменения и манипулировать ими в сознании.

Таким образом, выявленная факторная структура данной шкалы не противоречит существующим представлениям о пространственных способностях и их связи с инженерными способностями и подтверждает теоретическую обоснованность структуры шкалы.

Надежность и согласованность оценок

По результатам оценки, фактор «Инженерия» умеренно коррелировал как с фактором «Ориентация», так и с факторами «Вращение» и «Визуализация». Эти результаты согласуются с тем фактом, что для развития высоких инженерных способностей необходимо иметь развитые пространственные способности (Berkowitz & Stern, 2018; Sorby et al., 2018). Более того, пространственная визуализация является

основным и самым сильным фактором в структуре пространственных и инженерных способностей, в наибольшей степени связанным с остальными пространственными и особенно инженерным фактором. Взаимосвязь факторов шкалы подтверждает взаимосвязь между инженерными и пространственными способностями, которые имеют важное значение для выполнения более узкоспециализированных задач, таких как решение пространственных головоломок или работа с технической документацией. Кроме того, подобный результат указывает на оправданную необходимость совместной оценки для профилирования в образовании и профориентации.

Инвариантность измерения в гендерных группах

На настоящей выборке сравнение средних показателей по выделенным факторам, а также по общему баллу продемонстрировало значимые различия в гендерных группах мужчин и женщин. Различия между мужчинами и женщинами в пространственных способностях хорошо задокументированы во многих исследованиях. В частности, мужчины демонстрируют результаты, значительно превосходящие результаты женщин в нескольких пространственных тестах (Maeda & Yoon, 2013; Uttal et al., 2013), а также в инженерных способностях (Halpern et al., 2007; Ceci & Williams, 2010; Charlesworth & Banaji, 2019; Antoshchuk, 2021). Исследования связывают различные факторы с индивидуальными различиями в этих показателях, включая эволюционные (Silverman et al., 2007), стратегические (Heil & Jansen-Osmann, 2008; Weiss и др., 2003) и гормональные (Heil & Jansen-Osmann, 2008; Vuoksima et al., 2010). Получение различий в гендерных группах на данной выборке подтверждает чувствительность шкалы к индивидуальным различиям в пространственных и инженерных способностях.

При этом, анализ инвариантности измерений в гендерных группах показал соответствие шкалы с четырьмя факторами условиям конфигурационной, слабой и сильной типов инвариантности. Такой результат свидетельствует о надежности шкалы в сравнении средних латентных факторов и структурных частей моделей, а также о инвариантности порогов оценок в исследуемых гендерных группах. Исходя из этого можно заключить о высокой степени сравнимости оценок и схожести интерпретаций утверждений шкалы в гендерных группах.

Заключение

Разработанная шкала самооценки пространственных и инженерных способностей является теоретически валидным и надежным средством, готовым для применения в русскоязычных исследованиях. Мы предлагаем практический инструмент, который может быть эффективно применен в образовательных учреждениях для выявления и оценки ключевых пространственных и инженерных навыков у студентов, и может быть использован для дальнейших исследований в данной области.

Литература

- Алексеева, О. С., Ржанова (Козлова), И. Е., Бритова, В. С., Николаева, А. Ю., Бурдукова, Ю. А. (2021). Диагностика флюидного интеллекта и его связь с другими когнитивными способностями в младшем школьном возрасте. *Вопросы Психологии*, 1, 50–61.
- Ануфриева, Т. Н. (2023). Компонентный состав гибких навыков современного инженера. *Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review*, 4 (50).
- Аристова, И. Л., Есипенко, Е. А., Шарафиева, К. Р., Масленникова, Е. П., Чипеева, Н. А., Фекличева, И. В., Солдатова, Е. Л., Фенин, А. Ю., Исмагуллина, В. И., & Малых, С. Б. (2018). Пространственные способности: Структура и этиология. *Вопросы Психологии*, 1, 118–126.
- Батова, А. А. (2021). Обзор методик и приемов диагностики пространственного мышления младших школьников. *Молодой ученый*, 42(384), 173–175.
- Двойнин, А. М., & Троцкая, Е. С. (2022). Когнитивные предикторы академической успешности: Как общие закономерности «работают» на ранних этапах образования? *Психологическая наука и образование*, 27(2), 42–52. <https://doi.org/10.17759/pse.2022270204>
- Завьялова (Майсейченко), И. Ю., Солдатова, Е. Л., & Малых, С. Б. (2020). Пространственные способности как предикторы академической успешности в Stem. *Сборник «Стратегические ориентиры современного образования»*, часть 3, 200–203. <https://doi.org/10.26170/Kso-2020-263>
- Лиханов, М. В., Цигеман, Ц. Э., & Ковас, Ю. В. (2020). Короткая онлайн батарея пространственных способностей (OSSAB): Психометрические нормы для школьников старшего возраста. *Сибирский психологический журнал*, 78, 117–129. <https://doi.org/10.17223/17267080/78/7>
- Троцкая, Е. С. (2017). Методы диагностики пространственного мышления младших школьников. *Известия института педагогики и психологии образования*, 1, 86–91.
- Ackerman, P. L., Kanfer, R., & Beier, M. E. (2013). Trait complex, cognitive ability, and domain knowledge predictors of baccalaureate success, STEM persistence, and gender differences. *Journal of Educational Psychology*, 105(3), 911–927. <https://doi.org/10.1037/a0032338>
- Adya, M., & Kaiser, K. M. (2005). Early determinants of women in the IT workforce: A model of girls' career choices. *Information Technology & People*, 18(3), 230–259. <https://doi.org/10.1108/09593840510615860>
- Ahern, A., Dominguez, C., McNally, C., O'Sullivan, J. J., & Pedrosa, D. (2019). A literature review of critical thinking in engineering education. *Studies in Higher Education*, 44(5), 816–828. <https://doi.org/10.1080/03075079.2019.1586325>
- Antoshchuk, I. A. (2021). Moving through the STEM pipeline: A systematic literature review of the gender inequality in russian engineering. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 3.
- Berkowitz, M., & Stern, E. (2018). Which Cognitive Abilities Make the Difference? Predicting Academic Achievements in Advanced STEM Studies. *Journal of Intelligence*, 6(4), Article 4. <https://doi.org/10.3390/jintelligence6040048>
- Blajenkova, O., Motes, M. A., & Kozhevnikov, M. (2005). Individual differences in the representations of novel environments. *Journal of Environmental Psychology*, 25(1), 97–109. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2004.12.003>
- Brotman, J. S., & Moore, F. M. (2008). Girls and science: A review of four themes in the science education literature. *Journal of Research in Science Teaching*, 45(9), 971–1002. <https://doi.org/10.1002/tea.20241>

- Buckley, J., Seery, N., & Canty, D. (2018). A Heuristic Framework of Spatial Ability: A Review and Synthesis of Spatial Factor Literature to Support its Translation into STEM Education. *Educational Psychology Review*, 30(3), 947–972. <https://doi.org/10.1007/s10648-018-9432-z>
- Buckley, J., Seery, N., Canty, D., & Gumaelius, L. (2022). The Importance of Spatial Ability Within Technology Education. In P. J. Williams & B. von Mengersen (Eds.), *Applications of Research in Technology Education: Helping Teachers Develop Research-Informed Practice* (pp. 165–182). Springer Nature. https://doi.org/10.1007/978-981-16-7885-1_11
- Casey, B. M. (2013). Individual and group differences in spatial ability. In Handbook of spatial cognition (pp. 117–134). American Psychological Association. <https://doi.org/10.1037/13936-007>
- Ceci, S. J., & Williams, W. M. (2010). Sex Differences in Math-Intensive Fields. *Current Directions in Psychological Science*, 19(5), 275–279. <https://doi.org/10.1177/0963721410383241>
- Charlesworth, T. E. S., & Banaji, M. R. (2019). Gender in Science, Technology, Engineering, and Mathematics: Issues, Causes, Solutions. *Journal of Neuroscience*, 39(37), 7228–7243. <https://doi.org/10.1523/JNEUROSCI.0475-18.2019>
- Chen, F. F. (2007). Sensitivity of Goodness of Fit Indexes to Lack of Measurement Invariance. *Structural Equation Modeling: A Multidisciplinary Journal*, 14(3), 464–504. <https://doi.org/10.1080/10705510701301834>
- Clements, D. H., & Battista, M. T. (1992). Geometry and spatial reasoning. In *Handbook of research on mathematics teaching and learning: A project of the National Council of Teachers of Mathematics* (pp. 420–464). Macmillan Publishing Co, Inc.
- Cropley, D. H. (2016). Creativity in Engineering. In G. E. Corazza & S. Agnoli (Eds.), *Multidisciplinary Contributions to the Science of Creative Thinking* (pp. 155–173). Springer. https://doi.org/10.1007/978-981-287-618-8_10
- De Beni, R., Pazzaglia, F., & Gardini, S. (2006). The Role of Mental Rotation and Age in Spatial Perspective-Taking Tasks: When Age does not Impair Perspective-Taking Performance. *Applied Cognitive Psychology*, 20(6), 807–821. <https://doi.org/10.1002/acp.1229>
- Frank, M. (2006). Knowledge, abilities, cognitive characteristics and behavioral competences of engineers with high capacity for engineering systems thinking (CEST). *INCOSE Journal of Systems Engineering*, 9(2), 91–103.
- Groeneveld, W., Jacobs, H., Vennekens, J., & Aerts, K. (2020). Non-cognitive Abilities of Exceptional Software Engineers: A Delphi Study. Proceedings of the 51st ACM Technical Symposium on Computer Science Education, 1096–1102. <https://doi.org/10.1145/3328778.3366811>
- Ha, O., & Fang, N. (2016). Spatial Ability in Learning Engineering Mechanics: Critical Review. *Journal of Professional Issues in Engineering Education and Practice*, 142(2), 04015014. [https://doi.org/10.1061/\(ASCE\)EI.1943-5541.0000266](https://doi.org/10.1061/(ASCE)EI.1943-5541.0000266)
- Halpern, D. F., Benbow, C. P., Geary, D. C., Gur, R. C., Hyde, J. S., & Gernsbacher, M. A. (2007). The Science of Sex Differences in Science and Mathematics. *Psychological Science in the Public Interest: A Journal of the American Psychological Society*, 8(1), 1–51. <https://doi.org/10.1111/j.1529-1006.2007.00032.x>
- Hegarty, M., & Waller, D. (2004). A dissociation between mental rotation and perspective-taking spatial abilities. *Intelligence*, 32(2), 175–191. <https://doi.org/10.1016/j.intell.2003.12.001>
- Hegarty, M., & Waller, D. A. (2005). Individual Differences in Spatial Abilities. In *The Cambridge Handbook of Visuospatial Thinking* (pp. 121–169). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511610448.005>
- Heil, M., & Jansen-Osmann, P. (2008). Sex differences in mental rotation with polygons of different complexity: Do men utilize holistic processes whereas women prefer piecemeal ones? *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, 61(5), 683–689. <https://doi.org/10.1080/17470210701822967>

- Hidayat, R., Nugroho, I., Zainuddin, Z., & Ingai, T. A. (2023). A systematic review of analytical thinking skills in STEM education settings. *Information and Learning Sciences*, 125(7/8), 565–586. <https://doi.org/10.1108/ILS-06-2023-0070>
- Hu, L., & Bentler, P. M. (1999). Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives. *Structural Equation Modeling: A Multidisciplinary Journal*, 6(1), 1–55. <https://doi.org/10.1080/10705519909540118>
- Jansen, P. (2009). The dissociation of small- and large-scale spatial abilities in school-age children. *Perceptual and Motor Skills*, 109(2), 357–361. <https://doi.org/10.2466/PMS.109.2.357-361>
- Karpov A.V. (2012). The Integral Abilities of the Personality as the Subject Matter of Psychological Research. *Psychology in Russia: State of the Art*, 5, 99–116.
- Kell, H. J., Lubinski, D., Benbow, C. P., & Steiger, J. H. (2013). Creativity and technical innovation: Spatial ability's unique role. *Psychological Science*, 24(9), 1831–1836. <https://doi.org/10.1177/0956797613478615>
- Kozhevnikov, M., & Hegarty, M. (2001). A dissociation between object manipulation spatial ability and spatial orientation ability. *Memory & Cognition*, 29(5), 745–756. <https://doi.org/10.3758/BF03200477>
- Liu, S., Wei, W., Chen, Y., Hugo, P., & Zhao, J. (2021). Visual–Spatial Ability Predicts Academic Achievement Through Arithmetic and Reading Abilities. *Frontiers in Psychology*, 11. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.591308>
- Lohman, D. F. (1996). *Spatial Ability and g*. In *Human Abilities*. Psychology Press.
- Lowrie, T., Logan, T., & Hegarty, M. (2019). The influence of spatial visualization training on students' spatial reasoning and mathematics performance. *Journal of Cognition and Development*, 20(5), 729–751. <https://doi.org/10.1080/15248372.2019.1653298>
- Lubinski, D. (2010). Spatial ability and STEM: A sleeping giant for talent identification and development. *Personality and Individual Differences*, 49(4), 344–351. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2010.03.022>
- Maeda, Y., & Yoon, S. Y. (2013). A Meta-Analysis on Gender Differences in Mental Rotation Ability Measured by the Purdue Spatial Visualization Tests: Visualization of Rotations (PSVT:R). *Educational Psychology Review*, 25(1), 69–94. <https://doi.org/10.1007/s10648-012-9215-x>
- Mayer, D., Sodian, B., Koerber, S., & Schwippert, K. (2014). Scientific reasoning in elementary school children: Assessment and relations with cognitive abilities. *Learning and Instruction*, 29, 43–55. <https://doi.org/10.1016/j.learninstruc.2013.07.005>
- Miller, D. I., & Halpern, D. F. (2013). Can spatial training improve long-term outcomes for gifted STEM undergraduates? *Learning and Individual Differences*, 26, 141–152. <https://doi.org/10.1016/j.lindif.2012.03.012>
- Miller, R. K. (2017). Building on Math and Science: The New Essential Skills for the 21st-Century Engineer. *Research Technology Management*, 60(1), 53–56.
- Morris, R. G., & Parslow, D. (2003). Neurocognitive Components of Spatial Memory. In *Human Spatial Memory*. Psychology Press.
- Newcombe, N., Huttenlocher, J., & Learchmonth, A. (1999). Infants' coding of location in continuous space. *Infant Behavior and Development*, 22(4), 483–510. [https://doi.org/10.1016/S0163-6383\(00\)00011-4](https://doi.org/10.1016/S0163-6383(00)00011-4)
- Revelle, W. (2025). *psych: Procedures for Psychological, Psychometric, and Personality Research* (p. 2.4.6.26) [Dataset]. <https://doi.org/10.32614/CRAN.package.psych>
- Silverman, I., Choi, J., & Peters, M. (2007). The Hunter-Gatherer Theory of Sex Differences in Spatial Abilities: Data from 40 Countries. *Archives of Sexual Behavior*, 36(2), 261–268. <https://doi.org/10.1007/s10508-006-9168-6>
- Sorby, S. A. (2009). Educational Research in Developing 3-D Spatial Skills for Engineering Students. *International Journal of Science Education*, 31(3), 459–480. <https://doi.org/10.1080/09500690802595839>
- Sorby, S., Casey, B., Veurink, N., & Dulaney, A. (2013). The role of spatial training in improving

- spatial and calculus performance in engineering students. *Learning and Individual Differences*, 26, 20–29. <https://doi.org/10.1016/j.lindif.2013.03.010>
- Sorby, S., Veurink, N., & Streiner, S. (2018). Does spatial skills instruction improve STEM outcomes? The answer is 'yes.' *Learning and Individual Differences*, 67, 209–222. <https://doi.org/10.1016/j.lindif.2018.09.001>
- Stieff, M., & Uttal, D. (2015). How Much Can Spatial Training Improve STEM Achievement? *Educational Psychology Review*, 27(4), 607–615. <https://doi.org/10.1007/s10648-015-9304-8>
- Suh, J., & Cho, J. Y. (2020). Linking spatial ability, spatial strategies, and spatial creativity: A step to clarify the fuzzy relationship between spatial ability and creativity. *Thinking Skills and Creativity*, 35. <https://doi.org/10.1016/j.tsc.2020.100628>
- Uttal, D. H., & Cohen, C. A. (2012). Chapter Four - Spatial Thinking and STEM Education: When, Why, and How? In B. H. Ross (Ed.), *Psychology of Learning and Motivation* (Vol. 57, pp. 147–181). Academic Press. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-394293-7.00004-2>
- Uttal, D. H., Miller, D. I., & Newcombe, N. S. (2013). Exploring and enhancing spatial thinking: Links to achievement in science, technology, engineering, and mathematics? *Current Directions in Psychological Science*, 22(5), 367–373. <https://doi.org/10.1177/0963721413484756>
- van de Schoot, R., Lugtig, P., & Hox, J. (2012). A checklist for testing measurement invariance. *European Journal of Developmental Psychology*, 9(4), 486–492. <https://doi.org/10.1080/17405629.2012.686740>
- Vandenberg, R. J. & Lance Ch.e. (2000). A Review and Synthesis of the Measurement Invariance Literature: Suggestions, Practices, and Recommendations for Organizational Research. *Organizational Research Methods*, 3(1), 4–70. <https://doi.org/10.1177/109442810031002>
- Veurink, N., & Sorby, S. (2017). Longitudinal study of the impact of requiring training for students with initially weak spatial skills. *European Journal of Engineering Education*, 44, 1–11. <https://doi.org/10.1080/03043797.2017.1390547>
- Vuoksimaa, E., Viken, R. J., Hokkanen, L., Tuulio-Henriksson, A., Rose, R. J., & Kaprio, J. (2010). Are There Sex Differences in the Genetic and Environmental Effects on Mental Rotation Ability? *Twin Research and Human Genetics*, 13(5), 437–441. <https://doi.org/10.1375/twin.13.5.437>
- Wai, J., Lubinski, D., & Benbow, C. P. (2009). Spatial ability for STEM domains: Aligning over 50 years of cumulative psychological knowledge solidifies its importance. *Journal of Educational Psychology*, 101(4), 817–835. <https://doi.org/10.1037/a0016127>
- Wang, L., Cohen, A. S., & Carr, M. (2014). Spatial ability at two scales of representation: A meta-analysis. *Learning and Individual Differences*, 36, 140–144. <https://doi.org/10.1016/j.lindif.2014.10.006>
- Weiss, E., Siedentopf, C. M., Hofer, A., Deisenhammer, E. A., Hoptman, M. J., Kremser, C., Golaszewski, S., Felber, S., Fleischhacker, W. W., & Delazer, M. (2003). Sex differences in brain activation pattern during a visuospatial cognitive task: A functional magnetic resonance imaging study in healthy volunteers. *Neuroscience Letters*, 344(3), 169–172. [https://doi.org/10.1016/S0304-3940\(03\)00406-3](https://doi.org/10.1016/S0304-3940(03)00406-3)
- Yoon, S. Y., & Mann, E. L. (2017). Exploring the spatial ability of undergraduate students: Association with gender, STEM majors, and gifted program membership. *Gifted Child Quarterly*, 61(4), 313–327. <https://doi.org/10.1177/0016986217722614>
- Zacks, J. M., Mires, J., Tversky, B., & Hazeltine, E. (2000). Mental spatial transformations of objects and perspective. *Spatial Cognition and Computation*, 2(4), 315–332. <https://doi.org/10.1023/A:1015584100204>

Поступила в редакцию: 01.09.2024

Поступила после рецензирования: 14.01.2025

Принята к публикации: 19.04.2025

Заявленный вклад авторов

Анна Олеговна Табуева – методология, программное обеспечение, формальный анализ, визуализация, текст.

Виктория Игоревна Исматуллина – дизайн исследования, курирование данных, администрирование проекта, текст.

Сергей Борисович Малых – концептуализация, ресурсы, обзор и редактирование, привлечение финансирования.

Информация об авторах

Анна Олеговна Табуева – ведущий аналитик Центра междисциплинарных исследований в сфере наук об образовании, Российская Академия Образования (ФГБУ РАО), Москва, Российская Федерация; ResearcherID: AAO-2545-2020, Scopus Author ID: 57214991302, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8559-9790>; e-mail: anntabueva@gmail.com

Виктория Игоревна Исматуллина – кандидат психологических наук, ведущий аналитик Центра междисциплинарных исследований в сфере наук об образовании, Российская Академия Образования (ФГБУ РАО), Москва, Российская Федерация; ResearcherID: D-9656-2014, Scopus Author ID: 57191996544, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5096-4313>; e-mail: victoria2686@gmail.com

Сергей Борисович Малых – доктор психологических наук, академик-секретарь, Отделение психологии и возрастной физиологии, Российская Академия Образования (ФГБУ РАО), Москва, Российская Федерация; ResearcherID: I-3697-2013, Scopus Author ID: 6701707734, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3786-7447>; e-mail: malykhsb@mail.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Оценка метапознания у детей 5–6 лет: к вопросу о разработке методики

Анастасия Н. Сиднева^{1*}, Екатерина С. Ощепкова¹, Лариса Ф. Баянова²

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

²Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Российская Федерация

*Почта ответственного автора: asidneva@yandex.ru

Аннотация

Введение. Метапознание – процесс осознания и регуляции собственных познавательных процессов, в котором выделяют два компонента: метазнание (о стратегиях и факторах познания) и метарегуляцию (планирование, мониторинг и оценку). Считалось, что метапознание появляется только в возрасте 7–8 лет, однако последние исследования показывают, что некоторые компоненты метапознания можно обнаружить с более раннего возраста. **Методы.** Цель исследования – выявление тех компонентов метапознания, которые могут быть оценены у детей 5–6 лет, и разработка методики их оценки. В исследовании приняли участие 62 ребенка от 4 лет 11 месяцев до 6 лет 10 месяцев (ср. возраст 66,8 месяцев, 50% мальчиков) – воспитанников старшей и подготовительной групп детских садов г. Москвы и г. Казани. Использовались два типа задач: мнемическая и мыслительная, оценка компонентов метапознания производилась на основе беседы с детьми в процессе решения задач. Для обработки данных использовались корреляционный анализ, анализ различий по критерию Манна-Уитни. Для анализа ответов детей применялся качественный анализ. **Результаты.** Выделены компоненты, которые могут быть оценены в данном возрасте: два компонента метазнания (о стратегии и о факторах успешности), и два компонента метарегуляции (оценка своей успешности и оценка трудностей). Метакогнитивная оценка своей успешности и трудностей положительно связаны с успешностью при решении мыслительных задач, но не задач на запоминание. Также большую успешность в решении мыслительных задач обнаруживают дети, которые могут выделить свою стратегию и те факторы, которые

повлияли на их результат. Подобного рода связей в отношении мнемических задач не обнаружено. **Обсуждение результатов.** Анализ решения мыслительных задач дает большие возможности для оценки компонентов метапознания у детей, чем анализ решения задач на запоминание, эта методика рассматривается как наиболее перспективная для последующих исследований.

Ключевые слова

метапознание, метазнание, метарегуляция, решение задач, запоминание, старший дошкольный возраст

Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 24-18-00437, тема проекта «Факторы и эффекты развития чувства юмора у детей».

Для цитирования

Сиднева, А. Н., Ощепкова, Е. С., Баянова Л.Ф. (2025). Оценка метапознания у детей 5–6 лет: к вопросу о разработке методики. *Российский психологический журнал*, 22(2), 49–64. <https://doi.org/10.21702/71rq8x38>

Введение

Под метапознанием в широком смысле этого слова понимается осознание и регулирование детьми осуществляемых ими познавательных процессов (мышления, памяти, воображения и пр.) (Veraksa & Veraksa, 2023). Термин «метапознание» был предложен Дж. Флэйвеллом (Flavell, 1976) в его модели когнитивного мониторинга памяти. Согласно этой модели, можно выделить четыре типа метапознавательных феноменов: 1) осознание субъектом задачи, 2) осознание стратегии, 3) осознание факторов, влияющих на результат решения задачи (особенностей задачи, стратегии и собственных личностных особенностей) и 4) метакогнитивный опыт или рефлексия (аффективная или когнитивная) хода решения задачи (Flavell, 1976; 1979). В более поздних исследованиях метапознания эти феномены были обобщены в два основных компонента метапознания – метазнание и метарегуляцию (Paris, Cross & Lipson, 1984; Flavell, 2000; Veenman, Van Hout-Wolters, Afflerbach, 2006; Whitebread et al., 1999). Знаниевый компонент включал осознание факторов, влияющих на процесс решения задач – своих личных особенностей, особенностей самой задачи и особенностей выбранной стратегии. Регуляционный компонент описывался собой умение субъекта управлять собственным познанием (Schraw, Moshman, 1995, p. 354), включающий три вида стратегий – стратегии планирования (отбор нужных способов и распределение ресурсов), мониторинга (отслеживание собственного понимания

или успешности решения задачи) и оценки (сопоставления запланированного и полученного по факту).

Можно ли говорить о метапознании применительно к детям старшего дошкольного возраста? Автор идеи метапознания Дж. Флэйвелл соотносил возникновение метапознания со стадией формальных операций у Ж. Пиаже, поскольку на этой стадии дети умеют мыслить гипотетико-дедуктивным способом, что, по мнению Дж. Флэйвелла, требует метакогнитивного контроля (Flavell, 1992, p. 118). Развитие метапознания на более ранних этапах, с точки зрения Дж. Флэйвелла, невозможно из-за того, что познавательный эгоцентризм не позволяет ребенку обращаться к собственным процессам мышления, осуществлять их рефлексию. Дж. Флэйвелл в дальнейшем высказал идею о наличии на более ранних этапах так называемого уровня прото-метапознания, когда дети в принципе знают, что существуют разные точки зрения, но еще не могут свободно обращаться с ними. К примеру, метакогнитивное знание может появляться в возрасте 4–6 лет как понимание того, что в процессе решения задачи «что-то идет не так». Но это, с точки зрения Дж. Флэйвелла, не относится к метакогнитивной регуляции, которая возникает уже ближе к подростковому возрасту (Veenman & Spaans, 2005). Соответственно, долгое время считалось, что метапознавательные способности появляются не раньше 7–8 лет (Flavell, 1979; Kreutzer et al., 1975; Veenman et al. 2006). Однако в последнее время все чаще исследователи стали говорить о том, что вопрос, возможно, состоит не в возрасте, а в методах исследования, и были созданы методики, которые демонстрировали наличие элементов метапознавательных способностей уже у детей 3–4 лет (Bartsch & Estes, 1996; Lockl & Schneider, 2006; Gascoine, Higgins & Wall, 2017).

Методы оценки метапознания у детей младшего и старшего дошкольного возраста

Проблема оценки метапознания у детей дошкольного возраста связана, в первую очередь, со спецификой самого конструкта «метапознание», который можно охарактеризовать как «действие над действием». Это означает, что метапознание так или иначе отражает наличие у ребенка рефлексивного уровня, проявляющегося не только при осуществлении познавательной деятельности, но и, например, в речи – при понимании иронии, юмора, смешанных (противоречивых) эмоций и т. д. (Шатская и др., 2024). Оценка факта наличия или отсутствия рефлексии затрудняется в связи с недостаточной развитостью речевых навыков детей – детям трудно вербализовать достаточно абстрактные конструкции, относящиеся к области познания. Именно поэтому опросники метапознания на 5–7-летних детях практически не работают, хотя такие попытки и предпринимаются (см., например, Чернокова, 2013).

Наиболее распространенным методом диагностики метапознания у старших дошкольников является наблюдение по заранее выделенным критериям. Так, в работе Whitebread et al. (2007) анализировались и разделялись на категории короткие видеозаписи проявлений метакогнитивной активности, которые

собирались педагогами в течение двух лет. Оценивалась степень представленности метакогнитивного знания (о своих особенностях, об особенностях задач и о стратегии) и степень представленности метакогнитивной регуляции (планирования, мониторинга и оценки). Результаты данного исследования показали наличие всех описанных компонентов у детей уже с 3 лет, причем чаще в ситуациях сотрудничества со сверстниками, без участия педагогов. Сходным образом оценивалось метапознание A. Shamir et al. (2009), однако авторы исследования здесь выбрали лишь один тип задач (запоминание картинок), наблюдали и оценивали, в какой мере проявляются компоненты метапознания на протяжении 10 дней. В исследовании F. Buehle и N. Oeri (2024) детям давали задачу, в середине решения которой они сталкивались с невозможностью закончить ее решение, причем экспериментатор уходил из комнаты и фиксировалось то, что делает и говорит ребенок с точки зрения представленности двух компонентов метапознания – мониторинга и контроля. В исследовании D. Bryce & D. Whitebread (Bryce & Whitebread, 2012) Детям давалось задание собрать железную дорогу по образцу, процесс снимался на видео и видеозаписи затем анализировались по определенным критериям.

Второй вариант оценки метапознания – беседа с ребенком во время и сразу после решения задачи. Многочисленные исследования показали, что чем младше ребенок, тем больше его метапознавательные особенности привязаны к контексту решения конкретных задач, что означает необходимость использования максимально «встроенной» в решение задач диагностики (Brown, 1987; Schneider & Pressley, 1997; Bernard et al., 2015; Bryce et al., 2012; Whitebread & Pino-Pasternak, 2010; Marulis, 2016). Так, в работе Marulis et al. (2016) детям 3–5 лет предлагалось собрать по образцу разного вида пирамидки из разных по форме частей, процесс фиксировался на камеру и по результатам проводилось так называемое метакогнитивное интервью. Интервью включало 4 блока вопросов: 1) ты справился хорошо/средне или плохо? что ты делал, чтобы сделать хорошо? что можно было бы сделать, чтобы ты справился еще лучше? 2) что-либо было для тебя сложным? если нет, то почему, если да, то почему и что могло бы сделать задачу легче, 3) были бы эти задачи сложнее для другого ребенка твоего возраста? почему да/почему нет? 4) как ты узнал, что ты сделал все задачи правильно? На основе ответов на эти вопросы оценивалось только метакогнитивное знание – знание о себе, знание о задаче и знание о стратегии, причем важен был не столько ответ, сколько факт наличия именно метакогнитивного его обоснования. Считается, что метакогнитивное знание у детей 3–5 лет сформировано лучше, чем метарегуляция. Однако, с нашей точки зрения, вопросы о том, как ребенок оценивает свою успешность («Как ты справился – хорошо, средне или плохо?») и наличие трудностей («Было ли тебе трудно?») – это вопросы скорее на регуляционный компонент метапознания – метакогнитивную оценку, а вот что помогло или помешало – именно на осознание (метакогнитивное знание). В другой работе - Bernard et al. (Bernard et al., 2015) - оценка метарегуляции (процедурного метапознания) производилась через так называемую «opt-out task» (задача с отказом от решения), где детям нужно было распознавать предъявляемые

на экране изображения разного качества (одни были хорошо видно, другие – хуже) и в случае, если они могли распознать, они нажимали кнопку одного цвета, а если не могли – другого. Таким образом, здесь речь шла про метакогнитивную оценку (смогу или не смогу решить) как компонент метарегуляции.

Исходя из анализа представленных в литературе методик, мы выделили те компоненты метапознания, которые, по-видимому, можно обнаружить у детей 5–7 лет:

1. метазнание: о стратегии (как я действовал) и о факторах (что мне помогло и помешало), среди факторов можно выделить три группы: личные особенности, особенности задачи и особенности стратегии;
2. метарегуляцию: субъективную оценку успешности и трудности, предполагающую сопоставление с реальной успешностью и трудностью.

Цель исследования

Основной целью исследования являлась разработка методики оценки метапознания у детей старшего дошкольного возраста. Необходимо было подобрать тип когнитивных задач, которые, во-первых, предполагают «встроенную» в контекст решения задачи беседу с ребенком, не требующую высокого уровня рефлексии, а, во-вторых, действительно позволяют успешно оценить сформированность выбранных компонентов метапознания. В качестве дополнения мы запланировали проверку гипотез о росте выбранных компонентов метапознания с возрастом и о связи качества метапознания с успешностью решения задач.

Были выдвинуты следующие **предварительные гипотезы** исследования:

1. Чем старше ребенок, тем лучше развиты у него все исследуемые компоненты метапознания (оценка успешности, оценка трудности, метазнание о стратегии и об условиях);
2. У тех детей, у кого лучше развито метазнание (о стратегии и об условиях), выше успешность решения когнитивных задач;
3. У тех детей, у кого лучше развито метарегуляция (оценка успешности и трудности), выше успешность решения когнитивных задач.

Методы

Выборка

Апробация методики оценки метапознания была проведена на 62 детях от 4 лет 11 месяцев до 6 лет 10 месяцев (средний возраст 66,8 месяцев, среди выборки 50% мальчиков) – воспитанников старшей и подготовительной групп детских садов г. Москвы и г. Казани. Различий между мальчиками и девочками обнаружено не было ни по одному из параметров.

Методика

При подборе конкретной методики мы опирались на работу М. Marulis et al. (2016), описанную выше. Однако, исходя из имеющихся исследований, мы приняли решение дать задачу не только на мышление (конструирование по образцу), но и на память, предполагая сопоставить результаты и выбрать наиболее подходящий тип задач. Соответственно, в первой серии исследования дети решали задачу на зрительную память (запоминание картинок), а во второй – задачу на конструирование на основе образца (3 первых задания из кубиков Никитина). В каждой серии детям предлагалось последовательно решить три задачи, на основе ответов на вопросы после решения каждой задачи оценивалось сформированность компонентов метапознания.

1 серия. Метапознание в процессе запоминания

Инструкция испытуемым звучала следующим образом:

«Я сейчас покажу тебе картинки, постарайся запомнить из них как можно больше».

Ход исследования: предъявляется 22 карточки с изображениями животных или растений на 40–45 с. После этого карточки убирают и просят ребенка назвать то, что на них было изображено. Фиксируется количество названных карточек. Те же самые карточки с той же самой инструкцией показывают еще два раза. В промежутках между предъявлениями и воспроизведениями задаются следующие вопросы:

После первого предъявления и воспроизведения:

1. Сейчас ты запомнил(а) ____ карточек (говорится, сколько). Я покажу тебе эти карточки еще раз. Как ты думаешь, сколько карточек ты сможешь запомнить?

После второго предъявления и воспроизведения:

2. Как ты думаешь, ты сейчас лучше справился, чем в первый раз? (оценка успешности);
3. Что тебе помогло справиться лучше? (метазнание об условиях).
4. После третьего предъявления и воспроизведения:
5. Как ты думаешь, ты сейчас лучше справился, чем в прошлый раз? (оценка успешности);
6. Что тебе помогло справиться лучше? (метазнание об условиях);
7. Что тебе помешало запомнить все карточки? (метазнание об условиях);
8. Расскажи, как ты их запоминал? (метазнание о стратегии).

По результатам беседы выделялись следующие переменные:

1. Адекватность оценки успешности: максимум 2 балла – по 1 баллу за каждый вопрос «Как ты думаешь, ты сейчас лучше справился, чем в первый раз?» в случае, если ответ ребенка (лучше/хуже/так же) совпадет с реальным изменением количества запомненных слов.

2. Метазнание о стратегии (осознание способа решения задачи): максимум 1 балл в случае, если ответы отражают любой возможный способ, максимум по двум вопросам 2 балла. Примеры ответов, оцененных в 1 балл: «молчал,

чтобы запомнить в голове»; «разложить по одной и так запоминать»; «способ сосредоточения».

3. Метазнание об условиях: подсчитывался общий балл от 0 до 4 при факте выделения ребенком условий и отдельно фиксировалось наличие одного из 4 типов условий – задача, стратегия, личные особенности, внешние причины:

- Примеры выделения детьми особенностей задачи как условия: «картинок слишком много»; «слишком много похожих карточек»; «карточки красивые»; «третий раз их вижу»;
- Примеры выделения детьми особенностей стратегии как условия: «пока смотрел на вторую, забыл первую»; «говорить про себя помогло»; «запоминать то, что раньше не называл»;
- Примеры выделения детьми личных особенностей как условия: «мой мозг мне помогает»; «мой ум», «моя память», «рот помогает; глаза помогают»; «голова помогает»; «плохо запоминаю которые не знаю»;
- Примеры выделения детьми внешних причин как условий: «моя любимая машинка помогала»; «цветы помогали»; «крики отвлекали»

Адекватность оценки трудности в 1 серии не подсчитывалась, поскольку задача ставилась одна и та же все три раза.

2 серия. Метапознание в процессе решения задач

Ребенку показывают кубики Никитина с последовательно усложняющимися узорами-образцами, которые нужно собрать. Экспериментатор демонстрирует образец решения наиболее простой задачи. Инструкция испытуемым звучала следующим образом:

«Давай поиграем. Нужно сложить из этих кубиков вот такую фигуру (показывает на самую простую фигуру). Попробуй».

Когда ребенок говорит, что он уже решил, экспериментатор фиксирует факт решения или его отсутствия и задает вопросы:

1. У тебя хорошо получилось? (оценка успешности);
2. Было ли трудно? (оценка трудности).

После фиксации ответов дается фигура сложнее; после того, как ребенок говорит, что все сделал, опять же фиксируется успешность и задаются вопросы:

3. У тебя получилось лучше или хуже, чем в прошлый раз? (оценка успешности);
4. Тебе было легче или сложнее? Почему? (оценка трудности).

После фиксации ответов дается еще более сложная фигура, после завершения сборки задаются вопросы:

5. У тебя получилось лучше или хуже, чем в прошлый раз? (оценка успешности);
6. Тебе было легче или сложнее? Почему? (оценка трудности);

7. Что тебе помешало собрать правильно последнюю фигуру (в случае неуспешности)? Что тебе помогло собрать такую сложную фигуру? (в случае успешности) (метазнание об условиях);

8. Как ты действовал, когда собирал фигуры? (метазнание о стратегии);

По результатам беседы выделялись следующие переменные:

1. Адекватность оценки успешности: максимум 3 балла – по 1 за каждый вопрос 1, 3, 5 в случае, если ответ ребенка (лучше/хуже/так же) совпадет с реальной успешностью (собрал/не собрал);

2. Адекватность оценки трудности: максимум 3 балла – по 1 за каждый вопрос 2, 4, 6 в случае, если ответ ребенка (труднее/легче/так же) совпадет с реальной трудностью процесса, которая фиксировалась экспериментатором;

3. Метазнание о стратегии (осознание способа решения задачи): максимум 2 балла в случае, если ответы на вопросы 7 и 8 отражают любой возможный способ). Примеры ответов, оцененных в 1 балл: «думал, как собрать»; «смотрел на узор»; «подбирал по цвету»;

4. Метазнание об условиях: оценивалось по ответу на вопрос 7, подсчитывался общий балл от 0 до 4 при факте выделения ребенком условий и отдельно фиксировалось наличие одного из 4 типов условий – задача, стратегия, личные особенности, внешние причины):

Примеры выделения детьми особенностей задачи как условия: «узор трудный слишком»;

Примеры выделения детьми особенностей стратегии как условия: «я их вертела, крутила»; «подобрать правильные кубики»;

Примеры выделения детьми личных особенностей как условия: «мозг»; «ум»;

Примеры выделения детьми внешних причин как условий: «моя любимая собачка помогала»; «вы помогли».

Результаты

Описательные статистики по каждому из параметров в каждой серии представлены в Таблице 1.

Что касается запоминания картинок, то, предсказуемо, с каждым предъявлением увеличивается количество воспроизведенных детьми слов, при этом только 8,1% детей неадекватно оценивают свою реальную успешность по сравнению с предыдущей (считая, что сделали лучше, когда сделали хуже, и наоборот). 53,2% дошкольников оценивают успешность своего запоминания по сравнению с предыдущей максимально адекватно.

Таблица 1

Описательные статистики по параметрам успешности и оценки метапознания

	N	M	SD	Частоты по уровням (при наличии) (в %)
1 серия (запоминание)				
Количество воспроизведенных слов после 1 предъявления (из 22)	62	5,84	2,34	
Количество воспроизведенных слов после 2 предъявления (из 22)	62	7	2,33	
Количество воспроизведенных слов после 3 предъявления (из 22)	62	8,4	3,08	
Адекватность оценки успешности (0–2)	62	1,45	0,64	2 – 53,2 1 – 38,7 0 – 8,1
Метазнание о стратегии (0–2)	62	1,03	0,81	2 – 33,9 1 – 35,5 0 – 30,6
Метазнание об условиях (0–4)	62	1,02	0,64	4 – 0 3 – 0 2 – 20,9 1 – 59,68 0 – 45,16
Задача (0–1)	62	0,16	0,37	1 – 16,12 0 – 83,88
Стратегия (0–1)	62	0,34	0,48	1 – 33,9 0 – 66,1
Личные особенности (0–1)	62	0,42	0,5	1 – 41,9 0 – 58,1
Внешние причины (0–1)	62	0,1	0,1	1 – 9,7 0 – 90,3

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ

	N	M	SD	Частоты по уровням (при наличии) (в %)
2 серия (решение задачи)				
Реальная успешность решения (0–3)	62	1,74	1,02	3 – 11,7 2 – 29,4 1 – 11,8 0 – 41,2
Адекватность оценки успешности (0–3)	62	2,05	0,89	3 – 23,5 2 – 35,3 1 – 41,2 0 – 0
Адекватность оценки трудности (0–3)	62	2,44	0,8	3 – 29,4 2 – 35,3 1 – 29,4 0 – 5,9
Метазнание о стратегии (0–2)	55	0,58	0,76	2 – 16,4 1 – 25,5 0 – 58,1
Метазнание об условиях (0–4)	53	0,75	0,59	4 – 0 3 – 0 2 – 7,5 1 – 60,4 0 – 32,1
Задача (0–1)	53	0,27	0,42	1 – 22,6 0 – 77,4
Стратегия (0–1)	53	0,13	0,34	1 – 13,2 0 – 86,8
Личные особенности (0–1)	53	0,3	0,46	1 – 30,2 0 – 69,8
Внешние причины (0–1)	53	0,09	0,29	1 – 9,4 0 – 90,6

При этом реальная успешность в запоминании у детей никак не связана с их оценкой своей успешности (R Спирмена). Однако те, кто адекватнее оценивают успешность своего запоминания, гораздо реже «жалуются» на особенности задачи, которые помешали им сделать лучше («картинок слишком много») или на легкость этих задач («третий раз уже смотрю») (R Спирмена = $-0,54$, $p < 0,01$). Наиболее часто при запоминании дети выделяют в качестве условий (что мешает, а что помогает) свои личные особенности (41,9% – «помогло то, что я умный», «память помогла»), на втором месте – особенности стратегии (33,9% – «говорить про себя помогло»; «запоминать то, что раньше не называл»), на третьем – особенности задачи (16,12% – «слишком много похожих карточек») и на последнем месте – внешние факторы (9,7% – «музыка отвлекала»).

Что касается решения мыслительных задач, то лишь 11,7% детей справились со всеми тремя узорами, а 41,2% – не справились ни с одним. При этом в данном задании обнаружена корреляция между реальной успешностью и адекватностью оценки своей успешности. Чем лучше дети справляются, тем точнее они оценивают свою успешность (R Спирмена = 0,62, $p < 0,001$).

Вообще те дети, которые адекватнее оценивают успешность, значимо точнее оценивают и наличие/отсутствие трудностей в процессе решения (R Спирмена = 0,52, $p < 0,001$), выделяют мешающие и помогающие факторы (R Спирмена = 0,27, $p < 0,05$). Интересно также то, что более успешны в решении задач именно те дети, которые могут выделить стратегию решения (R Спирмена = 0,52, $p < 0,01$). Наиболее часто при сборке фигур дети выделяют в качестве условий (что мешает, а что помогает) свои личные особенности (30,2% – «я умный», «я старательный», «я внимательный» и др.), на втором месте особенности задачи (22,6% – «трудные фигурки», «мы переходили от простых к сложным» и др.), далее – особенности выбранной стратегии (13,2% – «слишком много на картинку смотрел, а надо было на кубики», «вначале научился, а потом это помогло»), часть детей (9,4%) называют лишь внешние факторы («шум за дверью помешал», «вы мне не помогли»).

Интересно, что никаких связей между переменными адекватности оценки успешности, трудности и фактом выделения стратегии по двум разным задачам (на память и на мышление) обнаружено не было. Осознание условий запоминания никак не связано с осознанием условий сборки фигур. Однако те дети, которые чаще называют внешние факторы (что помешало и что помогло) в задаче на память, чаще называют те же внешние факторы в задаче на мышление (R Спирмена = 0,34, $p < 0,05$).

Итак, наиболее интересные результаты мы получили именно при анализе метапознания в решении мыслительных задач, что, видимо, связано с тем, что здесь, в отличие задач на память, есть четкие критерии результативности – сложил ли ребенок фигуру как в образце или нет, что позволяет детям точнее оценить адекватность и трудность задач.

Проверка гипотез

1. Чем старше ребенок, тем лучше развиты у него все исследуемые компоненты метапознания (оценка успешности, оценка трудности, метазнание о стратегии и об условиях).

Гипотеза не подтвердилась: возраст не вносит значимый вклад ни в один из компонентов метапознания ни по задачам на память, ни по задачам на мышление. Возможно, это связано с отсутствием в нашей выборке достаточного разброса по возрасту, и необходимо апробировать методики на более старших детях.

2. У тех детей, у кого лучше развито метазнание (о стратегии и об условиях), выше успешность решения когнитивных задач.

Гипотеза подтвердилась только в отношении задач на мышление. Дети, обладающие метазнанием о стратегии и условиях, лучше выполняет такие задания (R Спирмена для стратегии = 0,52, $p < 0,001$, R Спирмена для условий = 0,28, $p < 0,05$).

3. У тех детей, у кого лучше развито метарегуляция (оценка успешности и трудности), выше успешность решения когнитивных задач.

Гипотеза подтвердилась, опять же, только в отношении задач на мышление. Дети, обладающие более высоким уровнем метарегуляции, лучше выполняют такие задания (R Спирмена для адекватности оценки успешности = 0,62, $p < 0,001$, R Спирмена для адекватности оценки трудности = 0,3, $p < 0,05$).

Результаты проверки гипотез позволяют нам утверждать, что методика, предполагающая решение мыслительных задач, дает более интересные результаты по метазнанию, чем методика, где дети решают задачи на запоминание.

Обсуждение результатов

Проблематика метапознания у детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста вписана в более широкий контекст проблемы формирования и развития субъектности ребенка как в детском саду, так и в начальной школе (Цукерман, Обухова, 2024; Nisskaya & Tsyganova, 2024). Метапознание дошкольника тесно связано с развитием других ключевых для этого возраста процессов – регуляторными функциями, пониманием эмоций, теориями психического и др. (Blair & Razza, 2007; Веракса и др., 2023). Однако до выявления условий формирования компонентов метапознания важно найти адекватные методы их оценки. В последние годы происходит активное обсуждение таких методов (Buehle & Oeri, 2024; Lyons & Ghetti, 2010; Lockl & Schneider, 2006; Gascoine, Higgins & Wall, 2017; Чернокова, 2013). Однако в связи с рефлексивной «природой» самого феномена метапознания, предполагающего по определению осознание и регуляцию своих познавательных процессов, изучение метапознания в детском возрасте сильно затруднено. Тем не менее даже простое наблюдение за старшими дошкольниками и младшими школьниками показывает, что они отличаются по уровню сформированности метакогнитивных навыков – часть детей, например, легко оценивает свою успешность или уровень трудности при выполнении задачи, а другие не могут адекватно описать свои реальные результаты и количество затраченных усилий. Одни дети могут выделить способ, с помощью которого решалась задача, а другие затрудняются даже в понимании того, что здесь можно использовать какой-либо способ. В настоящем исследовании предпринята попытка найти подход к оценке метапознания у дошкольников на основе решения ими разного типа когнитивных задач – задач на запоминание и собственно мыслительных, доступных этому возрасту (например, таких как сборка фигуры по образцу).

В данной работе на основе анализа литературы выделены те компоненты метапознания, по сформированности которых дети действительно могут отличаться.

Чаще всего в психологических работах представлены методики оценки лишь одного из компонентов метапознания – метазнания (Marulis et al., 2016; Schneider & Pressley, 1997), речь, в основном, про знания о задачах, стратегии и факторах познания (Flavell, 1979; Schraw & Moshman, 1995). Считается, что метарегуляция как владение стратегиями планирования, мониторинга и оценки решения задач – это более позднее возрастное приобретение. Однако, как показало наше исследование, отдельные компоненты метарегуляции могут присутствовать в виде адекватности оценки успешности и трудности решения задачи.

Существенным результатом проведенной работы стал обнаруженный нами факт того, что задачи на мышление, видимо, более надежно оценивают те компоненты метапознания, которые можно увидеть у старших дошкольников. Речь о двух компонентах метазнания (метазнание о стратегии и метазнание об условиях) и двух компонентах метарегуляции (адекватность оценки своей успешности и адекватность оценки трудности). При этом очень интересным с точки зрения полученных различий оказался вопрос об условиях (метазнание об условиях) в решении задач на мышление – «Что тебе помогло, а что помешало в выполнении этих заданий?». В ответе на него дети четко разделились на четыре группы: большая часть в качестве таких условий называет свои личностные особенности («мой ум», «мой мозг», «хорошо соображаю» и пр.), на втором месте – особенности задачи («слишком трудный узор»), затем – стратегии («подбирал по цвету», «крутил») и, наконец, внешние причины («шумно было»). В задачах на запоминание распределение детей по группам было похожим, однако второе место «заняли» не особенности задачи, а особенности стратегии (третье место – у особенностей задачи, четвертое – у внешних факторов). Видимо, это связано со спецификой задач на запоминание по сравнению с задачами по выкладыванию узора: в задачах на память стратегия играет явно более важную роль. Это приводит нас к мысли найти такие мыслительные задачи, в которых стратегия выступила бы перед детьми более явно, где можно было бы действительно выбирать разные стратегии решения.

К сожалению, мы не получили ни по одному из вариантов методики возрастных различий, что, видимо, связано с небольшой выборкой исследования.

Заключение

Наиболее надежным типом задач для оценки компонентов метапознания являются задачи на мышление, в частности, умение воспроизводить образец какой-либо фигуры, однако в такие задачи должна быть заложена возможность пользоваться различными способами их решения. Разработка конкретной методики на основе полученных результатов и ее апробирование в том числе на детях более старшего возраста – задача последующих исследований.

Литература

- Веракса, Н. Е., Айрапетян, З. В., Тарасова, К. С. (2023). Диалектическое и формальное мышление в контексте понимания эмоций детьми младшего возраста. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 3, 72–91. <https://doi.org/10.11621/TEP-23-20>
- Цукерман, Г. А., Обухова, О. Л. (2024). Обучение, которое ведет за собой развитие субъектности. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 47(4), 129–149. <https://doi.org/10.11621/LPJ-24-43>
- Чернокова, Т. Е. (2013). *Метапознание: проблемы структуры, типологии, развития: монография*. Северный (Арктический) федеральный университет.
- Шатская, А. Н., Ощепкова, Е. С., Веракса, Н. Е., Баянова, Л. Ф., Ковязина, М. С. (2024). Чувство юмора у дошкольников и младших школьников: обзор диагностического инструментария. *Национальный психологический журнал*, 4, 40–57. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0403>
- Bartsch, K., & Estes, D. (1996). Individual differences in children's developing theory of mind and implications for metacognition. *Learning and Individual Differences*, 8, 281–304.
- Bernard, S., Proust, J., & Clement, F. (2015). Procedural metacognition and false belief understanding in 3- to 5-year-old children. *PLOS ONE*, 10(10), e0141321. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0141321>
- Blair, C., & Razza, R.P. (2007). Relating effortful control, executive function, and false belief understanding to emerging math and literacy ability in kindergarten. *Child Development*, 78(2), 647–663. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8624.2007.01019.x>
- Brown, A. (1987). Metacognition, executive control, self-regulation, and other mysterious mechanisms. In F. E. Weinert & R. H. Kluwe (Eds.), *Metacognition, motivation, and understanding* (pp. 65–116). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.
- Bryce, D., & Whitebread, D. (2012). The development of metacognitive skills: Evidence from observational analysis of young children's behavior during problem-solving. *Metacognition and Learning*, 7, 197–217. <https://doi.org/10.1007/s11409-012-9091-2>
- Buehle, F. J., & Oeri, N. (2024). Sneaky Snake: Assessing metacognitive behavior in 5 to 6 year-olds with an unsolvable task. *Frontiers in Developmental Psychology*, 2. <https://doi.org/10.3389/fdpys.2024.1454717>
- Flavell, J. H. (1976). Metacognitive aspects of problem solving. In L. B. Resnick (Ed.), *The nature of intelligence* (pp. 231–235). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum.
- Flavell, J. H. (1979). Metacognition and cognitive monitoring: A new area of cognitive developmental inquiry. *American Psychologist*, 34, 906–911.
- Flavell, J. H. (1992). Cognitive development: Past, present, and future. *Developmental Psychology*, 28, 998–1005.
- Flavell, J. H. (2000). Development of children's knowledge about the mental world. *International Journal of Behavioral Development*, 24, 15–23.
- Gascoine, L., Higgins, S., & Wall, K. (2017). The assessment of metacognition in children aged 4–16 years: A systematic review. *Review of Education*, 5, 3–57. <https://doi.org/10.1002/rev3.3077>
- Kreutzer, M. A., Leonard, S. C., & Flavell, J. H. (1975). An interview study of children's knowledge about memory. *Monographs of the Society for Research in Child Development*, 40(1, Serial No. 159).
- Lockl, K., & Schneider, W. (2006). Precursors of metamemory in young children: The role of theory of mind and metacognitive vocabulary. *Metacognition and Learning*, 1, 15–31.

- Lyons, K. E., & Ghetti, S. (2010). Metacognitive development in early childhood: New questions about old assumptions. In A. Efklides & P. Misailidi (Eds.), *Trends and prospects in metacognition research* (pp. 259–278). New York: Springer.
- Marulis, L., Palincsar, A., Berhenke, A., & Whitebread, D. (2016). Assessing metacognitive knowledge in 3–5 year olds: The development of a metacognitive knowledge interview (McKI). *Metacognition and Learning*, 11, 1–30. <https://doi.org/10.1007/s11409-016-9157-7>
- Nisskaya, A. K., & Tsyganova, E. M. (2024). Parental practices of controlling and supporting the autonomy of elementary school children and early adolescents in Russia: A qualitative study. *Psychology in Russia: State of the Art*, 17(1), 3–22. <https://doi.org/10.11621/pir.2024.0201>
- Paris, S. G., Cross, D. R., & Lipson, M. Y. (1984). Informed strategies for learning: A program to improve children's awareness and comprehension. *Journal of Educational Psychology*, 76, 1239–1252. <https://doi.org/10.1037/0022-0663.76.6.1239>
- Schneider, W., & Pressley, M. (1997). *Memory development between two and twenty* (2nd ed.). Erlbaum.
- Schraw, G., & Moshman, D. (1995). *Metacognitive theories*. *Educational Psychology Review*, 7(4), 351–371. <https://doi.org/10.1007/bf02212307>
- Shamir, A., Mevarech, Z. R., & Gida, C. (2009). The assessment of meta-cognition in different contexts: Individualized vs. peer-assisted learning. *Metacognition and Learning*, 4, 47– 61.
- Veenman, M. V. J., Van Hout-Wolters, B. H. A. M., & Afflerbach, P. (2006). Metacognition and learning: Conceptual and methodological considerations. *Metacognition and Learning*, 1, 3–14.
- Veenman, M. V. J., & Spaans, M. A. (2005). Relation between intellectual and metacognitive skills: Age and task differences. *Learning and Individual Differences*, 15, 159–176.
- Veraksa, A. N., & Veraksa, N. E. (2023). The interconnection of metacognition and executive functions in childhood: A cultural-historical perspective. *New Ideas in Child and Educational Psychology*, 3(3–4), 43–65. <https://doi.org/10.11621/nicep.2023.0503>
- Whitebread, D. (1999). Interactions between children's metacognitive abilities, working memory capacity, strategies and performance during problem-solving. *European Journal of Psychology of Education*, 14(4), 489–507.
- Whitebread, D., Bingham, S., Grau, V., Pino-Pasternak, D. P., & Sangster, C. (2007). Development of metacognition and self-regulated learning in young children: Role of collaborative and peer-assisted learning. *Journal of Cognitive Education and Psychology*, 6, 433–455. <https://doi.org/10.1891/194589507787382043>
- Whitebread, D., & Pino-Pasternak, D. (2010). Metacognition, self-regulation, and meta-knowing. In K. Littleton, C. Wood, & J. K. Staarman (Eds.), *International handbook of psychology in education* (pp. 673–711). Bingley: Emerald Group Publishing Limited.

Поступила в редакцию: 13.01.2025

Поступила после рецензирования: 01.04.2025

Принята к публикации: 19.04.2025

Заявленный вклад авторов

Анастасия Николаевна Сиднева – подбор и анализ литературных источников, разработка дизайна исследования, подбор методов, обработка результатов, написание текста статьи.

Екатерина Сергеевна Ощепкова – подбор и анализ литературных источников, разработка дизайна исследования, подбор методов, проведение исследования, обсуждение текста статьи.

Лариса Фаритовна Баянова – подбор и анализ литературных источников, разработка дизайна исследования, подбор методов, проведение исследования, обсуждение текста статьи.

Информация об авторах

Анастасия Николаевна Сиднева – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник факультета психологии, МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Российская Федерация; Researcher ID: E-6205-2012, Scopus ID: 57189853616, Author ID: 643561, ORCID ID <https://orcid.org/0000-0002-9815-9049>; e-mail: asidneva@yandex.ru

Екатерина Сергеевна Ощепкова – кандидат филологических наук, научный сотрудник факультета психологии, МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Российская Федерация; Researcher ID: GNW-6424-2022, Scopus ID: 57211317843, Author ID: 402510, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6199-4649>; e-mail: maposte06@yandex.ru

Лариса Фаритовна Баянова – доктор психологических наук, доцент факультета психологии, МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Российская Федерация; Researcher ID: N-1822-2013, Scopus ID: 35329260200, Author ID: 137536, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7410-9127>; e-mail: balan7@yandex.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Опросник дизайна работы Work Design Questionnaire (WDQ): адаптация и проверка психометрических свойств русскоязычной версии

Андрей В. Смольянов^{*id}, Лариса В. Марарица^{id}, Тамара А. Кинунен^{id},
Светлана Д. Гуриева^{id}, Ульяна А. Удавихина^{id}

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Российская Федерация

*Почта ответственного автора: ASmolyanov@mail.ru

Аннотация

Введение. В статье представлены результаты адаптации опросника «дизайна работы» (Work Design Questionnaire, WDQ), разработанного Ф. Моргесоном и С. Хамфри в 2006 году и широко используемого за рубежом. Авторы ставили перед собой задачу максимального сохранения структуры оригинального инструмента – опросник включает 77 вопросов, сведенных в 21 измерительную шкалу и разбит на 4 домена: характеристики задач, особенности знания, особенности социальной среды и рабочий контекст. Данная адаптация призвана восполнить дефицит русскоязычного психометрического инструментария, предназначенного для теоретического изучения психосоциального дизайна работы, а также для практической оценки и проектирования конкурентоспособных и безопасных рабочих мест. **Методы.** Перевод опросника был проведен с упором на его психологическую эквивалентность оригиналу. Проверка психометрических свойств методики проводилась на сопоставимой с оригиналом выборке из 500 респондентов (средний возраст – 39 лет, доля женщин – 65%), занятых более чем в 20 отраслях. Внутренняя согласованность оценивалась при помощи вычисления коэффициентов альфа Кронбаха, факторная структура – при помощи проведения конфирматорного факторного анализа и использования политомической модели Раша – одного из методов IRT. **Результаты.** Адаптированный опросник в целом показал хорошую внутреннюю согласованность ($\alpha = 0,85$), при этом несколько его шкал имеют «сомнительные» показатели ($0,6 \leq \alpha < 0,7$). Соответствие структуры инструмента проверялось при помощи конфирматорного факторного анализа

(RMSEA = 0,058; SRMR = 0,07; CFI = 0,78) и методов IRT – современной теории тестов. Полученные результаты позволяют использовать методику на русскоязычной выборке, но оставляют возможность дальнейшего совершенствования ряда пунктов и общей структуры опросника. **Обсуждение результатов.** Психометрические свойства русскоязычной версии опросника сравнимы с полученными при валидации оригинальной методики, что подтверждает корректность её перевода и адаптации. Полученные результаты позволяют считать адаптированную версию WDQ достаточно надежным и валидным инструментом, который можно применять в последующих исследованиях.

Ключевые слова

дизайн работы, рабочая среда, психосоциальная среда, психосоциальный дизайн, качество трудовой жизни, опросник дизайна работы, проектирование психосоциальной среды, проектирование рабочей среды

Финансирование

Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ в рамках проекта No 22-18-00452-П «Психосоциальный дизайн рабочей среды как фактор субъективного благополучия сотрудника и инновационного потенциала организации».

Для цитирования

Смолянов, А.В., Марарица, Л.В., Кинунен Т.А., Гуриева С.Д., Удавихина, У.А. (2025). Опросник дизайна работы Work Design Questionnaire (WDQ): адаптация и проверка психометрических свойств русскоязычной версии. *Российский психологический журнал*, 22(2), 65–94. <https://doi.org/10.21702/8r5kyx50>

Введение

По оценке консалтингового агентства «Яков и партнеры» (бывш. McKinsey) на российском рынке труда уже сейчас наблюдается дефицит кадров, который к 2030 году может увеличиться до 4 миллионов человек, а использование работодателями привычных подходов (включающие увеличение заработной платы и создание условий для повышения производительности труда, а также привлечение трудовых мигрантов) не способно справиться с обозначенной проблемой (Кузнецова, Зуев, Бабченко, Чуйченко, 2023).

В условиях нарастающей конкуренции за профессионально подготовленные кадры важной целью для сохранения и развития организаций становятся способность меняться и адаптивность к изменениям работодателей, про-активная гибкость и своевременный учет личных потребностей и интересов работников. Исследования, ведущиеся как с начала XX века, установили, что дизайн работы,

дизайн рабочего места сотрудника играет в этом процессе решающую роль (Parker, Morgeson & Johns, 2017).

Пандемия COVID-19 существенно поменяла рынок труда, ускорив уже происходившие на нём изменения и способствовал, таким образом, появлению новых подходов к организации и выстраиванию отношений между работодателем и работником (Vyas, 2022). Следует признать, что время преобладания унифицированных рабочих мест закончилось. Индивидуализированные и гибридные модели организации работы создают для сотрудников и работодателей как новые возможности, так и новые проблемы. На первый план выходят социальные аспекты, сотрудничество, необходимость укрепления чувства общей цели и культуры организаций (Babarour, Hultberg & Bozic, 2021). Для сохранения производительности организации вынуждены гибко реструктуризировать свои внутренние процессы, внедрять гибридные и удаленные форматы работы, уделять повышенное внимание мотивации и поддержанию баланса между работой и личной жизнью сотрудников (Vyas, 2022).

Производительность и вовлеченность персонала зависят от согласованности дизайна работы с психологическими требованиями к работнику (Kahn, 1992). Ещё одним важным и социально-значимым вопросом является охрана здоровья работников. На протяжении последних десятилетий в исследованиях, посвященных этой проблеме, всё возрастающая роль отводится не физическим, а иным рабочим факторам, влияющим на здоровье. Для их обозначения чаще всего используется термин «психосоциальные факторы» или «стрессоры» (Kop et al., 2016). Совокупность данных факторов образует «психосоциальную рабочую среду» организации. В отечественной науке наиболее близким по значению понятием является «социально-психологический климат коллектива». Основным отличием является акцентирование внимания не на взаимодействии человека с рабочей средой, а на складывающихся в ней межличностных отношениях (Медведева, 2008). Факторы рабочей среды рассматриваются как внешние по отношению к эмоциональным, поведенческим и когнитивным компонентам социально-психологического климата (Нечепоренко, 2013).

Сотрудники оценивают привлекательность конкретного рабочего места с точки зрения возможности достижения социального благополучия и с учетом собственных критериев качества трудовой жизни (в том числе содержания работы, характеристик рабочего места, организационной и управленческой культуры). В соревновании за наиболее подходящего и ценного работника выигрывает, как правило, тот работодатель, который способен создать наиболее привлекательные и интересные для этого работника условия (Маслов, 2014).

Таким образом, встает вопрос о психосоциальном дизайне и регулярном редизайне работы – проектировании «содержания и организации рабочих задач, деятельности, отношений и обязанностей» (Parker, 2014). Решение данного вопроса со стороны психологической науки требует наличия и применения соответствующих психометрических инструментов, в первую очередь опросников, позволяющих проводить комплексные количественные измерения физических и психологических факторов контекста работы (Марарица и др., 2024).

Анализ российских научных публикаций по ключевым словам «оценка работы» и «проектирование рабочих мест» показал, что большинство представленных в них методик связаны либо с процессом установленной законодательно

«специальной оценкой условий труда» (включающей оценку физических производственных факторов, способных причинить ущерб здоровью работника), либо с экономическими показателями эффективности работы. Методики, операционализирующие понятие «социально-психологического климата» организации, преимущественно узко направлены на оценку межличностных отношений в рабочей обстановке (что делает их применение для целей дизайна работы затруднительным). Опубликованные в российских источниках зарубежные психометрические методики оценки социально-психологических факторов рабочей среды организаций не содержат ссылок на данные о проверке их психометрических свойств на российской выборке. Примерами таких публикаций могут служить: «Факторная структура организационного контекста» (Львова, 2017) – опросники Workspace Characteristics Profile и The Work Design Questionnaire; «Социально-психологические факторы организационной приверженности сотрудников (на примере коммерческих организаций)» (Липатов, Синчук, 2015) – «Шкала организационной приверженности» Дж. Мейера и Н. Аллен; «Расширенная модель аффективной приверженности» (Николаева, 2017) – Work Design Questionnaire; «Проактивность как предиктор вовлеченности персонала» (Шарифзянова, 2021) – Work Design Questionnaire; «Международные требования к порядку перевода и культурной адаптации универсального опросника COPSQ III по оценке психосоциальных условий труда и укреплению здоровья медицинских работников» (Кузнецова, Васильева, Тырановец, 2023) – опросник COPSQ. Даже в работе, озаглавленной «Разработка русскоязычной версии Копенгагенского психосоциального опросника COPSQ III и её адаптация в различных профессиональных группах» (Новикова, Перевезенцева, Широков, 2024) описывается лишь процесс перевода и адаптации, но не приводятся никаких психометрических данных. Такая ситуация существенно ограничивает возможность проведения соответствующих исследований, связанных с психосоциальным дизайном работы.

В зарубежных источниках упоминается достаточно большое количество моделей и инструментов, представляющих различные направления исследований психосоциальной рабочей среды и основанных на собственных категоризациях измеряемых конструкторов. В обзоре методик, которые могут быть использованы при оценке и формировании организационной среды, способствующей психическому здоровью работников, опубликованном в 2023 году в США (Nebbs et al., 2023) приведено 207 различных психометрических инструментов. Сравнение некоторых из наиболее широко известных и популярных зарубежных инструментов (Кабанова, Шпорт, Макурина, 2019) приведено в Приложении 1.

Несмотря на наличие общих черт, каждый из инструментов-опросников (как и операционализируемая им модель) предназначен для решения определенной задачи и не может претендовать на исчерпывающую оценку характеристик рабочей среды «в целом». Например, разработанный в Великобритании и используемый с 2008 года «Опросник организационного стресса» (HSE), предназначенный для оценки стресса на рабочем месте, содержит 35 вопросов и операционализирует 7 конструкторов, связанных только с психологическими факторами, воздействующими на работников (Edwards et al., 2008).

Наиболее актуальная, 3-я версия «Копенгагенского опросника психосоциальной среды» (COPSQ-III), включающая 152 вопроса и используемая с 2019 года для оценки психосоциальных факторов на рабочем месте, позволяет проводить

измерения по 26 шкалам, которые отражают как психологическое, так и физическое воздействие (Burr et al., 2019), но часть измерений (например, «Чувство общности», «Приверженность», «Качество работы») более применимы к оценке, а не к проектированию рабочей среды. Кроме того, данный опросник имеет достаточно ощутимый объем, требующий продолжительного времени для заполнения и обработки, что снижает его практическую применимость.

Наиболее соответствующей задаче проектирования рабочих мест, с нашей точки зрения, является методика «Work Design Questionnaire» (Опросник дизайна работы, WDQ), специально разработанный для этой цели (Morgeson & Humphrey, 2006). Инструмент, разработанный в 2006 году в США, позволяет проводить измерения воздействия как психологических, так и физических факторов по 21 шкалам и содержит 77 вопросов.

Опросник был переведен на немецкий, голландский, испанский, китайский, польский языки и прошел успешную адаптацию и валидацию как минимум в пяти странах. Он оценивается как мощный инструмент измерений, соответствующий современным представлениям о дизайне работы и охватывающий практически весь спектр переменных, связанных с её характеристиками. К ограничениям методики может быть отнесено то, что в ней не затрагиваются такие потенциальные и заслуживающие внимания аспекты дизайна работы, как мотивация, эмоциональное благополучие и безопасность работника, а также фактор времени. Относительно небольшой размер субшкал и всего опросника позволяет использовать его на больших выборках, однако может стать причиной поверхностной оценки некоторых конструктов (Ríos et al., 2017).

Выбор данного опросника обусловлен его широкой применимостью и полученными им в ходе упомянутой кросс-культурной валидации высокими показателями надёжности и чувствительности.

Методика была разработана американскими психологами Фредериком Моргесоном и Стивеном Хамфри (Morgeson & Humphrey, 2006) на основе нескольких теорий мотивации и трудовой деятельности, ключевой из которых является модель рабочих характеристик Хакмана и Олдхэма (данная модель рассматривает пять основных характеристик работы: разнообразие, сложность и значимость задач, автономию способов их выполнения, а также внешнюю и внутреннюю обратную связь) (Hackman & Oldham, 1976). Разработка методики явилась ответом на проблему отсутствия широко применимого инструмента, подходящего как для фундаментальных исследований природы работы, так и для проектирования и перепроектирования рабочих мест в организациях. Выбор набора конструктов, измеряемых инструментом, был произведен его авторами на основании тщательного анализа специализированной научной литературы (на предмет выявления, сортировки и категоризации терминов, характеризующих работу, с последующей разработкой на их базе пунктов опросника). Половина пунктов была разработана заново, остальные – заимствованы или адаптированы из уже существовавших методик. 77 пунктов опросника, сведенных в 21 измерительную субшкалу, отражают четыре домена психосоциальной рабочей среды: характеристики задач, необходимые знания, социальный и физический контекст работы. Значения субшкал вычисляются путем усреднения входящих в них пунктов. Первоначальная валидация методики была проведена на выборке из 540 американских работников из 22 профессиональных групп (по причине примененной

стратегии исследования – проведения сбора первичных данных силами студентов факультетов бизнеса среди их родственников и знакомых – в данной выборке присутствует непропорционально большое количество менеджеров). Конструктивная валидность проверялась путем сравнения результатов исследования с ранее опубликованными данными американского министерства труда (справочника DOT и базы данных O*NET, содержащих разносторонние описания и характеристики различных профессий и должностей) и проведения конфирматорного факторного анализа, внутренняя согласованность и надежность – при помощи вычисления альфа Кронбаха и коэффициентов внутриклассовой корреляции (Morgeson & Humphrey, 2006).

В качестве исходного текста для русского перевода и адаптации была использована оригинальная англоязычная версия, специально размещенная на официальном сайте одного из авторов методики www.morgeson.com/wdq.html и разрешенная им для использования в исследовательских целях. Размещенная на том же сайте (наряду с переводами на ещё несколько языков) русскоязычная версия опросника, выполненная Ю. Левашинной, не была использована по причине существенных структурных отличий от оригинала (например, порядка вопросов, количества и наименований доменов) и отсутствия каких-либо данных о её валидации на российской выборке. Кроме того, ввиду подробного опубликованного изложения описания процедуры перевода и адаптации авторам настоящей статьи виделось полезным выполнить экспертную версию перевода.

Методы

Перевод, адаптация и валидация опросника проводились в несколько этапов с использованием международных рекомендаций и лучших практик, изложенных в руководстве Мичиганского университета по проведению кросс-культурных исследований (Survey Research Center [SRC], 2011).

Процедура перевода

Процедура перевода адаптируемой иноязычной психометрической методики ставит вопрос скорее не о лингвистической, а о психологической эквивалентности её пунктов (Осин, 2012). Так как обычно применяемая и соответствующая международным рекомендациям процедура прямого и обратного перевода с последующей гармонизацией их итогов не учитывает возможности получения результата, за которым может стоять несколько иной, чем у оригинала, психологический смысл, авторами настоящего исследования был выбран другой подход.

Перевод опросника на русский язык был осуществлён группой экспертов (4 человека): со степенью магистра и кандидата психологических наук по специальности «социальная психология», свободно владеющими английским языком и знакомыми с тематической областью – исследованиями дизайна работы – психологических характеристик рабочей среды в целом, и с содержанием и структурой опросника WDQ, в частности.

Работа над переводом была построена с расчетом на точное отражение смысловых стимулов исходного англоязычного опросника при его адаптации для восприятия на русском языке, принимая во внимание особенности языка и культуры. С точки зрения технологии, перевод выполнялся каждым экспертом отдельно, без предварительного ознакомления с вариантами друг друга, а затем производилось согласование итоговых формулировок перевода, путём устранения расхождений и внесения необходимых корректировок. Данный подход не подразумевал процедуры обратного перевода ввиду описанных выше особенностей выбранного фокуса работы.

Выборка и сбор данных

Полученный в результате англо-русского перевода текст опросника был дополнен вопросами, позволяющими выяснить социально-демографические данные и рабочий статус респондентов, и размещен в виде модерлируемого онлайн-опроса (при помощи ресурса anketolog.ru) в сети Интернет. Участие в исследовании добровольное и анонимное, к опросу привлекались работающие респонденты в возрасте от 18 лет, опрос велся до достижения выборки в 500 человек. Размер выборки, на которой тестировалась адаптированная версия опросника (N=500), сопоставим с выборкой из оригинального исследования (N=540), но средний возраст участников российского исследования был существенно ниже, чем в американском (39 и 48 лет, соответственно). В отличие от оригинальной методики, в которой использовалась 5-бальная шкала Лайкерта, в адаптированной методике для получения более дифференцированной картины факторов была использована 7-бальная шкала.

Оценка психометрических характеристик

Оценка надежности и внутренней согласованности шкал производилась при помощи вычисления коэффициента альфа Кронбаха. Соответствие полученных данных факторной структуре проверялось с помощью применения конфирматорного факторного анализа и методов «Современной теории тестов» (IRT).

Результаты

Перевод опросника был произведен без каких-либо значимых разногласий между переводчиками. Итоговый вариант перевода, использованный в исследовании, приведен в Приложении 2 (пункты приведены в порядке соответствия шкалам, порядковый номер пункта в опроснике приведен в первом столбце под кодировкой шкалы).

Сбор данных исследования проводился с октября по ноябрь 2023 г. В опросе приняли участие 500 человек (занятых в более чем 20 отраслях народного хозяйства) из всех федеральных округов РФ в возрасте от 18 до 66 лет, в том числе 174 мужчины и 323 женщины (3 респондента отказались указать пол).

Более 64% респондентов заняты в шести отраслях: «торговля и коммерция», «производство», «наука и образование», «здравоохранение и соцобеспечение», «строительство и архитектура» и «информационные технологии». В каждой из остальных предложенных для указания участниками опроса 16 сфер задействовано менее 5% от общего числа выборки, а 3,4% респондентов отказались указать отрасль. 44% респондентов имеют статус рядовых исполнителей, 32% – ключевых специалистов, 11% – руководителей среднего, а 9% – высшего звена.

Основные социо-демографические данные об участниках исследования приведены в Приложении 3. Статистическая обработка собранных данных производилась в программных продуктах Statistica, Jamovi и JMP. Опросник показал высокую согласованность – значение коэффициента альфа Кронбаха составило 0,85. Проверка внутренней согласованности отдельных шкал производилось путем вычисления коэффициентов альфа Кронбаха с поочередным удалением пунктов. По большинству шкал значение коэффициента альфа находится в допустимых пределах (0,63...0,85). Согласованность шкал «Специализация» и «Эргономика» составляет 0,57 и находится ниже общепринятого в психологических исследованиях допустимого нижнего предела в 0,6. Аналогичный показатель из оригинального исследования по шкале «Эргономика» так же был низким – 0,64. При этом значения коэффициента омега Макдональда оказалось выше порога в 0,6 для всех шкал опросника.

Согласованность так же проверялась путем вычисления корреляций между ответами на отдельные вопросы (пункты опросника) и средним балом по шкале, в которую они входят. Все пункты показали средний или высокий уровень корреляции по шкале Чеддока (0,56...0,93) при уровне значимости $p \leq 0,05$, что говорит о том, что каждый из пунктов измеряет тот же самый конструкт, что и вся субшкала, к которой они принадлежат. Результаты измерений приведены в Таблице 1 (значения параметров для отдельных пунктов внутри шкал приведены в том же порядке, что и в Приложении 2).

Таблица 1

Результаты измерений по шкалам (N=500, α -Кронбаха = 0,85)

Шкала		К-во пунктов	M	SD	α -Кронбаха с исключе- нием пунктов	α по шкале	Корре- ляция со шкалой ($p < 0,05$)	омега Мак- Дона- льда
Домен: Характеристики задач								
WSA	Управление расписанием и режимом работы	3	4,92	1,12	0,70	0,70	0,79	0,71
					0,56		0,78	
					0,53		0,80	
DMA	Автономия в принятии решений	3	4,97	1,13	0,77	0,75	0,78	0,76
					0,61		0,83	
					0,60		0,84	

Шкала		К-во пунктов	M	SD	α -Кронбаха с исключе- нием пунктов	α по шкале	Корре- ляция со шкалой ($p < 0,05$)	омега Мак- Дона- льда
WMA	Автономия в выборе методов работы	3	5,06	1,12	0,71 0,66 0,62 0,71	0,75	0,80 0,83 0,82 0,80	0,75
TV	Разнообразие задач	4	5,08	1,06	0,71 0,72 0,73 0,82	0,76	0,79 0,76 0,74 0,81	0,78
TS	Значимость задач	4	5,01	1,22	0,81 0,79 0,81 0,75	0,85	0,82 0,86 0,83 0,69	0,85
TI	Цельность задач	4	5,19	0,95	0,62 0,64 0,65 0,69	0,74	0,79 0,77 0,74 0,74	0,74
FFJ	Обратная связь об эффективности	3	4,90	1,08	0,54 0,57	0,69*	0,83 0,80	0,70
Домен: Особенности знания								
JC	Сложность действий и задач	4	3,84	1,17	0,79 0,60 0,65 0,67 0,71	0,75	0,64 0,84 0,77 0,76 0,80	0,76
IP	Обработка информации	4	5,20	1,13	0,73 0,79 0,68 0,70	0,78	0,78 0,68 0,84 0,65	0,79
PS	Решение проблем	4	4,46	1,12	0,59 0,67 0,55 0,80	0,70	0,77 0,67 0,80 0,77	0,71
SV	Разнообразие навыков	4	5,06	1,11	0,76 0,80 0,73 0,62	0,82	0,83 0,77 0,86 0,56	0,82
Спец	Специализация	4	4,47	1,03	0,51 0,34 0,50	0,57* (0,62)**	0,64 0,78 0,68	0,61
Домен: Особенности социальной среды								
SS	Социальная поддержка	6	4,94	1,00	0,72 0,71 0,76 0,76 0,72 0,73	0,78	0,71 0,75 0,61 0,64 0,72 0,69	0,78
II	Зависимость других от моей работы	3	4,19	1,25	0,68 0,64 0,57	0,72	0,78 0,80 0,83	0,72
RI	Зависимость моей работы от работы других	3	4,50	1,13	0,47 0,50 0,62	0,63*	0,76 0,78 0,74	0,64

Шкала		К-во пунктов	M	SD	α -Кронбаха с исключе- нием пунктов	α по шкале	Корре- ляция со шкалой ($p < 0,05$)	омега Мак- Дона- льда
IOO	Взаимодействие вне организации	4	4,29	1,41	0,79 0,78 0,77 0,78	0,83	0,80 0,80 0,82 0,81	0,83
FFO	Обратная связь от других людей	3	4,24	1,32	0,77 0,72 0,71	0,81	0,83 0,85 0,86	0,81
Домен: Рабочий контекст / Рабочая среда								
Ergo	Эргономика	3	4,51	1,21	0,26 0,46 0,63	0,57* (0,63)**	0,82 0,74 0,64	0,64
PD	Требования к физической форме	3	3,50	1,60	0,89 0,84 0,81	0,89	0,88 0,91 0,93	0,89
WC	Условия труда	5	4,93	1,20	0,80 0,77 0,76 0,73 0,75	0,81	0,70 0,72 0,76 0,81 0,76	0,81
EU	Использование технологий и оборудования	3	3,77	1,28	0,60 0,47 0,65	0,67*	0,78 0,83 0,72	0,69

Примечание. (*) $\alpha < 0,7$. (**) Исключение из шкал «Специализация» и «Эргономика» пунктов Sres-1 и Ergo-3 увеличивает альфу Кронбаха до с «плохого» до «сомнительного» уровня значений ($\alpha > 0,6$).

Факторная структура опросника проверялась при помощи конфирматорного факторного анализа (CFA) и сравнения его результатов с результатами, приведенными в оригинальном исследовании. CFA-анализ проводился для 21-факторной модели, продемонстрировавшей наилучшее соответствие как в оригинальном исследовании (Morgeson & Humphrey, 2006), так и в ряде апробаций WDQ на выборках других европейских стран (Ríos, Ramírez-Vielma, Sanchez, Bargsted, Polo Vargas, Ruiz, 2017).

Хорошее согласие модели может быть подтверждено либо значениями сравнительного индекса согласия $CFI \geq 0,96$ и стандартизованного среднеквадратического остатка $SRMR \leq 0,09$, либо усредненной квадратичной ошибки аппроксимации $RMSEA \leq 0,06$ и $SRMR \leq 0,09$ (Hooper, Coughlan & Mullen, 2008). Проверка согласия, основанная на CFI более применима для разведочного, а RMSEA – для конфирматорного факторного анализа (Rigdon, 1996). При большом количестве степеней свободы также рекомендуется отдавать предпочтение проверке RMSEA (Kenny, Kaniskan & McCoach, 2015).

Результаты CFA и их сравнение с оригинальным исследованием приведены в Таблице 2.

Таблица 2

Сравнение результатов CFA для 21-факторной модели

Модель	χ^2	d f	$\chi^2 / d f$	C F I	R MSEA	S R M R
Оригинальное исследование (США) N=540	5 027	2 618	1,92	0,91	0,04	0,06
Адаптированный опросник (Россия) N=500	7 122	2 639	2,70	0,78	0,058	0,07

В дополнение к проведенным видам анализа, для изучения структуры опросника был так же использован один из методов IRT-Современной теории тестов – Политомическая модель Раша (Polytomous Rasch Model). Данный метод позволяет протестировать латентные переменные (конструкты) по одному. Согласие пунктов с конструктом (субшкалой, в которую они входят) оценивается при помощи значений Infit (взвешенной) и Outfit (невзвешенной) статистик согласия. Математическое ожидание значений этих статистик равно единице, отклонение от единицы указывает на меру зашумленности (несогласия данных с моделью измерения). Для психометрических инструментов значения статистик в интервале от 0,6 до 1,4 (включительно) считаются приемлемыми. Наибольшего внимания требуют пункты, значения статистик которых превышает 1,5 (Wright, Masters, 1982). Значения статистик согласия для каждой из субшкал адаптированной версии опросника приведены в Таблице 3.

Таблица 3

IRT-статистики согласия пунктов и шкал

Шкала и пункт		Infit	Outfit	Шкала и пункт		Infit	Outfit	Шкала и пункт		Infit	Outfit
WSA	1	1,18	1,20	JC	1	1,34	1,34	RI	1	0,87	0,88
	2	0,92	0,92		2	0,94	0,95		2	1,07	1,07
	3	0,94	0,93		3	0,79	0,81		3	1,07	1,09
DMA	1	1,15	1,14	IP	1	0,95	0,96	IOO	1	1,10	1,10
	2	1,03	0,98		2	1,05	1,03		2	0,92	0,93
	3	0,92	0,92		3	1,17	1,19		3	1,01	1,01

Шкала и пункт	Infit	Outfit	Шкала и пункт	Infit	Outfit	Шкала и пункт	Infit	Outfit
WMA	1	1,07	PS	1	1,12	FFO	1	1,02
	2	1,10		2	1,01		2	0,98
	3	0,89		3	1,00		3	1,03
TV	1	1,11	SV	1	1,18	Ergo	1	1,01
	2	1,03		2	0,95		2	0,98
	3	0,98		3	1,11		3	1,02
	4	0,98		4	0,87			
TS	1	1,08	Spec	1	1,06	PD	1	1,12
	2	1,09		2	0,94		2	0,98
	3	0,90		3	0,87		3	0,93
	4	1,03		4	1,09			
TI	1	1,30	SS	1	0,93	WC	1	1,24
	2	0,97		2	0,90		2	0,92
	3	0,92		3	1,40		3	1,07
	4	0,88		4	1,21		4	1,12
FFJ	1	1,11	II	1	1,02	EU	1	1,06
	2	1,06		2	1,01		2	1,00
	3	0,91		3	0,98		3	0,96

Текущая валидность опросника (понимаемая как его способность различать респондентов на основании значимых характеристик их работы) дополнительно проверялась сравнением средних значений и стандартных отклонений шкал для 6-ти основных групп работников в категории «Отрасль организации» (Приложение 4) и 4-х групп в категории «Уровень позиции» (Приложение 5). Данное сравнение выявило наличие различий практически по всем шкалам опросника между всеми выделенными группами в обеих категориях.

Обсуждение результатов

Согласованность русскоязычной версии (альфа Кронбаха = 0,85) лишь немного ниже значения ($\alpha = 0,87$), полученного авторами оригинальной методики. При проведении пошкального анализа с поочередным удалением пунктов практически по всем шкалам опросника, происходит уменьшение (либо лишь незначительное увеличение) величины коэффициента альфа Кронбаха, что говорит об его устойчивой структуре, что, в свою очередь, подтверждает удовлетворительный уровень перевода и культурной адаптации. Значение коэффициента омега Макдональда и расчет корреляций между значениями отдельных шкал и пунктами каждой шкалы также подтвердил удовлетворительную надежность измерений.

Вместе с тем, полученные низкие значения согласованности по двум шкалам – «Специализация» и «Эргономика» – по всей видимости, могут указывать либо на некорректный перевод, либо на существенные культурные различия, имеющих между странами, в которых производились исследования (или же на социальную желательность ответов некоторых респондентов). Одним из вариантов частичного решения данной проблемы могло бы явиться исключение из русской версии опросника пунктов «Мои рабочие цели, задачи и деятельность узкоспециализированы» и «Я получаю обратную связь о результатах моей работы от других людей в компании (таких как мой руководитель и коллеги)», что позволило бы поднять согласованность соответствующих шкал до приемлемого уровня. Тем не менее, учитывая тот факт, что исключение указанных пунктов хоть и поднимет значение коэффициента альфа Кронбаха выше «порогового» значения 0,6 и из «плохого» оно станет «сомнительным», мы пришли к выводу, что следует сохранить оригинальную структуру опросника.

Для ряда пунктов, удаление которых их из соответствующих шкал ведет к, пусть и не значительному, но увеличению коэффициента альфа, а именно:

DMA-1 "The job gives me a chance to use my personal initiative or judgment in carrying out the work" – Работа позволяет мне действовать инициативно и в соответствии со своими представлениями о выполнении задач;

TI-1 "The job involves completing a piece of work that has an obvious beginning and end" – На работе я выполняю такие задачи, где начало и конец процесса очевидны;

JC-1 "The job requires that I only do one task or activity at a time (reverse scored)" – Работа предполагает, что я занимаюсь только одним делом или задачей в один момент времени (подсчитывается по обратной шкале);

IP-3 "The job requires me to keep track of more than one thing at a time" – Работа предполагает, что я слежу за несколькими задачами параллельно;

Spec-1 "The job is highly specialized in terms of purpose, tasks, or activities" – Мои рабочие цели, задачи и деятельность узкоспециализированы;

Ergo-3 "The job involves excessive reaching (reverse scored)" – Часто используемые предметы или объекты расположены неудобно: приходится прикладывать усилия, чтобы ими воспользоваться (подсчитывается по обратной шкале);

Важно отметить, что можно говорить о сложности понимания для респондентов, выполненного авторами настоящего исследования, перевода методики. Возможно, при её применении необходима более подробная и простая для восприятия расшифровка данных пунктов. Тестирование измерений при помощи политомической модели Раша, относящейся к методам IRT, показало, что все пункты имеют приемлемое согласие со своими шкалами, уровень шума не превышает 40% ни по одной из них (Andrich, 2010).

Конфирматорный факторный анализ подтвердил качество факторной структуры инструмента – его результаты говорят о хорошей согласованности самой полной

21-факторной модели. Полученные значения усредненной квадратичной ошибки аппроксимации $RMSEA = 0,058$ и стандартизированного среднеквадратического остатка $SRMR = 0,07$ при большом количестве степеней свободы $df = 2639$ соответствуют условию ($RMSEA \leq 0,06$ и $SRMR \leq 0,09$), что свидетельствует о хорошем согласии модели (Rigdon, 1996; Hooper, Coughlan & Mullen, 2008; Kenny, Kaniskan & McCoach, 2015) и по данному критерию ненамного отличаются от результатов, полученных в оригинальном исследовании ($RMSEA = 0,04$; $SRMR = 0,06$; $df = 2618$). Однако полученное значение относительного индекса согласия $CFI = 0,78$ ниже значения, полученного при проверке факторной структуры оригинального англоязычного опросника (0,91) что может указывать на возможность улучшения структуры адаптированного опросника.

Существенные различия средних значений и стандартных отклонений всех шкал опросника, выявленные при их сравнении для 6-ти основных групп в категории «Отрасль организации» и всех 4-х групп в категории «Уровень позиции» позволяет говорить о подтверждении текущей валидности инструмента.

Таким образом, полученные данные позволяют говорить о возможности использования адаптированной методики для корректной оценки измеряемых при её помощи конструктов.

Заключение

В ходе проведения настоящего исследования был осуществлен перевод, языковая и культурная адаптация методики оценки дизайна работы (WDQ), а также тестирование её основных психометрических свойств на российской выборке. Исследование показало удовлетворительную надежность и устойчивую структуру полученного инструмента, который может применяться как в дальнейших исследованиях психосоциальной рабочей среды, так и при проектировании и совершенствовании дизайна работы в отечественных организациях.

Ограничения

Ограничением настоящего исследования является отсутствие проверки содержательной валидности и попытка максимального сохранения разработанной авторами оригинальной американской методики структуры пунктов и шкал опросника, которая может не полностью соответствовать современному социокультурному и организационному контексту российских организаций. Согласованность нескольких шкал демонстрирует сомнительный уровень надежности, что может говорить о недостаточно понятном для респондентов переводе их пунктов. Как и оригинальная методика, адаптированный опросник тестировался на представителях значительного, но ограниченного количества отраслей и типов рабочих мест. Таким образом, можно говорить о его широкой, но, тем не менее, не всеобъемлющей применимости, особенно в условиях динамичного развития современного рынка труда и повышение значимости таких факторов как: эмоциональное благополучие

и внутренняя мотивация работников. Кроме того, учитывая, что анализ ретестовой надежности адаптированной методики на российской выборке не проводился, невозможно однозначно утверждать, что надежность измерения конструкторов останется стабильной в долгосрочной перспективе.

Литература

- Кабанова, Т. Н., Шпорт, С. В., Макурина, А. П. (2019). Современные зарубежные исследования факторов риска психологического стресса и психосоциального климата на рабочем месте. *Социальная и клиническая психиатрия*, 29(2), 93–98.
- Кузнецова, Е., Зуев, В., Бабченко, Р., Чуйченко, В. (2023). *Исследования рынка труда Российской Федерации*. Яков и партнёры.
- Кузнецова, М. А., Васильева, Т. П., Тырановец, С. В. (2023). Международные требования к порядку перевода и культурной адаптации универсального опросника COPSOQ III по оценке психосоциальных условий труда и укреплению здоровья медицинских работников. *Здоровье населения и среда обитания*, 31(1), 29–33. <https://doi.org/10.35627/2219-5238/2023-31-1-29-33>
- Липатов, С. А., Синчук, Х. И. (2015). Социально-психологические факторы организационной приверженности сотрудников (на примере коммерческих организаций). *Организационная психология*, 5(4), 6–28.
- Львова, О. В. (2017). Факторная структура организационного контекста. *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*, 6(6A), 100–107.
- Марарица, Л. В., Кинунен, Т. А., Гуриева, С. Д., Яничева, Т. Г., Юмкина, Е. А. (2024). Адаптация методики переживания организационной политики (POPS) М. Качмар и Д. Карлсон: анализ внутренней структуры. *Социальная психология и общество*, 15(1), 190–208. <https://doi.org/10.17759/sps.2024150111>
- Маслов, Е. В. (2014). Проектирование рабочих мест с учетом их привлекательности для работников. *Вестник НГУЭУ*, 4, 18–26.
- Медведева, М. А. (2008). О терминологической неопределенности термина «социально-психологический климат коллектива». *Инновации в образовании*, 8, 61–77.
- Нечепоренко, О. П. (2013). Стиль руководства как фактор социально-психологического климата коллектива и удовлетворенности работой. *Вестник Омского университета. Серия «Психология»*, 1, 45–52.
- Николаева, Л. А. (2017). *Расширенная модель аффективной приверженности: выпускная квалификационная работа: по направлению подготовки 37.04.01 – Психология / научный руководитель. С. А. Маничев*. СПбГУ, Санкт-Петербург.
- Новикова, А. В., Перевезенцева, А. С., Широков, В. А. (2024). Разработка русскоязычной версии Копенгагенского психосоциального опросника COPSOQ III и её адаптация в различных профессиональных группах. *Гигиена и санитария*, 103(2), 130–135. <https://doi.org/10.47470/0016-9900-2024-103-2-130-135>
- Осин, Е. Н. (2012). Измерение позитивных и негативных эмоций: разработка русскоязычного аналога методики PANAS. *Психология: журнал Высшей школы экономики*, 9(4), 91–110. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2012-4-91-110>
- Шарифзянова, А. Т. (2021). *Проактивность как предиктор вовлеченности персонала: выпускная квалификационная работа по направлению подготовки 37.04.01 Психология / научный руководитель: Н.Н. Лепехин*. СПбГУ, Санкт-Петербург.
- Andrich, D. (2010). Understanding the response structure and process in the polytomous Rasch model. In M. L. Nering & R. Ostini (Eds.), *Handbook of polytomous item response theory models* (pp. xx–xx). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203861264>

- Babapour, M., Hultberg, A., & Bozic, N. (2021). Post-pandemic office work: Perceived challenges and opportunities for a sustainable work environment. *Sustainability*, 14(1). <https://doi.org/10.3390/su14010294>
- Burr, H., Berthelsen, H., Lluís, S., Nubling, M., Emilie, D., Demiral, Y., Oudyk, J., Kristensen, T., Llorens Serrano, C., Navarro, A., Lincke, H., Bocerean, C., Sahan, C., Smith, P., & Pohrt, A. (2019). The third version of the Copenhagen Psychosocial Questionnaire. *Safety and Health at Work*, 10(4), 482–503. <https://doi.org/10.1016/j.shaw.2019.10.002>
- Edwards, J., Webster, S., van Laar, D., & Easton, S. (2008). Psychometric analysis of the UK Health and Safety Executive's Management Standards work-related stress Indicator Tool. *Work & Stress*, 22, 96–107. <https://doi.org/10.1080/02678370802166599>
- Hackman, J., & Oldham, G. (1976). Motivation through the design of work: Test of a theory. *Organizational Behavior and Human Performance*, 16, 250–279. [https://doi.org/10.1016/0030-5073\(76\)90016-7](https://doi.org/10.1016/0030-5073(76)90016-7)
- Hooper, D., Coughlan, J., & Mullen, M. (2008). Structural equation modeling: Guidelines for determining model fit. *The Electronic Journal of Business Research Methods*, 6(1), 53–60. <https://doi.org/10.21427/D7CF7R>
- Kahn, W. A. (1992). To be fully there: Psychological presence at work. *Human Relations*, 45, 321–349. <https://doi.org/10.1177/001872679204500402>
- Kenny, D., Kaniskan, B., & McCoach, D. (2015). The performance of RMSEA in models with small degrees of freedom. *Sociological Methods & Research*, 44(3), 486–507. <https://doi.org/10.1177/0049124114543236>
- Kop, J.-L., Althaus, V., Formet, N., & Grosjean, V. (2016). Systematic comparative content analysis of 17 psychosocial work environment questionnaires using a new taxonomy. *International Journal of Occupational and Environmental Health*, 22, 128–141. <https://doi.org/10.1080/10773525.2016.1185214>
- Morgeson, F., & Humphrey, S. (2006). The Work Design Questionnaire (WDQ): Developing and validating a comprehensive measure for assessing job design and the nature of work. *Journal of Applied Psychology*, 91, 1321–1339. <https://doi.org/10.1037/0021-9010.91.6.1321>
- Nebbs, A., Martin, A., Neil, A., Dawkins, S., & Roydhouse, J. (2023). An integrated approach to workplace mental health: A scoping review of instruments that can assist organizations with implementation. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 20(2). <https://doi.org/10.3390/ijerph20021192>
- Parker, S. (2014). Beyond motivation: Job and work design for development, health, ambidexterity, and more. *Annual Review of Psychology*, 65, 661–691. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010213-115208>
- Parker, S., Morgeson, F., & Johns, G. (2017). One hundred years of work design research: Looking back and looking forward. *Journal of Applied Psychology*, 102(3). <https://doi.org/10.1037/apl0000106>
- Rigdon, E. (1996). CFI versus RMSEA: A comparison of two fit indexes for structural equation modeling. *Structural Equation Modeling: A Multidisciplinary Journal*, 3(4), 369–379. <https://doi.org/10.1080/10705519609540052>
- Ríos, M., Ramírez-Vielma, R., Sanchez, J., Bargsted, M., Polo Vargas, J., & Ruiz, M. (2017). Spanish-language adaptation of Morgeson and Humphrey's Work Design Questionnaire (WDQ). *The Spanish Journal of Psychology*, 20(28), 1–30. <https://doi.org/10.1017/sjp.2017.24>
- Survey Research Center. (2011). *Guidelines for best practice in cross-cultural surveys: Full guidelines*. Institute for Social Research, University of Michigan.
- Vyas, L. (2022). "New normal" at work in a post-COVID world: Work-life balance and labor markets. *Policy and Society*, 41(1), 155–167. <https://doi.org/10.1093/polsoc/puab011>
- Wright, B., & Masters, G. (1982). *Rating scale analysis*. Chicago, IL: MESA Press.

Приложение 1

Сравнение популярных зарубежных опросников

Опросник, год разработки	К-во вопро- сов	Основные шкалы	Назначение
Health and Safety Executive Indicator Tool (HSE), 2008	35	Требования Контроль Поддержка руководства Поддержка коллег Отношения Ясность роли Изменения	оценка стресса на рабочем месте
COPSOQ-III, 2019	152	Рабочая нагрузка Темп работы Когнитивная нагрузка Эмоциональная нагрузка Требования к подавлению эмоций Возможность влиять на свою работу Возможности для развития Монотонность работы Контроль над рабочим временем Значимость работы Предсказуемость Признание Ясность роли Рольевые конфликты Ненужные задания Качество руководства Поддержка руководителя Поддержка коллег Чувство общности Приверженность рабочему месту Вовлеченность в работу Гарантии занятости Гарантии стабильности условий труда Качество работы Удовлетворенность работой Конфликт между работой и жизнью	оценка психосоциаль- ных факторов на рабочем месте

Опросник, год разработки	К-во вопро- сов	Основные шкалы	Назначение
Work Design Questionnaire (WDQ) 2006 год	77	Управление расписанием и режимом работы Автономия в выборе методов работы Автономия в принятии решений Разнообразие задач Значимость задач Цельность задач Обратная связь об эффективности Сложность действий и задач Обработка информации Решение проблем Разнообразие навыков Специализация Социальная поддержка Зависимость других от моей работы Зависимость моей работы от работы других Взаимодействие вне организации Обратная связь от других людей Эргономика Требования к физической форме Условия труда Использование технологий и оборудования	измерение характеристик работы

Приложение 2

Перевод WDQ

Оригинальный текст	Итоговый перевод
Using the scale below, please indicate the extent to which you agree with each statement. Remember to think only about your job itself, rather than your reactions to the job. 1 = Strongly Disagree 2 = Disagree 3 = Neither Agree nor Disagree 4 = Agree 5 = Strongly Agree	Используя приведенную ниже шкалу, укажите, в какой степени вы согласны с каждым утверждением. Пожалуйста, думайте о самой работе, а не о своих реакциях на нее. 1 = Совершенно не согласен 2 = Не согласен 3 = Скорее не согласен 4 = Неопределенно 5 = Скорее согласен 6 = Согласен 7 = Совершенно согласен

Оригинальный текст		Итоговый перевод
Task Characteristics / Характеристики задач		
<i>Autonomy / Автономия</i>		
<u>WSA</u>	<u>Work Scheduling Autonomy</u>	<u>Управление расписанием и режимом работы</u>
1	1. The job allows me to make my own decisions about how to schedule my work.	1. Работа позволяет мне управлять своим рабочим расписанием и режимом
9	2. The job allows me to decide on the order in which things are done on the job.	2. Работа позволяет мне определять приоритетность и порядок выполнения рабочих задач
17	3. The job allows me to plan how I do my work.	3. Работа позволяет мне самостоятельно раскладывать рабочие задачи на шаги и подзадачи
<u>DMA</u>	<u>Decision-Making Autonomy</u>	<u>Автономия в принятии решений</u>
25	1. The job gives me a chance to use my personal initiative or judgment in carrying out the work.	1. Работа позволяет мне действовать инициативно и в соответствии со своими представлениями о выполнении задач
33	2. The job allows me to make a lot of decisions on my own.	2. Многие решения на работе я могу принимать самостоятельно
41	3. The job provides me with significant autonomy in making decisions	3. При принятии рабочих решений многое остаётся на моё усмотрение
<u>WMA</u>	<u>Work Methods Autonomy</u>	<u>Автономия в выборе методов работы</u>
49	1. The job allows me to make decisions about what methods I use to complete my work.	1. Работа позволяет мне решать, каким способом выполнить ту или иную задачу
57	2. The job gives me considerable opportunity for independence and freedom in how I do the work.	2. На работе у меня есть возможность действовать самостоятельно и независимо
65	3. The job allows me to decide on my own how to go about doing my work	3. Работа позволяет мне определять подход к решению задач

	Оригинальный текст	Итоговый перевод
<u>TV</u>	<u>Task Variety</u>	<u>Разнообразие задач</u>
2	1. The job involves a great deal of task variety.	1. Моя работа предполагает большое разнообразие задач
10	2. The job involves doing a number of different things.	2. На работе я делаю много самых разных вещей
18	3. The job requires the performance of a wide range of tasks.	3. Работа требует от меня справляться с широким кругом задач
26	4. The job involves performing a variety of tasks.	4. Моя работа требует эффективно выполнять разнообразные задачи
<u>TS</u>	<u>Task Significance</u>	<u>Значимость задач</u>
34	1. The results of my work are likely to significantly affect the lives of other people.	1. Результаты моей работы могут оказывать существенное влияние на жизнь других людей
42	2. The job itself is very significant and important in the broader scheme of things.	2. Такая работа, как моя, очень важна в самом широком смысле этого слова
50	3. The job has a large impact on people outside the organization.	3. Моя работа значима для людей, важна за пределами моей организации
58	4. The work performed on the job has a significant impact on people outside the organization.	4. Результаты моей работы заметны и важны для людей за рамками моей организации
<u>TI</u>	<u>Task Identity</u>	<u>Цельность задач</u>
3	1. The job involves completing a piece of work that has an obvious beginning and end.	1. На работе я выполняю такие задачи, где начало и конец процесса очевидны
11	2. The job is arranged so that I can do an entire piece of work from beginning to end.	2. Моя работа даёт возможность выполнять задачи целиком, от начала до конца
66	3. The job provides me the chance to completely finish the pieces of work I begin.	3. Работа позволяет мне финализировать задачи, за которые я берусь
72	4. The job allows me to complete work I start.	4. На работе у меня есть возможность доводить начатое до конца

Оригинальный текст		Итоговый перевод
<i>FFJ</i>	<i>Feedback From Job</i>	<i>Обратная связь об эффективности</i>
19	1. The work activities themselves provide direct and clear information about the effectiveness (e.g., quality and quantity) of my job performance.	1. Характер моих рабочих задач таков, что результативность и эффективность их выполнения очевидны для меня (например, с точки зрения качественных и количественных показателей)
27	2. The job itself provides feedback on my performance.	2. В работе я постоянно получаю обратную связь о моих результатах
35	3. The job itself provides me with information about my performance.	3. У меня есть возможность без дополнительных усилий получать информацию о качестве моей работы
Knowledge Characteristics / Особенности знания		
<i>JC</i>	<i>Job Complexity</i>	<i>Сложность действий и задач</i>
43	1. The job requires that I only do one task or activity at a time (reverse scored).	1. Работа предполагает, что я занимаюсь только одним делом или задачей в один момент времени (подсчитывается по обратной шкале)
51	2. The tasks on the job are simple and uncomplicated (reverse scored).	2. Мои рабочие задачи просты, в них нет ничего сложного (подсчитывается по обратной шкале)
59	3. The job comprises relatively uncomplicated tasks (reverse scored).	3. Моя работа раскладывается на относительно простые задачи (подсчитывается по обратной шкале)
67	4. The job involves performing relatively simple tasks (reverse scored).	4. Работа требует от меня выполнения несложных действий (подсчитывается по обратной шкале)
<i>IP</i>	<i>Information Processing</i>	<i>Обработка информации</i>
4	1. The job requires me to monitor a great deal of information.	1. На работе через меня проходит большой объем информации
12	2. The job requires that I engage in a large amount of thinking.	2. На работе от меня часто требуется прикладывать умственные усилия
20	3. The job requires me to keep track of more than one thing at a time.	3. Работа предполагает, что я слежу за несколькими задачами параллельно
73	4. The job requires me to analyze a lot of information.	4. На работе я занимаюсь анализом большого объема информации

Оригинальный текст		Итоговый перевод
<i>PS</i>	<i>Problem Solving</i>	<i>Решение проблем</i>
28	1. The job involves solving problems that have no obvious correct answer.	1. На работе я занимаюсь выполнением таких задач, для которых нет очевидного правильного решения
36	2. The job requires me to be creative.	2. Работа требует от меня креативности
44	3. The job often involves dealing with problems that I have not met before.	3. На работе мне часто приходится решать такие проблемы, с которыми я до этого не сталкивался
52	4. The job requires unique ideas or solutions to problems.	4. Работа требует от меня уникальных идей и решений
<i>SV</i>	<i>Skill Variety</i>	<i>Разнообразие навыков</i>
5	1. The job requires a variety of skills.	1. Работа требует от меня разноплановых навыков
60	2. The job requires me to utilize a variety of different skills in order to complete the work.	2. Чтобы успешно справиться со своими задачами, мне необходимы разные по своему характеру знания и навыки
68	3. The job requires me to use a number of complex or high-level skills.	3. На работе от меня требуется мастерски владеть целым рядом сложных навыков
74	4. The job requires the use of a number of skills.	4. Мне необходимо много навыков для выполнения работы
<i>Spec</i>	<i>Specialization</i>	<i>Специализация</i>
13	1. The job is highly specialized in terms of purpose, tasks, or activities. *	1. Мои рабочие цели, задачи и деятельность узкоспециализированы *
21	2. The tools, procedures, materials, and so forth used on this job are highly specialized in terms of purpose.	2. Инструменты, процедуры, материалы и пр. в моей работе является специфическим именно для неё, заточенным под её цели
29	3. The job requires very specialized knowledge and skills.	3. Моя работа требует узкопрофильных знаний и навыков
37	4. The job requires a depth of knowledge and expertise.	4. Моя работа требует глубоких экспертных знаний

	Оригинальный текст	Итоговый перевод
Social Characteristics / Особенности социальной среды		
<i>SS</i>	<i>Social Support</i>	<i>Социальная поддержка</i>
6	1. I have the opportunity to develop close friendships in my job.	1. У меня есть возможность развивать близкие дружеские отношения на работе
45	2. I have the chance in my job to get to know other people.	2. Работа позволяет мне познакомиться и хорошо узнать своих коллег
53	3. I have the opportunity to meet with others in my work.	3. Работа позволяет мне встречаться и общаться с другими людьми
61	4. My supervisor is concerned about the welfare of the people that work for him/her.	4. Мой руководитель заботится о благополучии своих сотрудников
69	5. People I work with take a personal interest in me.	5. Я интересен моим коллегам как человек
75	6. People I work with are friendly.	6. Мои коллеги дружелюбны
Interdependence / Взаимозависимость		
<i>II</i>	<i>Initiated Interdependence</i>	<i>Зависимость других от моей работы</i>
14	1. The job requires me to accomplish my job before others complete their job.	1. Чтобы другие могли выполнить задачи, от меня требуется сначала закончить свои
22	2. Other jobs depend directly on my job.e	2. Работа других зависит напрямую от моей
30	3. Unless my job gets done, other jobs cannot be completed	3. Пока я не выполню свои задачи, другие люди не смогут завершить свои
<i>RI</i>	<i>Received Interdependence</i>	<i>Зависимость моей работы от работы других</i>
38	1. The job activities are greatly affected by the work of other people.	1. Работа других людей оказывает большое влияние на рабочие процессы в целом
46	2. The job depends on the work of many different people for its completion.	2. Успешное выполнение работы зависит от участия большого количества разных людей
54	3. My job cannot be done unless others do their work.	3. Я не смогу выполнить свою работу, если другие не выполнят свою

Оригинальный текст		Итоговый перевод
<i>IOO</i>	<i>Interaction Outside Organization</i>	<i>Взаимодействие вне организации</i>
7	1. The job requires spending a great deal of time with people outside my organization.	1. Для выполнения работы необходимо проводить много времени с людьми, не работающими в нашей компании
62	2. The job involves interaction with people who are not members of my organization.	2. Работа предполагает взаимодействие с людьми, которые не входят в нашу организацию
70	3. On the job, I frequently communicate with people who do not work for the same organization as I do.	3. Я часто по работе общаюсь с людьми, не являющимися сотрудниками нашей компании
76	4. The job involves a great deal of interaction with people outside my organization.	4. Взаимодействие с людьми вне нашей организации составляет львиную долю моего общения по работе
<i>FFO</i>	<i>Feedback From Others</i>	<i>Обратная связь от других людей</i>
15	1. I receive a great deal of information from my manager and coworkers about my job performance.	1. От своего руководителя и коллег я получаю очень много информации о том, как я справляюсь со своей работой
23	2. Other people in the organization, such as managers and coworkers, provide information about the effectiveness (e.g., quality and quantity) of my job performance.	2. Другие сотрудники организации, в том числе руководители и коллеги, предоставляют мне информацию об эффективности моей работы (в качественных и количественных показателях)
31	3. I receive feedback on my performance from other people in my organization (such as my manager or coworkers).	3. Я получаю обратную связь о результатах моей работы от других людей в компании (таких как мой руководитель и коллеги)
Work Context / Рабочий контекст (Рабочая среда)		
<i>Ergo</i>	<i>Ergonomics</i>	<i>Эргономика</i>
39	1. The seating arrangements on the job are adequate (e.g., ample opportunities to sit, comfortable chairs, good postural support).	1. Сидячие рабочие места организованы удобно (например, есть достаточное количество посадочных мест, комфортные стулья, кресла с удобными спинками с поддержкой)
47	2. The work place allows for all size differences between people in terms of clearance, reach, eye height, leg room, etc.	2. Рабочее пространство приспособлено для людей с разным ростом и комплекцией: с точки зрения расстояний между мебелью, доступностью объектов, высоты, пространства для ног и т. д.
55	3. The job involves excessive reaching (reverse scored).*	3. Часто используемые предметы или объекты расположены неудобно: приходится прикладывать усилия, чтобы ими воспользоваться (подсчитывается по обратной шкале) *

Оригинальный текст		Итоговый перевод
<i>PD</i>	<i>Physical Demands</i>	<i>Требования к физической форме</i>
63	1. The job requires a great deal of muscular endurance.	1. Выполнение работы требует большой физической выносливости
71	2. The job requires a great deal of muscular strength.	2. Выполнение работы требует сильных мышц
77	3. The job requires a lot of physical effort.	3. Выполнение работы требует значительных физических усилий
<i>WC</i>	<i>Work Conditions</i>	<i>Условия труда</i>
8	1. The work place is free from excessive noise.	1. На рабочем месте не шумно
16	2. The climate at the work place is comfortable in terms of temperature and humidity.	2. На рабочем месте комфортный микроклимат с точки зрения температуры и влажности
24	3. The job has a low risk of accident.	3. Риск несчастного случая на моей работе незначителен
32	4. The job takes place in an environment free from health hazards (e.g., chemicals, fumes, etc.).	4. Работа проходит в безопасной для здоровья среде (например, нет угроз, связанных с химикатами, испарениями и т. д.)
40	5. The job occurs in a clean environment.	5. В рабочем пространстве чисто
<i>EU</i>	<i>Equipment Use</i>	<i>Использование технологий и оборудования</i>
48	1. The job involves the use of a variety of different equipment.	1. Работа связана с использованием разнообразного оборудования
56	2. The job involves the use of complex equipment or technology.	2. Выполнение работы требует использования сложного оборудования или технологий
64	3. A lot of time was required to learn the equipment used on the job.	3. Чтобы разобраться с оборудованием, используемым в работе, требуется много времени

Примечание. (*) Вычисление стандартизированных коэффициентов альфа Кронбаха (с поочередным удалением пунктов) выявило низкую согласованность ($\alpha < 0,6$) внутри шкал «Специализация» и «Эргономика» при присутствии в них пунктов Спец-1 и Ergo-3 соответственно.

Приложение 3

Профиль участника исследования (N=500)

Пол	женский	323 чел. (64,6%)
	мужской	174 чел. (34,8%)
	отказались от ответа	3 чел. (0,6%)
Возраст	до 22 лет	17 чел. (3,4%)
	от 22 до 30	80 чел. (16,0%)
	от 30 до 40	174 чел. (34,8%)
	старше 40	229 чел. (48,8%)
Образование	среднее	143 чел. (28,6%)
	высшее	336 чел. (67,2%)
	ученая степень	21 чел. (4,2%)
Отрасль организации	торговля и коммерция	92 чел. (18,4%)
	производство	62 чел. (12,4%)
	наука и образование	54 чел. (10,8%)
	здравоохранение и соцзащита	39 чел. (7,8%)
	строительство	32 чел. (6,4%)
	информационные технологии	26 чел. (5,2%)
	другая	178 чел. (35,6%)
Численность персонала организации	отказались от ответа	17 чел. (3,4%)
	менее 20 сотрудников	106 чел. (21,2%)
	от 20 до 50	67 чел. (13,4%)
	от 50 до 100	74 чел. (14,8%)
	от 100 до 300	80 чел. (16,0%)
	от 300 до 1000	51 чел. (10,2%)
Уровень позиции в организации	более 1000	106 чел. (21,2%)
	рядовой исполнитель	220 чел. (44,0%)
	специалист	161 чел. (32,2%)
	руководитель среднего звена	54 чел. (10,8%)
	руководитель высшего звена	44 чел. (8,8%)
	отказались от ответа	21 чел. (4,2%)

Приложение 4

Различие средних значений (и стандартных отклонений) шкал в категории “Отрасль организации-работодателя”

шкала	Торговля и коммерция N=92	Произ- водство N=62	Наука и обра- зование N=54	Здраво- охранение N=39	Строительство N=32	ИТ N=26	макс. разница
WSA	4,84 (1,12)	4,88 (1,04)	4,92 (0,96)	4,81 (1,13)	5,52 (0,85)	4,99 (1,15)	0,71
DMA	4,87 (1,13)	4,96 (0,99)	5,1 (0,97)	4,98 (1,15)	5,5 (0,77)	4,79 (1,22)	0,71
WMA	4,93 (1,11)	5,12 (0,92)	5,22 (0,93)	4,93 (1,23)	5,63 (0,68)	4,97 (1,22)	0,70
TV	4,82 (1,17)	5,07 (1,1)	5,36 (0,95)	5,32 (0,92)	5,43 (0,95)	4,87 (1,04)	0,61
TS	4,68 (1,15)	5,12 (1,12)	5,63 (0,94)	5,72 (1,06)	5,3 (0,89)	4,64 (1,12)	1,08
TI	5,06 (0,96)	5,25 (0,76)	5,29 (0,77)	5,38 (0,93)	5,51 (0,83)	5,2 (0,96)	0,45
FFJ	4,76 (1,14)	4,93 (0,94)	4,96 (1,08)	5,17 (0,84)	5,36 (0,84)	4,91 (1,13)	0,60
JC	3,49 (0,99)	4,15 (1,28)	4,05 (1,03)	3,96 (1,19)	3,82 (1,35)	3,73 (1,21)	0,66
IP	4,83 (1,21)	5,11 (1,28)	5,51 (1,02)	5,7 (0,96)	5,58 (1,01)	5,22 (0,88)	0,87
PS	4,17 (1,21)	4,35 (1,23)	4,86 (1,02)	4,69 (1,13)	4,65 (0,96)	4,59 (1,15)	0,69
SV	4,63 (1,12)	5,08 (1,15)	5,4 (0,94)	5,47 (0,84)	5,45 (0,83)	4,86 (1,08)	0,84
Spec	4,03 (1,08)	4,67 (0,89)	4,6 (0,86)	4,94 (1,01)	4,84 (0,95)	4,54 (1,04)	0,91
SS	4,92 (0,95)	4,88 (0,89)	5,06 (0,98)	5 (0,91)	5,24 (0,84)	4,74 (1,13)	0,50
II	3,92 (1,29)	4,69 (1,28)	3,89 (1,13)	4,38 (1,27)	4,82 (0,98)	4,17 (1,28)	0,93
RI	4,38 (1,18)	4,84 (1)	4,25 (1,06)	4,68 (1,03)	4,65 (0,88)	4,58 (1,02)	0,59
IOO	4,63 (1,31)	3,71 (1,4)	4 (1,19)	4,79 (1,26)	4,23 (1,57)	4,26 (1,45)	1,08
FFO	4,33 (1,36)	4,17 (1,29)	4,23 (1,25)	4,51 (1,19)	4,26 (1,31)	4,42 (1,29)	0,34
Ergo	4,29 (1,24)	4,41 (1,26)	4,34 (1,21)	4,21 (1,23)	4,54 (1,14)	4,64 (1,15)	0,43
PD	3,8 (1,51)	3,79 (1,68)	3,09 (1,41)	3,51 (1,53)	3,58 (1,83)	3,12 (1,6)	0,71
WC	4,94 (1,17)	4,7 (1,16)	4,94 (1)	4,66 (1,2)	5,14 (1,21)	5,5 (0,8)	0,84
EU	3,54 (1,27)	4,13 (1,31)	3,5 (1,22)	3,95 (1,28)	3,97 (1,19)	3,72 (1,15)	0,63

Приложение 5

Различие средних значений (и стандартных отклонений) шкал в категории “Уровень позиции”

шкала	Руководители высшего звена N=44	Руководители ср. звена N=54	Специалисты N=161	Рядовые исполнители N=220	макс. разница
WSA	5,58 (0,88)	5,46 (0,99)	4,88 (0,97)	4,68 (1,19)	0,9
DMA	5,67 (0,93)	5,47 (0,83)	4,96 (0,97)	4,7 (1,24)	0,97
WMA	5,74 (0,83)	5,53 (0,91)	5,06 (0,95)	4,8 (1,22)	0,94
TV	5,65 (0,91)	5,63 (0,76)	5,19 (0,91)	4,75 (1,14)	0,9
TS	5,63 (1)	5,23 (1,15)	5,07 (1,05)	4,81 (1,33)	0,82
TI	5,73 (0,84)	5,45 (0,77)	5,11 (0,87)	5,07 (1,00)	0,66
FFJ	5,52 (0,97)	5,06 (1,02)	4,9 (0,99)	4,72 (1,13)	0,8
JC	3,9 (1,27)	4,06 (1,22)	4,05 (1,18)	3,63 (1,09)	0,43
IP	5,81 (0,71)	5,8 (0,91)	5,36 (0,91)	4,78 (1,24)	1,03
PS	5,11 (1,02)	4,8 (1,01)	4,62 (0,97)	4,1 (1,19)	1,01
SV	5,64 (0,75)	5,39 (0,91)	5,24 (0,95)	4,75 (1,22)	0,89
Spec	4,70 (1,10)	4,58 (0,98)	4,6 (0,94)	4,31 (1,07)	0,39
SS	5,46 (0,78)	5,31 (0,88)	4,98 (0,85)	4,71 (1,08)	0,75
II	4,46 (1,32)	4,53 (1,16)	4,14 (1,12)	4,10 (1,32)	0,43
RI	4,77 (1,26)	4,81 (1,08)	4,4 (0,95)	4,48 (1,2)	0,41
IOO	4,86 (1,04)	4,78 (1,25)	4,23 (1,39)	4,12 (1,48)	0,74
FFO	4,59 (1,49)	4,37 (1,29)	4,17 (1,24)	4,17 (1,35)	0,42
Ergo	5,26 (0,94)	4,60 (1,41)	4,45 (1,08)	4,42 (1,24)	0,84
PD	3,61 (1,36)	3,40 (1,52)	3,31 (1,5)	3,61 (1,72)	0,3
WC	5,46 (0,84)	5,09 (1,3)	4,92 (1,12)	4,78 (1,26)	0,34
EU	3,83 (1,29)	3,82 (1,32)	3,94 (1,25)	3,6 (1,31)	0,68

Поступила в редакцию: 24.07.2024

Поступила после рецензирования: 30.10.2024

Принята к публикации: 19.04.2025

Заявленный вклад авторов

Андрей Витальевич Смольянов – создание и редактирование рукописи, валидация и статистическая обработка, анализ и интерпретация данных.

Лариса Валерьевна Марарица – концептуализация, разработка методологии и проведение исследования, написание-рецензирование и редактирование рукописи.

Тамара Александровна Кинунен – разработка методологии и проведение исследования.

Светлана Дзахотовна Гуриева – научное руководство исследованием, получение финансирования, концептуализация, утверждение окончательного текста, корректировка в соответствии с требованиями журнала.

Ульяна Андреевна Удавихина – проведение исследования, сбор, администрирование и первичная обработка данных.

Информация об авторах

Андрей Витальевич Смольянов – аспирант, младший научный сотрудник факультета психологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет», Санкт-Петербург, Российская Федерация; Researcher ID: JJF-8482-2023, Author ID: 1269516, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0002-9141-8957>; e-mail: ASmolyanov@mail.ru

Лариса Валерьевна Марарица – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет», Санкт-Петербург, Российская Федерация; Researcher ID: H-9637-2014, Scopus ID: 57215417699, Author ID: 180840, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3858-5369>; e-mail: LarisaMararitsa@mail.ru

Тамара Александровна Кинунен – кандидат психологических наук, научный сотрудник факультета психологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет», Санкт-Петербург, Российская Федерация; Researcher ID: IXN-0418-2023, Scopus ID: 55155468100, Author ID: 1213230, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0002-7107-099X>; e-mail: Kinunen@yandex.ru

Светлана Дзахотовна Гуриева – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной психологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет», Санкт-Петербург, Российская Федерация; Researcher ID: N-7093-2014, Scopus ID: 56662088100, Author ID: 179982, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0002-7107-099X>; e-mail: gurievasv@gmail.com

Ульяна Андреевна Удавихина – кандидат психологических наук, научный сотрудник факультета психологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет», Санкт-Петербург, Российская Федерация; Researcher ID: ABE-1958-2020, Scopus ID: 56712940900, Author ID: 791087, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1070-2412>; e-mail: uludav@gmail.com

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Стандартизация опросника «Личностный потенциал» для спортсменов

Анна И. Харитоновна^{1*} , Елена М. Климова²

¹ Федеральное Автономное Учреждение Министерства Обороны РФ
«Центральный спортивный клуб Армии», Москва, Российская Федерация

² Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных
исследований», Москва, Российская Федерация

*Почта ответственного автора: kharitosha85@mail.ru

Аннотация

Введение. Впервые осуществлена процедура стандартизации авторского опросника «Личностный потенциал» для спортсменов. Раскрыта пятифакторная структура личностного потенциала: «включенность» (состоит из показателей «Теста жизнестойкости» и «Теста общей самооэффективности», «осмысленность» (объединил показатели «Теста смысловых ориентаций»), «интернальность» (включает показатели теста «Уровень субъективного контроля»), «независимость» и «позитивность» (состоят из шкал самоактуализационного теста). **Методы.** Стандартизированную выборку составили 531 человек, члены сборных команд России по единоборствам, скоростно-силовым, циклическим, сложно-координационным и командным видам спорта. Для определения норм данных использовался модуль CNORM; для определения количества стандартизируемых групп – дисперсионный анализ (ANOVA); для проверки степени согласованности структуры стандартизируемого опросника – конфирматорный факторный анализ; для оценки внутренней согласованности каждой из шкал по отдельности и общей шкалы – критерий Альфа Кронбаха. Стратификация выборки осуществлялась относительно пола и возраста. **Результаты.** В результате исследования определены единые критерии оценки результатов диагностических испытаний относительно пола, выделены стандартизируемые группы: «мужчины», «женщины», «юниорки». Для

определения норм мужской выборки использовалась объясняющая переменная – возраст спортсмена от меньшего к большему, для женской выборки группирующая возрастная переменная, выделяющая нормы для групп «женщины» и «юниорки».

Обсуждение результатов. Стратификация выборки позволила выделить три группы стандартизации. В мужской выборке объединены «юниоры» и «мужчины» из-за отсутствия значимых различий по компонентам и общему показателю личностного потенциала. За исключением компонента «осмысленность», показатели у мужчин имеют небольшие отклонения в нижнем диапазоне – эффект пола, при этом для личностного потенциала наблюдается эффект потолка. В женской выборке монотонное соотношение значений по возрасту сохраняется. Регрессионное моделирование позволило рассчитать Т-балл для каждого сырого балла в исследуемых группах. Процедура стандартизации опросника выполнена в соответствии с предъявляемыми требованиями.

Ключевые слова

стандартизация опросника, личностный потенциал, спортсмены, включенность, осмысленность, интернальность, независимость, позитивность

Для цитирования

Харитоновна, А. И., Климова, Е. М. (2025). Стандартизация опросника «Личностный потенциал» для спортсменов. *Российский психологический журнал*, 22(2), 95–114. <https://doi.org/10.21702/fdpder45>

Введение

В настоящее время в психологической практике возникла острая необходимость в стандартизированных диагностических инструментах, позволяющих получить надежные эмпирические данные. Большинство исследователей предпочитает модифицировать методики, избегая процедуры стандартизации, что, конечно, существенно обедняет инструментарий практического психолога.

Стандартизация включает в себя формулировку инструкции, описания процедуры исследования, правил обработки данных с переводом сырых баллов в нормативные, математическую обработку результатов исследования, психологическую интерпретацию данных (Батурин, Мельникова, 2010; Анастаси, 2009; Митина, 2013; Клайн, 1994; Шмелев, 2013).

Проведенный анализ методик, изучающих различные проявления личностного потенциала, выявил тот факт, что для его оценки необходимо осуществить целый комплекс диагностических процедур, занимающий значительный временной период. Таким образом, стандартизация опросника «Личностный потенциал» позволит оптимизировать психологическую диагностику.

Для реализации всех этапов стандартизации необходимо четкое понимание содержания понятия «личностный потенциал».

Понятие «личностный потенциал» раскрывается в двух контекстах:

1. Через представления о личностных характеристиках:

- степени развитости способностей личности и возможность их реализации (Резник, 2007);
- природные таланты, определяющие степень эффективности (Feldman & Katzir, 1998), проявляющиеся в саморегулируемом обучении (McCardle, Young & Baker, 2017);
- задатки спортсмена, реализация которых возможна только при развитии определенных личностных качеств (Сафонов, 2017);
- проявления индивидуальных возможностей (Ложкин, Колосов, 2014; Littlejohn & Young, 2019);
- как оценка пригодности к определенной деятельности (Kyllonen, 2008);
- стремление к переработке информации о трудной ситуации в целях поиска наиболее эффективных способов ее преодоления (Одинцова, 2015).

2. С позиции ресурсного подхода:

- самоуправляемая система внутренних возобновляемых ресурсов личности, проявляющиеся в деятельности и направленный на получение социально-значимого результата (Марков, 2004);
- личностный ресурс, реализуемый в определенных ситуациях (Коваль, 2003);
- психологические ресурсы и ограничения, возникающие на пути к успеху, которые обусловлены сочетанием личностных свойств (Горская, 2020; Stones & Baker, 2020);
- личностные ресурсы, их развитие и использование на этапах спортивного совершенствования и высших достижений (Багадирова, 2019);
- адаптационные ресурсы, способствующие сохранению эффективности деятельности в изменяющихся условиях и успешному достижению целей (Леонтьев, 2011);
- динамические ресурсы, обеспечивающие высокую результативность в спортивной деятельности независимо от внешних обстоятельств (Камилов, 2016).

Конструкт стандартизируемого опросника состоит из пяти компонентов личностного потенциала, подтвержденный результатами факторного анализа (Харитоновна, Климова, 2024):

1. Первый компонент – «включенность» – состоит из показателей «Теста жизнестойкости» (Леонтьев, Рассказова, 2006) и «Теста общей самоэффективности» Р. Шварцера и М. Ерусалема (в адапт. В. Ромека) (Шварцер, Ерусалем, Ромек, 1996):

- Жизнестойкость – личностный ресурс, позволяющий достигать спортсменам более высокого уровня мастерства (Малкин и др., 2019); умение справляться с ситуациями, чтобы показать высокие результаты (Pires, Lima & Penna, 2019); способствует росту личных спортивных достижений (Павлова, 2020); взаимосвязан с производительностью в отдельных видах спорта (França, Codonhato & Vieira, 2020); успешностью спортивной деятельности (Бушманова, Бушманов, Ульянов, 2022; Пульмановская, 2021); устойчивостью в различных видах спорта (Chacón Cuberos et al., 2016);
- Самоэффективность – наиболее прогностически валидный критерий, оказывающий решающее влияние на повышение результативности (Булышко, 2022); определяет готовность к конструктивному преодолению стрессовых ситуаций (Кадырова, 2017); связан со спортивными результатами (Moritz et al., 2000; Castro et al., 2018); успешностью спортивной деятельности (Ежова, Карпова, 2021); стратегиями преодоления трудностей и соревновательной тревожности (Porjavid et al., 2020); психической стойкостью (Ramolale, Maletе & Ju, 2021).

2. Второй компонент – «осмысленность» – объединил показатели «Теста смысложизненных ориентаций» (Леонтьев, 2006):

- смысложизненные ориентации – это один из факторов, оказывающих влияние на профессиональную успешность (Бакуняева, 2014); взаимосвязан с мастерством (Tahtinen et al., 2019); с общей структурой жизненного смысла (Ronkainen et al., 2020); влияет на уровень профессиональной успешности (Сухарева, Обознов, 2019).

3. Третий компонент – «интернальность» – включает показатели теста «Уровень субъективного контроля» (Фетискин, Козлов, Мануйлов, 2005):

- локус контроля определяет эффективность самоанализа результатов успехов и неудач (Огородова, 2013; Filipiak & Łubianka, 2020); соревновательную результативность (Романина, Кузина, 2020; Piepiora, 2020; Ferreira et al., 2020); профессиональную успешность (Гемонова, Кукурудзяк, 2012).

4. Четвертый и пятый компоненты состоят из шкал самоактуализационного теста (Гозман, Кроз, Латинская, 1995):

- «Независимость» состоит из шкал: поддержка, самоуважение, спонтанность, принятие агрессии, гибкость поведения и сензитивность;
- «позитивность»: синергия, представления о природе человека, ценностные ориентации и познавательные потребности.

Указанные компоненты проявляются через стремление к достижению спортивного мастерства путем максимальной реализации собственных природных задатков (Ткачев, Жилина, 2015); процесс преодоления экстремальных ситуаций в спорте (Андреев, Андреев, 2019); развитие и достижение результата (Дементьева, Кравченко, 2016); внутренние жизненные устремления (Janke & Dickhäuser, 2019);

уровень тревожности (Mirzeoğlu & Çetinkanat, 2005); результативность (Gyömbér, Kovács & Lenart, 2016), самореализацию в спортивной деятельности (Непопалов, Атамась, 2017).

Методы

Были применены следующие методы:

- для определения норм стандартизируемого опросника – модуль CNORM, реализуемый в программе Jamovi (Lenhard, Lenhard & Gary, 2018). CNORM может быть охарактеризован как *полупараметрический метод*. Нами не делается никаких предположений о распределении сырых баллов, вместо этого предполагается, что необработанный балл является результатом взаимодействия между скрытой способностью к измерению и примененным набором тестовых заданий (Lenhard, Lenhard & Gary, 2019); для определения степени детализации таблиц норм – модели статистического нормирования (Lenhard & Lenhard, 2021)
- для оценки пригодности статистических моделей – *RMSE* и скорректированный *R²*, с помощью которых фиксируются все виды глобальных и локальных различий между наблюдаемыми и смоделированными данными. Для качественной подгонки модели *RMSE* должен быть ниже 10, скорректированный *R²* должен быть близко к 0,99 (Lenhard et al., 2018);
- для определения количества стандартизируемых групп – дисперсионный анализ (ANOVA) с апостериорным сравнением групп попарно с учетом поправки Бонферрони;
- для проверки степени согласованности структуры стандартизируемого опросника – конфирматорный факторный анализ;
- для оценки внутренней согласованности каждой из шкал по отдельности и общей шкалы – Альфа Кронбаха.

Выборка

Выборку составили 531 человек, члены сборных команд России по разным видам спорта (единоборства, скоростно-силовые, циклические, сложно-координационные и командные виды).

Стратификация выборки происходила только по половым различиям и возрастным категориям, юниоры от 17 до 21 года и взрослые от 22 до 40 лет, подробная характеристика выборки представлена в таблице 1.

Таблица 1

Характеристика выборки спортсменов

Группа	Количество (n)	Средний возраст (M)	Стандартное отклонение (SD)	КМС	МС	МСМК	ЗМС
Юниоры	104	19,154	1,147	31	65	7	1
Юниорки	148	18,980	1,264	60	79	9	0
Мужчины	126	27,762	4,757	6	53	48	19
Женщины	153	27,464	4,645	0	59	55	39
Итого	531	-	-	97	256	119	59

Примечание: КМС – кандидат в мастера спорта; МС – мастер спорта; МСМК – мастер спорта международного класса; ЗМС – заслуженный мастер спорта.

Результаты

Первичная обработка эмпирических данных позволила определить средние значения, стандартные отклонения, минимальные и максимальные показатели, асимметрии, эксцессы по всем исследуемым показателям (табл. 2).

Таблица 2

Результаты первичной математической обработки данных

Шкалы	Среднее	Ст. Отклонение	Мин.	Макс.	Асимметрия	Эксцесс
Включенность	44,527	5,259	27	56	-0,491	0,263
Осмысленность	28,401	3,543	17	35	-0,777	0,466
Независимость	27,126	3,852	14	35	-0,554	-0,035
Позитивность	23,793	4,076	12	34	-0,137	-0,195
Интернальность	27,667	3,368	13	35	-0,360	0,485
Личностный потенциал	151,514	13,588	111	188	-0,221	0,252

Полученные результаты индекса пригодности конфирматорного факторного анализа: $\chi^2 = 497,821$; $df = 311$; $p < 0,001$; CFI = 0,906; SRMR = 0,043; RMSEA = 0,034, что подтверждает приемлемое соответствие модели эмпирическим данным и выделенную пятифакторную структуру опросника.

Показатели критерия Альфа Кронбаха для шкал «осмысленность», «независимость», «позитивность» и «интернальность» лежат в пределах 0,438 – 0,487, что говорит о низкой согласованности. Для шкалы «включенность», показатель 0,728 и общей шкалы – 0,781, что демонстрирует хорошую согласованность всех пунктов.

Дисперсионный анализ (ANOVA) с апостериорным сравнением групп попарно с учетом поправки Бонферрони:

- для всей выборки исследования: «включенность» $F(3, 527) = 8,292, p < 0,001$; «осмысленность» $F(3, 527) = 3,2921, p < 0,05$; «независимость» $F(3, 527) = 4,125, p < 0,01$; «позитивность» $F(3, 527) = 11,205, p < 0,001$; «интернальность» $F(3, 527) = 0,944, p = 0,419$; «личностный потенциал» $F(3, 527) = 9,619, p < 0,001$. Таким образом, обнаружены статистически значимые различия между группами во всех компонентах, кроме «интернальность»;
- по половому признаку между группами мужчин и женщин различия имеются в компонентах «включенность» ($F(1, 527) = 17,427, p < 0,001, \eta^2 = 0,032$; $t(527) = 4,175, p < 0,001, d = 0,367$), «позитивность» ($F(1, 527) = 29,501, p < 0,001, \eta^2 = 0,052$; $t(527) = 5,431, p < 0,001, d = 0,477$), «личностный потенциал» ($F(1, 527) = 19,446, p < 0,001, \eta^2 = 0,035$; $t(527) = 4,432, p < 0,001, d = 0,389$);
- в группах «юниорки» и «женщины» имеются различия в компонентах «осмысленность» $t(527) = 2,962, p < 0,05, d = 0,337$; «независимость» $t(527) = 3,00, p < 0,05, d = 0,346$ и в «личностном потенциале» $t(527) = 3,061, p < 0,01, d = 0,353$. В компонентах «включенность», «интернальность» и «позитивность» значимых различий нет;
- между группами «юниоры» и «мужчины» нет значимых различий по компонентам и общему показателю личностного потенциала.

По результатам сравнения эмпирических данных, было принято решение объединить в одну группу «юниоров» и «мужчин», таким образом, в дальнейшем анализе используемыми группами являются мужчины, юниорки, женщины (табл. 3).

Таблица 3

Сравнительные результаты полученных в ходе математической обработки данных (среднее, стандартное отклонение, доверительный интервал)

Шкалы	Мужчины n = 230 среднее, (ст.откл.) [ДИ]	Юниорки n = 148 среднее, (ст.откл.) [ДИ]	Женщины n = 153 среднее, (ст.откл.) [ДИ]
Включенность	45,604 (5,256) [44,925; 46,284]	42,926 (5,277) [42,074; 43,776]	44,458 (4,861) [43,687; 45,228]
Осмысленность	28,578 (3,570) [28,117; 29,040]	27,662 (3,885) [27,036; 28,288]	28,850 (3,030) [28,370; 29,330]

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ

Независимость	27,474 (3,918) [26,968; 27,980]	26,189 (3,773) [25,581; 27,797]	27,510 (3,696) [26,924; 28,095]
Позитивность	24,835 (4,059) [24,310; 25,359]	22,655 (3,924) [22,023; 23,288]	23,327 (3,883) [22,712; 23,942]
Интернальность	27,930 (3,438) [27,486; 28,375]	27,480 (3,092) [26,982; 27,978]	27,451 (3,509) [26,895; 28,007]
Личностный потенциал	154,422 (13,522) [152,674; 156,169]	146,912 (13,229) [144,781; 149,043]	151,595 (12,870) [149,556; 153,634]

Компонент «включенность» между мужчинами и юниорками, компонент «позитивность» между мужчинами и юниорками с женщинами, «личностный потенциал» между мужчинами и юниорками и между юниорками и женщинами не пересекаются относительно доверительного интервала, что является дополнительным доказательством значимых различий в изучаемых показателях.

Непрерывное нормирование для мужской выборки

С целью разработки норм для мужской выборки использовалась объясняющая переменная – возраст спортсмена. На рисунке 1 представлена графическая визуализация соответствия моделей между прогнозируемыми и наблюдаемыми значениями.

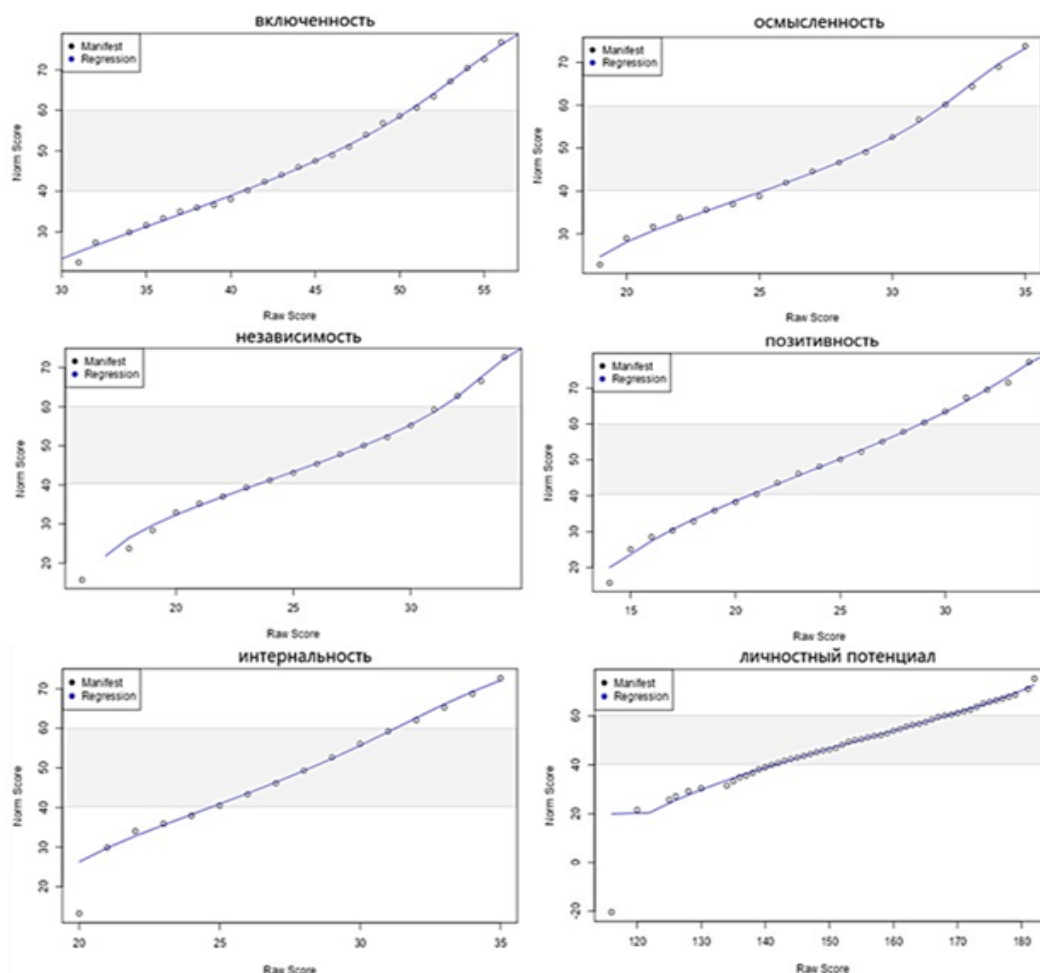
При графическом отображении данных при хорошей подгонке модели все наблюдаемые переменные расположены как можно ближе к линии регрессии, а отклонения в чрезвычайно верхнем и нижнем диапазонах являются признаком эффектов пола или потолка (Gary, Lenhard & Lenhard, 2021).

Для компонента «включенность» $RMSE: 0,257$, $R^2_{adj} = 0,997$, «осмысленность» $RMSE: 0,188$, $R^2_{adj} = 0,997$, «независимость» $RMSE: 0,136$, $R^2_{adj} = 0,999$, «позитивность» $RMSE: 0,154$, $R^2_{adj} = 0,998$, «интернальность» $RMSE: 0,156$, $R^2_{adj} = 0,998$, «личностный потенциал» $RMSE: 0,684$, $R^2_{adj} = 0,997$.

Регрессионное моделирование позволило рассчитать каждому сырому баллу соответствующий Т-балл на основе регрессии (приложение 1).

Рисунок 1

Наблюдаемые (raw) и прогнозируемые (Т-баллы) нормы

Примечание: серым цветом выделены нормы в Т-баллах.

Непрерывное нормирование для женской выборки

Для получения норм для женской выборки использовалась группирующая возрастная переменная (рисунок 2).

Отсутствие пересечений процентильных кривых, означает, что монотонное соотношение между нормальными баллами и необработанными оценками на определенных возрастных уровнях не нарушается (Lenhard, Lenhard & Gary, 2019).

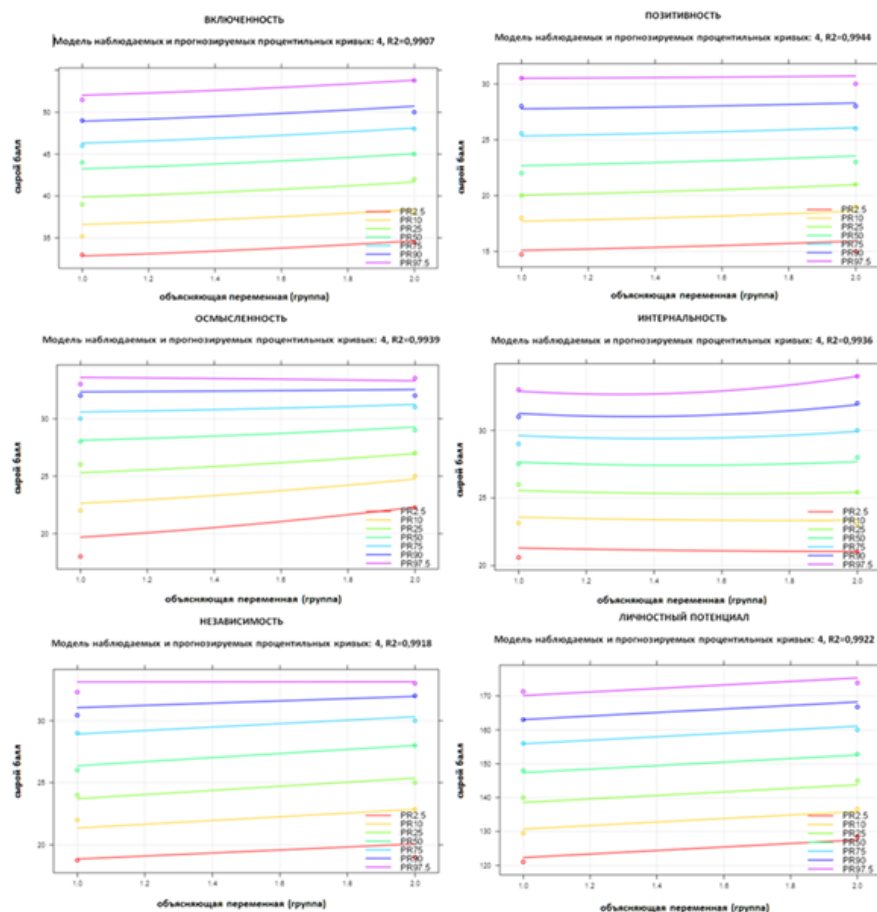
Визуальный анализ графиков с процентильными кривыми выявил лишь небольшое отклонение между наблюдаемыми и прогнозируемыми исходными баллами в соответствии с высокой корреляцией и небольшой среднеквадратичной ошибкой. Использование в регрессионном анализе предикторов в количестве $k = 4$,

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ

обеспечило достаточную нормирующую модель, с одновременно сглаженными процентильными кривыми и устраненной дисперсией ошибок выборки.

Рисунок 2

Наблюдаемые и прогнозируемые процентильные кривые

Для компонента «включенность» показатель RMSE составил 0,497, а $R^2 = 0,991$, «осмысленность» $RMSE = 0,270$, $R^2 = 0,994$, «независимость» $RMSE = 0,317$, а $R^2 = 0,992$, «позитивность» $RMSE = 0,269$, $R^2 = 0,994$, «интернальность» $RMSE = 0,264$, $R^2 = 0,994$, личностный потенциал $RMSE = 1,115$, $R^2 = 0,992$.

Регрессионное моделирование позволило для каждого сырого балла рассчитать свой T-балл (Приложение 2).

В таблице 4 представлены нормы показателей по шкалам для мужской выборки, в таблице 5 – для женской выборки.

Таблица 4

Нормы для оценки выраженности показателей шкал опросника «Личностный потенциал» (мужчины)

	Слабо выражен		Средние (норма)		Явно выражен	
Включенность	40 и ниже		41–50		51 и выше	
Осмысленность	25 и ниже		26–31		32 и выше	
Независимость	23 и ниже		24–31		32 и выше	
Позитивность	20 и ниже		21–28		29 и выше	
Интернальность	24 и ниже		25–31		32 и выше	
T-балл						
	20 – 39		40 – 59		60–80	
	Низкий	Ниже среднего	Средний	Выше среднего	Высокий	
Личностный потенциал	128 и ниже	129–141	142–167	168–179	180 и выше	
T-балл						
	20–29	30–39	40–59	60–69	70–80	

Таблица 5

Нормы для оценки выраженности показателей шкал опросника «Личностный потенциал» (женщины)

	Слабо выражен		Средний (норма)		Явно выражен	
	юниорки	женщины	юниорки	женщины	юниорки	женщины
Включенность	38–ниже	39–ниже	39–47	40–49	48–выше	50–выше
Осмысленность	23–ниже	25–ниже	24–31	26–31	32–выше	32–выше
Независимость	22–ниже	24–ниже	23–30	25–31	31–выше	32–выше
Позитивность	18–ниже	19–ниже	19–26	20–27	27–выше	28–выше
Интернальность	24–ниже	24–ниже	25–30	25–30	31–выше	31–выше

	Т-балл				
	20 – 39	40 – 59	60 – 80		
Показатели личностного потенциала					
	<u>низкий</u>	<u>ниже среднего</u>	<u>средний</u>	<u>выше среднего</u>	<u>высокий</u>
Юниорки	121 и ниже	122–134	135–159	160–170	171 и выше
Женщины	127 и ниже	128–139	140–164	165–175	176 и выше
	Т-балл				
	20–29	30–39	40–59	60–69	70–80

Обсуждение результатов

Считаем важным отметить, что нами было осуществлено увеличение выборки для стандартизации опросника в отличие от ее объема для разработки и первичной апробации методики (Харитоновна, Климова, 2024). Результаты первичной математической обработки данных показали небольшие различия в психометрических характеристиках по результатам конфирматорного факторного анализа и надежности шкал опросника, однако подтвердили приемлемое соответствие модели эмпирическим данным и выделенную пятифакторную структуру опросника.

Стратификация выборки по половым различиям и возрастным категориям позволила выделить три группы стандартизации, при этом нами была выделена только одна группа среди мужской выборки, так как между группами «юниоры» и «мужчины» не было выявлено значимых различий по компонентам и общему показателю личностного потенциала. Согласно авторам (Батулин, Мельникова, 2010) стратификация выбирается в зависимости от содержания и практического назначения теста, поэтому итоговое выделение тех групп не противоречит логике исследования.

При анализе полученных эмпирических данных нами использовался статистический пакет непрерывного нормирования CNorm, поскольку моделирование основывается на полном наборе данных, что требует, с нашей точки зрения, использования методов повышенной статистической мощности.

Проведенный анализ представленных диаграмм на мужской выборке выявил лишь незначительные отклонения между наблюдаемыми баллами и регрессионной прямой в соответствии с высоким коэффициентом детерминации и небольшой среднеквадратичной ошибкой (Gary, Lenhard & Lenhard, 2021). Кроме компонента «осмысленность» все показатели имеют небольшие отклонения в нижнем диапазоне – эффект пола, для личностного потенциала наблюдается еще и эффект потолка. К данному эффекту могло привести объединение в одну группу «юниоров» и «мужчин», отличающихся большим возрастным диапазоном и уровнем мастерства спортсменов.

Согласно графику, на женской выборке имеются лишь небольшие отклонения между наблюдаемыми и прогнозируемыми значениями, что можно интерпретировать как первый признак хорошего соответствия модели (Lenhard, Lenhard & Gary, 2019). Монотонное соотношение между данными значениями на определенных возрастных уровнях не нарушается. Полученные модели адекватно отображают максимальный эффект стандартизируемого опросника по шкалам и общей шкалы, где не превышаются исходные баллы.

Выводы

Осуществленная нами процедура стандартизации опросника «Личностный потенциал» для спортсменов позволила:

1. выделить стандартизируемые группы: мужчины, женщины, юниорки;
2. определить единые критерии оценки результатов диагностических испытаний относительно пола, при этом для женской выборки удалось выделить нормы для подгрупп «юниорки» и «женщины»;
3. рассчитать каждому сырому баллу соответствующий Т-балл на основе моделирования диагностических результатов при помощи модуля CNORM;

Таким образом, проведенное исследование позволило составить таблицы перевода сырых баллов в Т-баллы для использования в практической деятельности спортивных психологов.

Литература

- Анастаси, А. (2009). *Психологическое тестирование* (7-е изд.). Питер.
- Андреев, В. В., Андреев, В. В. (2019). Самоактуализация как процесс преодоления экстремальных ситуаций в спорте. В IX *Международный конгресс «Спорт, Человек, Здоровье»*: Материалы Конгресса, Санкт-Петербург, 25–27 апреля 2019 года (с. 134–136). Издательство Санкт-Петербургского государственного университета.
- Багадирова, С. К. (2019). Структурная модель самореализации спортсмена в условиях профессионализации в дзюдо. *Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта*, 12(178), 369–374. <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2019.12.369-374>
- Бакуняева, Д. С. (2018). *Смыслжизненные ориентации в системе факторов профессиональной успешности спортсменов – представителей спорта высших достижений* (Кандидатская диссертация). Институт психологии РАН.
- Батурин, Н. А., Мельникова, Н. Н. (2010). Технология разработки тестов: часть III. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология*, 4(180), 4–18.
- Булышко, Н. А. (2022). Эмпирическая модель влияния самооэффективности личности на результативность спортивной деятельности. *Вестник Брестского университета. Серия 3. Филология. Педагогика. Психология*, 3, 176–186.
- Бушманова, М. Е., Бушманов, Е. А., Ульянов, А. Д. (2022). Взаимосвязь жизнестойкости и спортивной формы футболистов. *Психология и педагогика спортивной деятельности*, 3–4(63), 11–14.
- Гемонова, Т. А., Кукурудзяк, И. В. (2012). Исследования локуса контроля как корреляты профессиональной успешности спортсмена. *Слобожанский научно-спортивный вестник*, 5–1(33), 123–126.
- Гозман, Л. Я., Кроз, М. В., Латинская, М. В. (1995). *Самоактуализационный тест*. Российское педагогическое агентство.

- Горская, Г. Б. (2020). Синдромный анализ ресурсов и ограничений конкурентоспособности спортсменов высокого класса. *Ресурсы конкурентоспособности спортсменов: теория и практика реализации*, 1, 40–42.
- Дементьева, И. М., Кравченко, Г. Г. (2016). Становление личностных ресурсов, самоактуализации у спортсменов-подростков, занимающихся гандболом. *Актуальные вопросы физической культуры и спорта*, 18, 90–95.
- Ежова, А. В., Карпова, Ю. В. (2021). Взаимосвязь самооффективности личности у спортсменов-пловцов 15–17 лет с успешностью их спортивной деятельности. В *Проблемы и инновации спортивного менеджмента, рекреации и спортивно-оздоровительного туризма: Сборник статей VII-й Всероссийской научно-практической конференции с международным участием*, Казань, 08 июня 2021 года (с. 53–58). Поволжский государственный университет физической культуры, спорта и туризма.
- Кадырова, Е. Р. (2017). Сопротивляемость стрессу, самооффективность и жизнестойкость у каратистов стиля киокусинкай различной квалификации как фактор психологического обеспечения конкурентоспособности спортсменов. В *Рудиковские чтения: Материалы XIII Международной научно-практической конференции психологов физической культуры и спорта*, Москва, 11–12 мая 2017 года (с. 180–186). Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма (ГЦОЛИФК)».
- Камилов, К. А. (2016). Реализация личностно развивающего потенциала спортсменов-единоборцев. *Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки*, 10(2), 12–18.
- Клайн, П. (1994). *Справочное руководство по конструированию тестов*. ПАН лтд.
- Коваль, Н. А. (2003). Психологическая сущность личностного потенциала. В Е. А. Уваров и др. (Ред.), *Потенциал личности: комплексная проблема: материалы второй Всероссийской Интернет-конференции с международным участием* (с. 230–232). Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина.
- Леонтьев, Д. А. (2006). *Тест смысло-жизненных ориентаций (СЖО)*. Смысл.
- Леонтьев, Д. А., Рассказова, Е. И. (2006). *Тест жизнестойкости*. Смысл.
- Леонтьев, Д. А. (2011). Введение: личностный потенциал как объект изучения. В Д. А. Леонтьев (Ред.), *Личностный потенциал: структура и диагностика* (с. 5–11). Смысл.
- Ложкин, Г. В., Колосов, А. Б. (2014). Представления о методологии развития личности в спортивной деятельности. В А. А. Обознов, А. Л. Журавлев (Ред.), *Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики: Сборник научных трудов* (с. 299–312). Издательство «Институт психологии РАН».
- Малкин, В. Р., Рогалева, Л. Н., Бредихина, Я. А., Гилязетдинова, Е. М. (2019). *Концепции достижения превосходства в спорте: Учебное пособие*.
- Марков, В. Н. (2004). *Личностно-профессиональный потенциал кадров управления: психолого-акмеологическая оценка и оптимизация* (Докторская диссертация). Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации.
- Митина, О. В. (2013). *Разработка и адаптация психологических опросников*. Смысл.
- Непопалов, В. Н., Атамась, А. В. (2017). Значение самоактуализации личности для совершенствования спортивного мастерства. *Экстремальная деятельность человека*, 5(46), 51–55.
- Огородова, Т. В. (2013). *Психология спорта: Учебное пособие*. ЯрГУ.
- Одинцова, М. А. (2015). *Психология жизнестойкости: Учебное пособие*. Наука.
- Павлова, И. В. (2020). Влияние жизнестойкости на спортивные достижения подростков. *Спортивный психолог*, 2(57), 55–59.
- Пульмановская, Е. И. (2021). Исследование личностного потенциала подростков, занимающихся спортом. В Л. П. Грибкова, Е. Н. Бобкова (Ред.), *Сборник материалов*

- 71-й научно-практической и научно-методической конференции профессорско-преподавательского состава СГАФКСТ по итогам НИР за 2020 г. (с. 231–234). Смоленская государственная академия физической культуры, спорта и туризма.
- Резник, М. Ю. (2007). Личностный потенциал и стратегия жизни человека. В Б. Г. Юдин (Ред.), *Человеческий потенциал как критический ресурс России* (с. 119–125). ИФРАН.
- Романина, Е. В., Кузина, А. И. (2020). Взаимосвязь внутреннего и внешнего локуса контроля у волейболисток с соревновательной результативностью. В Ю. В. Байковский, В. Ф. Сопов, В. А. Москвин (Ред.), *Рудиковские чтения–2020: Материалы XVI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием*, Москва, 28–29 мая 2020 года (с. 96–101). Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодёжи и туризма (ГЦОЛИФК)».
- Сафонов, В. К. (2017). *Психология спортсмена: Слагаемые успеха*. Спорт.
- Сухарева, Д. С., Обознов, А. А. (2019). Системная модель факторов профессиональной успешности спортсменов – представителей спорта высших достижений. *"Modern Psychology" Scientific Bulletin*, 2, 2(4), 255–261. [https://doi.org/10.46991/SBMP/2019.2.2\(4\).255](https://doi.org/10.46991/SBMP/2019.2.2(4).255)
- Ткачев, И. А., Жилина, Е. В. (2015). Самоактуализация и мотивация спортивной деятельности футболистов. *Вестник магистратуры*, 6–1(45), 117–120.
- Фетискин, Н. П., Козлов, В. В., Мануйлов, Г. М. (2005). *Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп*. Изд-во Института Психотерапии.
- Харитоновна, А. И., Климова, Е. М. (2024). Разработка и первичная апробация опросника «Личностный потенциал» для спортсменов. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 21(1), 55–78. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2024-1-55-78>
- Шварцер, Р., Ерусалем, М., Ромек, В. Г. (1996). Русская версия шкалы общей самооценки Р. Шварцера и М. Ерусалема. *Иностранная психология*, 7, 71–77.
- Шмелев, А. Г. (2013). *Практическая тестология. Тестирование в образовании, прикладной психологии и управлении персоналом*. ООО «ИПЦ Маска».
- Castro, D., Cerdas, D., Barrantes-Brais, K., Bonilla, P., & Sánchez-Ureña, B. (2018). Self-efficacy, precompetitive anxiety, and performance perception in U-17 and youth category football players. *MHSALUD: Journal in Human Movement and Health Sciences*, 15(1). <https://doi.org/10.15359/mhs.15-2.3>
- Chacón Cuberos, R., Sánchez, M., Espejo-Garcés, T., & Zurita Ortega, F. (2016). Research of resilience depending on the type of sport: Football, handball and ski. *Retos: New Trends in Physical Education, Sport and Recreation*, 29, 157–161. <https://doi.org/10.47197/retos.v0i29.41313>
- Feldman, D., & Katzir, T. (1998). Natural talents: An argument for the extremes. *Behavioral and Brain Sciences*, 21(3), 414–414. <https://doi.org/10.1017/S0140525X98301235>
- Ferreira, K., Yoshida, H., Vidual, M., Barreira, J., & Fernandes, P. (2020). Rendimento do saque, locus de controle e coping no Voleibol. *Conexões*, 17, 1–11. <https://doi.org/10.20396/conex.v17i0.8653629>
- Filipiak, S., & Łubianka, B. (2020). Locus of control in situations of successes and failures and personality traits in young athletes practicing team sports. *Health Psychology Report*, 8, 47–58. <https://doi.org/10.5114/hpr.2019.90917>
- França, D., Codonhato, R., & Vieira, L. (2020). Relação entre paixão, resiliência e desempenho no triathlon. *Research, Society and Development*, 9, Article e666997767. <https://doi.org/10.33448/rsd-v9i9.7767>
- Gary, S., Lenhard, W., & Lenhard, A. (2021). Modelling norm scores with the cNORM package in R. *Psych*, 3, 501–521. <https://doi.org/10.3390/psych3030033>
- Gyömbér, N., Kovács, K., & Lenart, A. (2016). Do psychological factors play a crucial role in sport performance? – Research on personality and psychological variables of athletes in Hungary. *Cuadernos de Psicología del Deporte*, 16, 223–232.

- Janke, S., & Dickhäuser, O. (2019). A neglected tenet of achievement goal theory: Associations between life aspirations and achievement goal orientations. *Personality and Individual Differences*, 142, 90–99. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2019.01.038>
- Kyllonen, P. C. (2008). *The research behind the ETS personal potential index (PPI)*. Princeton, NJ: ETS.
- Lenhard, A., Lenhard, W., Suggate, S., & Segerer, R. (2018). A continuous solution to the norming problem. *Assessment*, 25(1), 112–125. <https://doi.org/10.1177/1073191116656437>
- Lenhard, A., Lenhard, W., & Gary, S. (2018). cNORM - Generierung kontinuierlicher Testnormen. Abgerufen unter: <https://www.psychometrica.de/cNorm.html>. Dettelbach: Psychometrica.
- Lenhard, A., Lenhard, W., & Gary, S. (2019). Continuous norming of psychometric tests: A simulation study of parametric and semiparametric approaches. *PLoS ONE*, 14(9), e0222279. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0222279>
- Lenhard, W., & Lenhard, A. (2021). Improvement of norm score quality via regression-based continuous norming. *Educational and Psychological Measurement*, 81, 229–261. <https://doi.org/10.1177/0013164420928457>
- Littlejohn, M., & Young, B. (2019). Gain-framed messaging for promoting adult sport: Examining the effects of efficacy-enhancing information. *Frontiers in Psychology*, 10, 431. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00431>
- McCardle, L., Young, B. W., & Baker, J. (2017). Self-regulated learning and expertise development in sport: Current status, challenges, and future opportunities. *International Review of Sport and Exercise Psychology*, 12, 112–138. <https://doi.org/10.1080/1750984X.2017.1381141>
- Mirzeoğlu, D., & Çetinkanat, C. (2005). The relationship between trait anxiety and self-actualization levels of elite team players. *Journal of Gazi Physical Education and Sports Sciences*, 10(3), 19–28. <https://dergipark.org.tr/en/pub/gbesbd/issue/27985/305004>
- Moritz, S., Feltz, D., Fahrbach, K., & Mack, D. (2000). The relation of self-efficacy measures to sport performance: A meta-analytic review. *Research Quarterly for Exercise and Sport*, 71, 280–294. <https://doi.org/10.1080/02701367.2000.10608908>
- Pires, D., Lima, P., & Penna, E. (2019). Resilience in mixed martial arts athletes: Relationship between stressors and psychological protection factors. *Cuadernos de Psicología del Deporte*, 19(2), 243–255.
- Pieporra, P. (2020). A review of personality research in sport. *Pedagogy and Psychology of Sport*, 6(4), 64–83. <https://doi.org/10.12775/PPS.2020.06.04.007>
- Porjavid, M., Zeidabadi, R., Stiri, Z., & Askari Tabar, E. S. (2020). Sport psychology studies the relationship between sport self-efficacy and competitive anxiety in athletic students: The mediating role of coping strategies. *Sport Psychology Studies*, 9(32), 117–140. [In Persian]. <https://doi.org/10.22089/spsyj.2020.8570.1926>
- Ronkainen, N., McDougall, M., Tikkanen, O., Feddersen, N., & Tahtinen, R. (2020). Beyond health and happiness: An exploratory study into the relationship between craftsmanship and meaningfulness of sport. *Sociology of Sport Journal*, 1–34. <https://www.researchgate.net/publication/343789013>
- Ramolale, M., Malet, L., & Ju, U. (2021). Mediation role of mental toughness on the relationship between self-efficacy and prosocial/antisocial behavior in elite youth sport. *Frontiers in Psychology*, 12, 745323. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.745323>
- Stones, M., & Baker, J. (2020). Editorial: Modeling human potential across the lifespan. *Frontiers in Psychology*, 11, 106. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.00106>
- Tahtinen, R., Tikkanen, O., McDougall, M., Halldorson, V., Feddersen, N., Mitchell, L., Thomas, L., & Ronkainen, N. (2019). Craftsmanship: A novel approach for exploring meaningfulness of sport. In *15th European Congress of Sport and Exercise Psychology (FEPSAC)*. <https://www.researchgate.net/publication/334762285>

Приложение 1

Таблица перевода в Т-баллы. Мужчины

Сырой балл	ВКЛ (Т-балл)	ОСМ (Т-балл)	НЗВ (Т-балл)	ПЗТ (Т-балл)	ИНТ (Т-балл)	Сырой балл	ЛП (Т-балл)	Сырой балл	ЛП (Т-балл)
12						114		160	53,9
13						115		161	54,7
14				20		116		162	55,4
15				23,6		117		163	56,2
16		20	20	27,4		118	20	164	56,9
17		22,3	21,7	30,5		119	20	165	57,7
18		24,6	26,4	33,3	21,5	120	21,1	166	58,4
19		26,8	29,6	36	24,6	121	22,2	167	59,2
20		29	32,3	38,4	27,5	122	23,3	168	60
21		31,1	34,7	40,9	30,3	123	24,3	169	60,8
22		33,2	36,9	43,2	32,9	124	25,3	170	61,6
23		35,3	39,1	45,5	35,6	125	26,3	171	62,4
24		37,4	41,2	47,9	38,2	126	27,3	172	63,2
25		39,6	43,3	50,3	40,9	127	28,2	173	64
26		41,9	45,4	52,7	43,6	128	29,1	174	64,8
27		44,3	47,7	55,1	46,5	129	30	175	65,7
28	20	46,8	50	57,7	49,4	130	30,9	176	66,6
29	21,6	49,5	52,5	60,4	52,4	131	31,8	177	67,5
30	23,3	52,6	55,3	63,3	55,6	132	32,6	178	68,4
31	25	56	58,6	66,3	58,9	133	33,5	179	69,4
32	26,6	60	62,6	69,6	62,4	134	34,3	180	70,4
33	28,2	64,6	67,5	73,1	65,8	135	35,1	181	71,4
34	29,7	69,4	72,3	76,9	69,2	136	35,9	182	72,5
35	31,2	73,5	75,8	80	72,2	137	36,7	183	73,6
36	32,7	76,8	78,3		75	138	37,5	184	74,9
37	34,3				77,5	139	38,3	185	76,2
38	35,8					140	39,1	186	77,7
39	37,3					141	39,9	187	
40	38,9					142	40,6		
41	40,5					143	41,4		
42	42,1					144	42,1		
43	43,8					145	42,9		
44	45,6					146	43,6		
45	47,4					147	44,4		
46	49,4					148	45,1		
47	51,4					149	45,9		
48	53,6					150	46,6		
49	55,9					151	47,3		
50	58,4					152	48,1		
51	61,1					153	48,8		
52	64					154	49,5		
53	67,1					155	50,3		
54	70,2					156	51		
55	73,3					157	51,7		
56	76,1					158	52,5		
57	78,7					159	53,2		

Таблица перевода в Т-баллы. Женщины

[illegible]

Сырой балл	Личностный потенциал (Т-балл)															
	ВКЛ (Т-балл)		ОСМ (Т-балл)		НЗВ (Т-балл)		ПЗТ (Т-балл)		ИНТ (Т-балл)		Сырой балл	юн	жен	Сырой балл	юн	жен
56	35															
55	36															
54	37															
53	38															
52	39															
51	40															
50	41															
49	42															
48	43															
47	44															
46	45															
45	46															
44	47															
43	48															
42	49															
41	50															
40	51															
39	52															
38	53															
37	54															
36	55															
35	56															
34	57															
33	58															
32	59															
31	60															
30	61															
29	62															
28	63															
27	64															
26	65															
25	66															
24	67															
23	68															
22	69															
21	70															
20	71															
19	72															
18	73															
17	74															
16	75															
15	76															
14	77															
13	78															
12	79															
11	80															
10	81															
9	82															
8	83															
7	84															
6	85															
5	86															
4	87															
3	88															
2	89															
1	90															

Поступила в редакцию: 15.03.2024

Поступила после рецензирования: 15.03.2025

Принята к публикации: 19.04.2025

Заявленный вклад авторов

Анна Игоревна Харитоновна – существенный вклад в планирование и проведение исследования, анализ и интерпретация результатов; работа с источниками, написание обзорной части статьи; критический пересмотр ее содержания;

Елена Михайловна Климова – существенный вклад в планирование и проведение исследования, анализ и интерпретация результатов; работа с источниками, написание обзорной части статьи; критический пересмотр ее содержания.

Информация об авторах

Анна Игоревна Харитоновна – кандидат психологических наук, тренер спортивной команды по дзюдо, самбо и тхэквондо, Федеральное автономное учреждение Министерства обороны Российской Федерации «Центральный спортивный клуб Армии», Москва, Российская Федерация; Author ID: 1115453, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3818-0580>; e-mail: Kharitosha85@mail.ru

Елена Михайловна Климова – кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории управления человеческим капиталом и организационного поведения, Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований», Москва, Российская Федерация; Researcher ID: A-6354-2019, Scopus ID: 57195349880, Author ID: 184049, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4848-159>; e-mail: klimova_em@mail.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Удовлетворенность качеством отношений в родительской семье в структуре ценностного сознания современной российской молодежи

Екатерина А. Юмкина^{*ID}, Валентина Н. Куницына^{ID},
Татьяна В. Казанцева^{ID}, Татьяна Б. Позднякова^{ID}, Ирина В. Кузнецова^{ID}

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Российская Федерация

*Почта ответственного автора: ekaterinayum@gmail.com

Аннотация

Введение. На сегодняшний день существует дефицит работ, рассматривающих вопрос о взаимосвязях между качеством внутрисемейных отношений молодежи и их ценностным сознанием. Мы предполагаем, что уровень удовлетворенности молодежи качеством отношений в родительской семье (УКО) связан с определенным набором структурных и процессуальных характеристик семейных связей, а также с комплексом просоциальных ценностей. **Методы.** В опросе студенческой молодежи г. Санкт-Петербурга гуманитарных специальностей (психологи, экономисты) приняли участие 121 человек, средний возраст – 19 лет, 30% – юноши, 70% – девушки. Опросные методики: «Семейные отношения и дом» (Куницына, Юмкина 2015), «Ценностные ориентации - 36» (Куницына, 2010), РОДОС (Куницына, 2015). **Результаты.** Сформулировано определение качества семейных отношений и выделены содержательные критерии их анализа: структурные (главенство и привязанности); процессуальные (семейное общение и деятельность); когнитивные (коллективные семейные представления и ценности). Выявлены, качественные различия внутрисемейных отношений юношей и девушек с разной степенью удовлетворенности отношениями в родительской семье; показана структура ценностных ориентаций молодежи и место в ней УКО; определены 4 предиктора удовлетворенности семейными отношениями: эмоциональные

привязанности, взаимопонимание, гостеприимство и конструктивное разрешение противоречий. Высокая удовлетворенность качеством отношений в родительской семье опосредует значимость ценностей доверительных близких отношений, создавая эмоциональную основу для уверенности в построении длительных отношений любви и дружбы. Низкая удовлетворенность связана с актуализацией у молодежи направленности на поиск удовольствий, повышенное внимание к собственной внешности и переживаниям. **Обсуждение результатов.** Полученные результаты согласуются с данными отечественных и зарубежных исследований в том, что взаимопонимание и конфликты – наиболее сильные предикторы в моделях, описывающих качество семейных отношений и факторы, повышающие значимость семейных ценностей. Перспективным в практическом отношении является включение в модель показателя гостеприимства, которое может рассматриваться как ресурс для семейной системы.

Ключевые слова

ценностные ориентации молодежи, качество внутрисемейных отношений, семейная атмосфера, семейные конфликты, гостеприимство

Для цитирования

Юмкина, Е. А., Куницына, В. Н., Казанцева, Т. В., Позднякова, Т. Б., Кузнецова, И. В. (2025). Удовлетворенность качеством отношений в родительской семье в структуре ценностного сознания современной российской молодежи. *Российский психологический журнал*, 22(2), 115–133. <https://doi.org/10.21702/2bcp5z12>

Введение

В последние десятилетия в России отмечаются изменения в институте семьи, которые, по данным социологов, приводят к увеличению «пробных браков», доли гражданских семей, добровольной бездетности (Vishnevsky & Yachmeneva, 2018). В качестве причин такого положения дел называется длительное пребывание российского общества в ситуации неопределенности (Vishnevsky & Yachmeneva, 2018; Kasarkina et al., 2018), которая еще больше усилилась в условиях пандемии. Неуверенность в будущем ставит под вопрос не столько саму ценность семейных отношений, сколько представление молодых людей о своих возможностях и способностях нести ответственность за свои отношения в паре и воспитание детей (Захарова и др., 2019). Это представление является интеграцией молодыми людьми опыта жизни в родительской семье (Heinze et al., 2020; Prioste et al., 2020). Отсюда, закономерно возникает вопрос: какие конкретно качественные аспекты взаимоотношений с родителями оказываются наиболее существенными в ходе трансляции просоциальных ценностей молодежи? Для ответа на него важно сперва определиться с самим понятием качества отношений.

Отметим, что в последнее время все большее число исследователей обращается к проблеме субъективного благополучия, в которой вопрос о качестве близких отношений занимает одно из важных мест (Saif, 2014; Trahan, Morley & Shafer, 2021; Szkody & McKinney, 2021; LaFreniere & Ledbetter, 2021; Екимчик, Смирнова, 2021; Ryabichenko, Lebedeva & Plotka, 2018; Narbut & Trotsuk, 2018; Padilla et al., 2020; Sasseret et al., 2021). Этот термин объединяет в себе всю совокупность объективных и субъективных сторон межличностных отношений (Hardie & Lucas, 2010). В перечень параметров, по которым оценивают качество межличностных отношений включают:

а) позитивные аспекты, маркирующие высокое качество отношений (поддержка, теплота, привязанность, забота), (Lucier-Greer, Howard, & Mancini, 2021)

б) негативные аспекты, указывающие на низкое качество отношений (конфликты, антагонизм, чрезмерный контроль, принуждение) (Saif, 2014; Ebbert, Infurna & Luthar, 2018).

Среди социально-психологических предпосылок, определяющих качество межличностных отношений у взрослого человека, выделяют: стили любви, способность к самосовершенствованию, личностные особенности, характер отношений в семье (Konshina & Sadovnikova, 2022), эмоциональный интеллект, поддержку партнера, позитивные установки, точность межличностного восприятия, уровень депрессии (Groot et al., 2022), социальный статус и экономическое положение (Saif, 2014). Отмечается, что наиболее существенное влияние в субъективные оценки качества отношений вносит стабильность отношения родителя (или замещающего его взрослого) к ребенку (Bornstein & Putnick, 2021; Zhou et al., 2021; Martin-Storey et al., 2021; Краснова, Холмогорова, 2011; Ислами, 2019) и рефлексия этой стабильности самим ребенком (Szkody & McKinney, 2021).

Анализ литературы показывает отсутствие единства в определении того, что значит качество семейных отношений, при констатации эвристической ценности этого феномена для теоретических и прикладных целей. Обращение к философской литературе показало, что понятие качества какого-то явления фиксирует наиболее существенные его стороны и одновременно саму возможность существования именно в таком виде (Никифоров, 2001). Следовательно, когда ставится вопрос о качестве семейных отношений, необходимо выделить такие параметры, которые характеризуют стороны жизнедеятельности семьи как коллективного субъекта, т.е. отражают ее единство.

В контексте изучения семьи как малой группы к ключевым факторам относят сплоченность и конфликтность (Fosco, Caruthers & Dishion, 2012). В отечественной литературе А.В. Петровским суть сплоченности понимается как ценностно-ориентационное единство группы, причем совпадение ценностей, суждений, мнений членов этой группы является показателем активности реализуемой ею совместной деятельности. В логике нашего рассуждения важно, что группам с высоким уровнем развития сплоченности соответствует выраженное стремление к самоопределению как каждого отдельного участника, так и группы в целом в противовес конформности (Петровский, 2008).

А. Л. Журавлев предлагает иной перечень критериев малой группы как коллективного субъекта: взаимосвязанность членов группы (интенсивность, теснота, содержание и предмет взаимных связей), совместная активность (сюда входит широкий спектр совместной деятельности группы) и групповая саморефлексивность (Журавлев, 2009, с. 76). Последнее включает в себя сформированные чувство «мы», социальные представления о своей группе (ее истории, ресурсах, возможностях, развитии).

Важным общим моментом в приведенных концепциях является то, что на уровне конкретных субъектов единство группы проявляется таким образом, что сформированное представление о группе, выработанное в совместной деятельности, выполняет функцию детерминации собственной линии поведения каждого участника (то есть становится ценностным ориентиром). Примечательна диалектическая связь между этими аспектами: в континууме неконформизм – конформизм – зрелое самоопределение.

Данные теоретические соображения являются важными как для обоснования актуальности проведенного нами исследования, так и для того, чтобы предложить определение качества внутрисемейных отношений. Качество внутрисемейных отношений – такое устойчивое состояние в системе связей между членами семьи, которое отражает как меру их единства в совместной жизнедеятельности, так и уровень благополучия каждого. В общем виде можно представить качественное своеобразие отношений в семье как постепенное движение к такому состоянию, при котором достигается минимизация противоречий в совместном общении и деятельности, реализуется полнота самоопределения и развития каждого члена семьи.

Далее, необходимо выделить наиболее существенные свойства семейных отношений с социально-психологического угла зрения. Как уже было отмечено в определении, таковыми должны стать свойства, обеспечивающие единство совместной жизнедеятельности. Рассматривая семью с точки зрения системного подхода и опираясь на концепцию семейного уклада (Куницына, Юмкина, 2015), можно предложить следующий перечень параметров, которые удовлетворяют критериям коллективного субъекта (см. таблица 1).

Первый параметр – взаимосвязь членов группы – характеризует структурные аспекты связей в семье, которые выражают их взаимную субординацию и координацию. Здесь можно говорить об иерархии связей, как более формализованной стороне, так и о привязанности, как о менее формализованной, эмоциональной стороне семейных отношений.

Совместная активность членов семьи может быть очень разнообразной. Нами выделены наиболее обобщенные и базовые ее стороны: семейное общение (выражающее внимание членов семьи друг к другу), забота о среде своего существования; гостеприимство (забота о более широком социальном окружении).

Наконец, групповая саморефлексия членов семьи включает результаты обобщения всего опыта совместной жизни каждым из ее субъектов и проявляется

в осознании и выработке семейного сценария, семейных установок и ценностей, а также общего чувства удовлетворенности или неудовлетворенности отношениями.

Таблица 1

Соотношение параметров семейных отношений с критериями коллективного субъекта

Признак коллективного субъекта (по А.Л. Журавлеву)	Параметр семейных отношений
Взаимосвязанность членов группы	Структурные аспекты семейных связей (супружеских, межпоколенных): - иерархия (формальные) - привязанности (неформальные)
Совместная активность	Процессуальные составляющие семейного общения и деятельности: - семейное общение - забота о жилой среде - гостеприимство
Групповая саморефлексивность	Когнитивные составляющие семейного самосознания: - Коллективные семейные представления - Семейные сценарии и установки - Семейные ценности - Удовлетворенность отношениями

Как отмечает А.Л. Журавлевым (2009), данные факторы при анализе группы могут как выступать в единстве (и это будет отличать высокий уровень сформированности коллективного субъекта), так и иметь неодинаковую выраженность на разных стадиях развития группы. В фокус нашего непосредственного анализа была поставлена особая ситуация, характеризующая студенческую молодежь: с одной стороны, многие годы жизни в семье формировали у них целостный образ этой группы и своего места в ней, с другой стороны, они готовятся к выходу из этой группы в целях построения собственной семейной ячейки. Следовательно, возникает вопрос, каким образом удовлетворенность качеством жизни в родительской семье опосредует структуру ценностно-смысловой сферы молодого человека. **Целью** настоящей работы стал поиск решения этого вопроса и разработка предсказательной модели удовлетворенности молодыми людьми качеством внутрисемейных отношений.

Методы

Для проверки наших предположений был организован опрос студенческой молодежи Санкт-Петербурга гуманитарных специальностей (психологи, экономисты). Общее число – 121 человек, средний возраст – 19 лет, из которых 30% – юноши, 70% – девушки. Учитывая тот факт, что число девушек превысило по количеству число юношей, мы провели анализ различий по полу с помощью *t*-критерия Стьюдента для независимых выборок. По выделенным нами аспектам внутрисемейных отношений значимых различий не обнаружено, в связи с чем было принято решение анализировать совокупную выборку молодых людей и девушек.

Нашей основной гипотезой исследования было предположение о том, что уровень удовлетворенности молодежи качеством отношений в родительской семье связан с определенным набором структурных и процессуальных характеристик семейных связей, а также с комплексом просоциальных ценностей.

Каждый респондент заполнял опросники из таблицы 2.

Таблица 2

Описание задач и методов исследования

Задача исследования	Диагностический метод
Анализ качественных сторон внутрисемейных отношений	«Семейные отношения и дом» (Куницына, Юмкина, 2015)
Выявление удовлетворенности отношениями в родительской семье	Оценка качества «семейной атмосферы» методики РОДОС – «Родительно-детские отношения в семье» (Куницына, 2015)
Анализ ценностных ориентаций	«Ценностные ориентации - 36» (Куницына, 2010)

Опросник «Семейные отношения и дом» (сокращенно СОД) направлен на изучение семейного уклада как совокупности устойчивых форм семейных отношений, быта, правил и установок, и наследования специфических (этнических, духовных, религиозных, поколенческих) ценностей и традиций. В основе опросника лежит теоретическая модель, образованная взаимосвязанными сторонами семейного уклада: а) взаимосвязи с внешней по отношению к семье социальной средой; б) внутрисемейные отношения; в) семейная деятельность. Заполнение опросника строится на ретроспективной оценке респондентом опыта отношений в родительской семье, фиксируя факты наличия или отсутствия регулярности в тех или иных семейных практиках и паттернах поведения.

Оценка «Семейной атмосферы» включает 6 вопросов из методики РОДОС (Куницына, Юмкина, 2015) и интегрирует оценку степени общей эмоциональной комфортности пребывания в семейном кругу, и удовлетворенности семейными отношениями. Каждый вопрос предполагает либо согласие (1 балл), либо несогласие (0 баллов). Примеры вопросов из шкалы: «у меня было не очень счастливое детство из-за общей напряженной атмосферы в семье» (обратный вопрос); «у нас была очень дружная семья». Выбор данной методики связан с тем, что она позволяет снизить возможные эффекты социальной желательности или повышенной критичности ребенка в отношении родителей. Таким образом, мы добиваемся большей объективации эмоционально окрашенного ощущения. Стоит отметить, что в исследованиях удовлетворенности качеством отношений родителей и детей этот параметр операционализируется, как правило, через прямые вопросы респонденту о том, насколько он счастлив и доволен отношениями с родителями (Hong et al., 2021).

Выбор методики ЦО–36 был связан с тем, что в нем, в сравнении с исходным опросником С. Шварца, расширен блок ценностей межличностных и семейных отношений (Куницына, 2010).

Данные были проверены на нормальность распределения. Далее обработка проводилась в несколько этапов для более детального анализа взаимосвязи исследуемых параметров.

На первом этапе было проведено сравнение средних значений в двух контрастных группах, отличающихся мерой удовлетворенности качеством отношений в родительской семье («семейная атмосфера» методики РОДОС). Формирование этих групп происходило по принципу $M \pm SD$, где M – это среднее значение по выбранному признаку (в данном случае $M = 8,2$), а SD – это стандартное отклонение (в данном случае $SD = 2,5$). В первую группу вошли 24 человека с низкими значениями по шкале удовлетворенности качеством отношений в родительской семье (т.е. ниже $M - SD = 8,2 - 2,5 = 5,7$). В другую группу соответственно попали 59 человек с высокими средними значениями по шкале удовлетворенности (т.е. выше $M + SD = 8,2 + 2,5 = 10,7$). Максимально возможный балл по шкале = 12. При обработке данных использовался критерий U-Манна-Уитни для независимых выборок.

На втором этапе на совокупной выборке ($n = 121$) анализировался характер взаимосвязей удовлетворенности качеством отношений в родительской семье с ценностными ориентациями. Для этих целей применялся корреляционный (критерий ро-Спирмена) и эксплораторный факторный анализы. Выделение факторов производилось методом главных компонент, использовалось варимакс вращение с нормализацией Кайзера.

На третьем этапе рассчитывалась предсказательная модель удовлетворенности качеством отношений в родительской семье на основе множественного регрессионного анализа.

Обработка данных осуществлялась на основе программного обеспечения IBM SPSS-Statistics 22.0.

Результаты

Результаты сравнения контрастных по удовлетворенности качеством отношениями в родительской семье (далее УКО) групп молодежи представлены в таблице 3.

Таблица 3

Сравнение групп молодежи с низкой и высокой удовлетворенностью отношениями в родительской семье

Параметры	Гр1 с низкой УКО (n=24)		Гр2 с высокой УКО (n=59)		Разница средних значений	Ур-нь значимости
	М	SD	М	SD		
Показатели взаимосвязанности						
Симметричность связей в супружеской системе	6,46	2,96	8,59	2,35	2,13	0,00
Связи поколений	5,71	2,85	8,49	2,45	2,78	0,00
Показатели активности						
Конструктивность решения конфликтов	5,54	2,54	9,07	1,95	3,53	0,00
Понимание	5,83	2,16	9,17	1,96	3,34	0,00
Забота о доме	5,38	2,39	8,49	2,32	3,12	0,00
Принадлежность пространства	7,92	2,73	10,10	1,76	2,19	0,00
Совместные занятия	4,67	2,48	6,47	2,35	1,81	0,01
Подготовка к гостям	6,33	2,22	8,73	2,20	2,40	0,00
Общение с гостями	6,67	3,42	10,32	2,15	3,66	0,00
Ценностные ориентации						
Защита семьи	8,33	2,33	10,25	2,08	1,92	0,00
Забота о себе	7,71	2,73	6,54	2,22	-1,17	0,01
Полезность	5,75	2,51	7,19	2,30	1,44	0,03
Понимание и доверие в семье	7,88	2,92	9,32	1,71	1,45	0,03
Религиозность	2,38	2,95	4,20	3,12	1,83	0,01
Внутренняя гармония	9,54	2,08	7,92	2,69	-1,63	0,01
Удовольствие	7,38	2,30	6,37	2,11	-1,00	0,05

Условные обозначения: M – среднее значение, SD – стандартное отклонение

Как можно увидеть, различия в качественных параметрах семейных отношений достоверны на высоком уровне значимости. У молодежи с низкой удовлетворенностью отмечаются: более выраженная асимметричность связей в супружеской системе их родителей (т.е. было установлено главенство кого-то одного из супругов), большая отчужденность связей со старшим поколением, относительная бедность совместной активности, выраженные пространственные границы в доме. Жирным шрифтом выделены те параметры, по которым различия между группами превышают 3 балла. В совокупности эти аспекты можно было бы обозначить как «эмоциональная включенность членов семьи в жизнь друг друга». Как видно, семьи молодежи из Гр1 (группы с низкой удовлетворенностью КО) отличается более острое протекание конфликтов, низкий уровень взаимопонимания, отсутствие единства в создании комфортной среды дома, неудовлетворенность общением с гостями.

В ценностно-смысловой сфере также обнаружены достоверные отличия между сравниваемыми группами молодежи в аспектах значимости семьи и близких доверительных отношений (выше в группе 2) и получения удовольствия (выше в группе 1). Своеобразным маркером возможных противоречий в этих смыслах выступили ценности внутренней гармонии (выше в группе 1) и заботы о себе (выше в группе 1).

Корреляционный анализ позволил выявить общий характер взаимосвязей удовлетворенности качеством отношений в родительской семье с конкретными ценностными смыслами (рис. 1), большая часть которых была обнаружена и при сравнении контрастных групп.

Рисунок 1

Взаимосвязи удовлетворенности качеством отношений в родительской семье с ценностными ориентациями

Примечание: сплошная линия – прямая связь; пунктирная линия – обратная связь; двойная линия – $p < 0,01$; одинарная – $p < 0,05$.

Наиболее сильные связи, опосредованные УКО, отмечены для ценностей «защита семьи», «религиозность», «понимание и доверие в семье». Обнаруженные обратные слабые связи с гедонистическими ценностями позволяют предположить нелинейный характер их опосредования. В целом, прослеживается закономерность, что чем выше УКО, тем выше значимость группы семейных ценностей и ниже гедонистических и индивидуалистических.

Факторный анализ (показавший адекватность своего применения в выборке респондентов: критерий адекватности выборки Кайзара-Мейера-Олкина (КМО) = 0,586 при $P = 0,000$) позволил составить представление о месте удовлетворенности качеством семейных отношений в совокупной смысловой сфере молодежи. Так, опираясь на график собственных значений (рис. 2), мы выделили 6 ведущих факторов, являющихся ведущими структурными компонентами в анализируемой выборке молодежи (табл. 4).

Рисунок 2

График собственных значений факторов

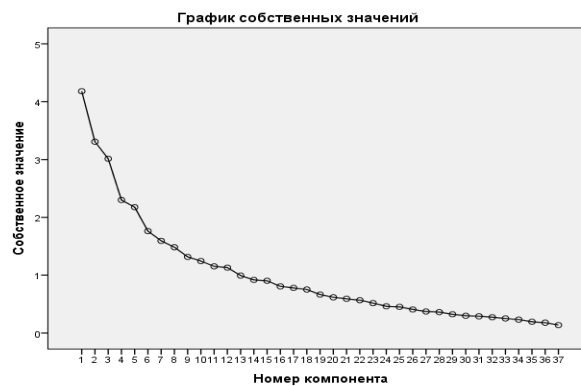

Таблица 4

Факторные нагрузки ценностных ориентаций молодежи

Параметры (ценности и УКО)	Повернутая матрица компонентов ^a					
	1	2	3	4	5	6
Выбор собственных целей	,772					
Интеллект	,723					
Широта взглядов	,575				,332	
Терпеливость		,738				
Социальная справедливость		,664				
Полезность		,506		-,371		
Терпимость		,457				-,389

Параметры (ценности и УКО)	Повернутая матрица компонентов ^а					
	1	2	3	4	5	6
Понимание и доверие в семье			,773			
Защита семьи			,614			
Зрелая любовь			,602		,497	
Настоящая дружба		,360	,518			
Удовлетворенность качеством отношений в семье			,444	-,242		-,202
Наслаждение жизнью				,800		
Удовольствие				,731		
Благосостояние			,320	,617		
Внутренняя гармония					,701	
Мир прекрасного					,639	
Мудрость	,357				,592	
Здоровье						,731
Самоуважение						,712
Забота о себе						,689

Первый фактор отражает доминирующую у молодежи потребность в самоопределении.

Второй фактор указывает на актуальность для молодых людей выработки умений саморегуляции в широком спектре социальных ситуаций, в которых они оказываются (ведущая ценность здесь – это терпеливость, как способность противостоять раздражению, самообладание).

Третий фактор, который включил в себя интересующий нас параметр УКО в родительской семье, может быть назван «значимость близких доверительных отношений». Как видно, сюда входят не только семейные ценности, но и смыслы более широкой направленности на избирательные, глубокие, эмоционально наполненные связи с другими людьми.

Четвертый фактор подчеркивает значимость удовлетворения собственных желаний. Примечательно, что УКО, хотя и с низкими нагрузками, входит в этот фактор с отрицательным знаком.

Пятый – указывает на важность эстетической и этической активностей в гармонизации своего состояния.

Шестой фактор вообрал в себя ценности внимательного отношения к своему здоровью и внутреннему миру. Сюда так же с низкими нагрузками вошла УКО с обратным знаком.

В результате регрессионного анализа (табл. 5) была получена модель субъективной удовлетворенности семейными отношениями, объясняющая более 40% дисперсии ($R^2 = 0,409$) и включающая следующие стороны семейного уклада:

Удовлетворенность семейными отношениями = $0,31 + 0,304$ Взаимопонимание + $0,297$ Удовлетворенность общением с гостями + $0,246$ Конструктивное решение конфликтов

Вклад β -коэффициентов регрессии для первых двух переменных значим на уровне $p < 0,001$, для решения конфликтов – на уровне $p < 0,01$.

Таблица 5

Значения коэффициента множественной корреляции R для полученной модели

Модель	Сводка для модели			
	R	R^2	Скорректированный R^2	Ст. ошибка оценки
1	0,640 ^d	0,409	0,393	2,36

Примечание. 1. Предикторы: (константа), Взаимопонимание, Удовлетворенность общением с гостями, Конструктивное решение конфликтов

Из шестнадцати компонентов, диагностируемых методикой «СОД», в предсказательную модель вошли три. Все они характеризуют особенности семейной коммуникации: внутрисемейной и внесемейной (общение с гостями). Весьма интересны и неожиданны связи с компонентом гостеприимства.

Обсуждение результатов

Исследование показало, что удовлетворенность качеством отношений в родительской семье является очень емким, обобщенным образом и характеризует направленность личности молодых людей (юношей и девушек) на построение устойчивых взаимоотношений привязанности. При этом нам удалось выявить параметры семейной системы, которые вносят наиболее существенный вклад в построение этого образа. Чтобы их структурировать, вернемся к таблице 1. Там было предложено соотношение признаков коллективного субъекта и параметров семейных отношений.

Из характеристик семейной активности ключевым оказалось общение членов семьи, его процессуальные аспекты, такие как взаимопонимание и конструктивность в решении противоречий. Взаимопонимание отражает степень безопасности и

доверительности коммуникаций между членами семьи в силу общей готовности понять потребности друг друга. Решение конфликтов характеризует степень напряженности или гармоничности отношений в семье, ориентацию на обсуждения, убеждения и мирное урегулирование возникающих противоречий. Включение в модель этих двух сторон семейного уклада согласуется с исследованиями других авторов. Так, Heinze J.E. с соавторами (Heinze et al., 2020) на обширной выборке, учитывающей неблагополучные семьи, показали, что молодые люди, которые отмечали более высокий уровень семейных конфликтов в подростковом возрасте, реже сообщали о близости и поддержке со стороны родителей. Более того, с этим фактом коррелировала и частота сообщения о поддержке со стороны партнеров или супругов (она была также ниже при высокой конфликтности в родительской семье). Иными словами, наблюдается эффект трансфера негативного опыта из родительской семьи в свою собственную. При этом в случае позитивно окрашенных отношений корреляции между перечисленными параметрами не наблюдалось.

A. Sillars, D. J. Canary, M. Tafoya (2003) также подчеркивают, что взаимопонимание и конструктивные способы разрешения конфликтов являются значимыми предикторами качества семейных отношений в целом. Согласно результатам этого и другого исследования (Schrodt et al., 2009), в ходе обсуждения острых моментов у ребенка формируется целый комплекс умений, входящих в его общую социальную компетентность: умение слушать, прояснять, соотносить свои потребности с потребностями других людей, уважительно обращаться с другим человеком при сохранении собственной позиции и др. Таким образом, УКО является обобщенным показателем коммуникативной и шире социальной компетентности личности.

В силу того, что предикторами удовлетворенности качеством отношений молодежи стали в нашем случае параметры семейного общения, то важно упомянуть об исследовании M. Cui, H. Janhonen-Abruquah, и C.A. Darling (2022). Они анализировали взаимосвязь между психологическим благополучием молодых девушек, качеством общения и качеством отношений с родителями в США и Финляндии. Результат оказался весьма интересным: в США качество общения (как субъективное восприятие реальных коммуникативных практик) оказывалось предиктором высокого уровня психологического благополучия, тогда как в Финляндии таким предиктором стало качество отношений (как субъективное восприятие всего опыта взаимодействия ребенка и родителя). Наш результат оказался ближе к американской выборке. В данном случае весьма показательным культурное различие, отражающее, что в разных общественно-исторических условиях конкретный набор параметров, определяющий качественную специфику отношений в семейной группе, может варьировать и, тем самым отражать актуальные запросы молодого человека от семьи.

Особенно интересным нам показалось, что в число предикторов УКО вошла удовлетворенность отношениями с гостями. К сожалению, на сегодняшний день семейному (некоммерческому) гостеприимству уделяется крайне недостаточное

внимание. В нашей более ранней работе (Куницына, Юмкина, 2022) было показано, что этот вид целенаправленной активности вносит существенный вклад в восприятие молодыми людьми своей семьи как целостной системы. Подготовка к гостям, учет их потребностей и вкусов, продумывание совместных активностей и тем для обсуждения становится важной составляющей чувства «мы». Как для становления личности важно взаимодействие с другими людьми, так и для становления коллективного субъекта важно межгрупповое взаимодействие. В обширном исследовании R. Biswas-Diener и его коллег (Biswas-Diener et al., 2019) было показано, что гостеприимство связано с более высокими показателями качества жизни и субъективного благополучия личности. С другой стороны, в одном из исследований отмечается, что взаимосвязь гостеприимства с субъективным благополучием личности в значительной степени зависит от культуры и традиций конкретной семьи (Biswas-Diener & Diener, 2024). Применительно к нашим результатам этот факт может соотноситься с тем, что вклад семейного гостеприимства в предсказательную модель удовлетворенности качеством внутрисемейных отношений не такой высокий, как, например, у взаимопонимания. Вероятно, если семья противоречива и отчуждена внутри себя, то и общение с гостями не может быть полноценным.

В порядке общего обсуждения полученной нами регрессионной модели хотелось бы отметить исследование S. C. Chiang и S. Bai, (Chiang & Bai, 2022), расширяющее представление о цепочке взаимосвязей в семейной системе. Ими была установлена прямая зависимость между качеством отношений с родителями и выраженностью депрессивных симптомов у подростков, где опосредующей переменной являлось качество отношений между супругами. К схожим выводам пришли и M. Cui, H. Janhonen-Abreuquah, и C.A. Darling (2022): обострение отношений между родителями приводит к снижению воспринимаемого качества общения и отношений молодых девушек с родителями независимо от культурной принадлежности. Таким образом, перспективным направлением является включение в анализ дополнительных переменных, позволяющих представить семью в целостности.

Наше исследование показало, что удовлетворенность качеством отношений в родительской семье характеризует то, какое место занимают ценности межличностных отношений среди иных смыслов. Если регрессионная модель позволила нам описать основные практики жизни в родительской семье, из которых происходит общее ощущение удовлетворенности молодых людей, то корреляционный и факторный анализы указывают на результат, в которых это ощущение конституируется. Эмпирически показано, что чем в большей степени молодые люди довольны отношениями в родительской семье, тем выше они ценят понимание и доверие в семье, семейные традиции, авторитет старших, безопасность родных людей. Лонгитюдные исследования зарубежных коллег подтверждают (Padilla et al., 2016; Padilla et al., 2020) что более высокая значимость фамилистских ценностей (от англ. family – семья) у молодых людей сопряжена с низкой конфликтностью и более высоким уровнем взаимопонимания с родителями.

При этом сама по себе низкая значимость ценностей семьи еще не указывает на низкое качество отношений с родителями. Как показывают исследования зарубежных и отечественных авторов, структура семейных и шире просоциальных ценностей личности является динамичной в возрасте от 18 до 25 лет (Padilla et al., 2016; Любцова, 2020), хотя ее базовая часть устойчиво сопряжена с членами семьи (Лидерс, 2012). Тем самым вывод исследователей о качестве отношений с родителями и далее о его связи с ценностями должен строиться, в первую очередь, на анализе параметров семейного взаимодействия.

Заключение

Подводя итоги, можно отметить, что благодаря опоре на четкие критерии коллективного субъекта нами была предложена система анализа существенных сторон качества семейных отношений. Эмпирический анализ показал, что не все из этих сторон обладают одинаковым весом при построении предсказательных моделей. Наиболее существенный вклад для российской выборки молодежи вносят параметры, характеризующие качество коммуникации с родителями. Удовлетворенность качеством отношений в родительской семье выступает как предельно обобщенная установка личности, произрастающая из особенностей взаимопонимания, конструктивного опыта конфликтного (то есть угрожающего эмоционально позитивным отношениям) общения и единства членов семьи во взаимодействии с другими коллективными субъектами или расширенной родственной группой.

Наша основная гипотеза нашла свое подтверждение: в ценностном смысле, качественное различие удовлетворенности внутрисемейными отношениями в восприятии молодежи восходит к трансляции их родителями общей установки на уважение личности другого человека (как на уровне супругов, так и в межпоколенных связях), подразумевающей использование специальных способов коммуникации членов семьи, направленных на прояснение потребностей друг друга и урегулирование противоречий. Высокая степень удовлетворенности качеством семейных отношений создает базу для восприятия близких доверительных межличностных отношений как ценности, ориентирует на их оберегание. Необходимо отметить, что это вовсе не означает отсутствия критичности молодежи по отношению к каким-то сторонам их взаимоотношений с родителями и исключительную конформность.

Обнаруженные взаимосвязи с индивидуальными ценностями имеют неоднозначный характер опосредования. Так, адекватная потребность в заботе о себе и получении удовольствий является нормальным состоянием зрелой личности. Если же эти смыслы тяготеют к ведущим ценностям личности, то эта ситуация может отражать депривацию базовых потребностей молодых людей в семье, сниженное качество их отношений с родителями.

В прикладном плане существенно не ограничиваться при вынесении решения о месте семьи в структуре ценностных приоритетов молодежи диагностикой только ценностных ориентаций. Весьма эвристичным оказывается комплексный подход, дополняющий ценности анализом реальной практики разнообразного общения молодого человека в родительской семье (в нашем исследовании этому служила методика СОД).

Ограничением данного исследования является несбалансированность выборки по полу, а также ретроспективный характер опроса респондентов. Было бы интересно продолжить этот план исследования на супружеских парах и диадах или триадах родителей и детей, и сопоставить получаемые в этих случаях прогностические модели с представленной в данной статье.

Перспективами исследования является включение половозрастных и иных социально-демографических, а также культурных параметров в более детальный анализ предсказательной силы полученной эмпирической модели.

Литература

- Екимчик, О. А., Смирнова, С. С. (2021). Связь субъективного благополучия личности и качества близких партнерских отношений. В А. В. Шаболтас (Ред.), *Ананьевские чтения – 2021: 55 лет факультету психологии в СПбГУ: эстафета поколений*. Материалы международной научной конференции (С. 806–807). Скифия-принт.
- Журавлев, А. Л. (2009). Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы. *Психологический журнал*, 30(5), 72–80.
- Захарова, Е. И., Карабанова, О. А., Старостина, Ю. А., & Долгих, А. Г. (2019). Представления о будущем родительстве в подростковом и юношеском возрасте. *Российский психологический журнал*, 16(2), 103–122.
- Ислами, А. И. (2019). Благополучие членов семьи и качество семейных отношений как личностные ресурсы семьи. В *Психология здоровья и болезни: клинико-психологический подход*. Материалы IX Всероссийской конференции с международным участием (с. 103–108).
- Краснова, В. В., Холмогорова, А. Б. (2011). Социальная тревожность и ее связь с эмоциональной дезадаптацией, уровнем стресса и качеством интерперсональных отношений у студентов. *Вопросы психологии*, 3, 49–58.
- Куницына, В. Н. (2010). Методы изучения семейных ценностей и взаимодействия внутри семьи (ЦО-36, ПИН). В *Семья в современном мире* (с. 42–54). СПб.: Изд-во СПб ун-та.
- Куницына, В. Н., Юмкина, Е. А. (2015). *Семейные отношения и дом (метод изучения внутрисемейных отношений)*. СПб.: Издательство ЛЕМА.
- Куницына, В. Н., Юмкина, Е. А. (2022). Социально-психологическое содержание семейного гостеприимства. *Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики*, 23(4), 318–332.
- Лидерс А. Г. (2012). Социальная ситуация развития как условие формирования образа мира в отрочестве. *Национальный психологический журнал*, 2, 75–80.
- Любцова, А. В. (2020). Ценностные ориентиры современной молодежи в контексте формирования просоциального поведения. *Российский психологический журнал*, 17(4), 65–79.
- Никифоров, А. Л. (2001). Качество. В *Новая философская энциклопедия*. Мысль.
- Петровский, В. А. (2008). Петровский Артур Владимирович. *Культурно-историческая психология*, 4(2), 112–118.

- Biswas-Diener, R., & Diener, E. (2024). Hospitality and Wellbeing Across Cultures. In *Happiness Across Cultures: Views of Happiness and Quality of Life in Non-Western Cultures* (с. 385–398). Springer Netherlands.
- Biswas-Diener, R., Kushlev, K., Su, R., Goodman, F., Kashdan, T., & Diener, E. (2019). Assessing and understanding hospitality: The brief hospitality scale. *International Journal of Wellbeing*, 9(2), 14–26.
- Bornstein, M. H., & Putnick, D. L. (2021). Dyadic development in the family: Stability in mother–child relationship quality from infancy to adolescence. *Journal of Family Psychology*, 35(4), 445–456.
- Chiang, S. C., & Bai, S. (2022). Reciprocal influences among marital relationship, parent–adolescent relationship, and youth depressive symptoms. *Journal of Marriage and Family*, 84(4), 962–981.
- Cui, M., Janhonen-Abruquah, H., & Darling, C. A. (2022). Parent-child communication, relationship quality, and female young adult children's well-being in the US and Finland. *Journal of Comparative Family Studies*, 52(4), 648–667.
- Ebbert, A., Infurna, F., & Luthar, S. (2018). Mapping developmental changes in perceived parent–adolescent relationship quality throughout middle school and high school. *Development and Psychopathology*, 31, 1–16.
- Fosco, G. M., Caruthers, A. S., & Dishion, T. J. (2012). A six-year predictive test of adolescent family relationship quality and effortful control pathways to emerging adult social and emotional health. *Journal of Family Psychology*, 26(4), 565–575. <https://doi.org/10.1037/a0028873>
- Groot, J., Keller, A., Joensen, A., Nguyen, T. L., Nybo Andersen, A. M., & Strandberg-Larsen, K. (2022). Impact of housing conditions on changes in youth's mental health following the initial national COVID-19 lockdown: A cohort study. *Scientific Reports*, 12(1), 1939.
- Hardie, J. H., & Lucas, A. (2010). Economic factors and relationship quality among young couples: Comparing cohabitation and marriage. *Journal of Marriage and Family*, 72, 1141–1154.
- Heinze, J. E., Hsieh, H.-F., Aiyer, S. M., Buu, A., & Zimmerman, M. A. (2020). Adolescent family conflict as a predictor of relationship quality in emerging adulthood. *Family Relations*, 69(5), 996–1011.
- Hong, P., Cui, M., Ledermann, T., & Love, H. (2021). Parent-child relationship satisfaction and psychological distress of parents and emerging adult children. *Journal of Child and Family Studies*, 30(4), 921–931. <https://doi.org/10.1007/s10826-021-01916-4>
- Kasarkina, E. N., Solovieva, T. V., Bistiaykina, D. A., Pankova, E. G., & Antipova, A. A. (2018). Family values of youth in the modern socio-demographic situation in Russia. *Calitatea Vietii*, 29(1), 23–42.
- Konshina, T., Sadovnikova, T. (2022). A Russian Version of the Emotional Autonomy Scale: Primary Adaptation Data. *Psychology in Russia: State of the Art*, 15(3), 91–110.
- LaFreniere, J. R., & Ledbetter, A. M. (2021). How parental confirmation is associated with family quality: Applying the theory of resilience and relational load to parent–young adult child relationships. *Western Journal of Communication*, 85(5), 609–631.
- Lucier-Greer, M., Howard, S. A., & Mancini, J. (2021). Parental relationship quality and adolescent depressive symptoms: Investigating the role of parental warmth and hostility in United States military families. *Journal of Marital and Family Therapy*, 47(3), 566–580.
- Martin-Storey, A., Dirks, M., Holfeld, B., Dryburgh, N. S. J., & Craig, W. (2021). Family relationship quality during the COVID-19 pandemic: The value of adolescent perceptions of change. *Journal of Adolescence*, 93, 190–201.
- Narbut, N. P., & Trotsuk, I. V. (2018). The social wellbeing of the postsocialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan, and Czech Republic): Comparative analysis of value orientations (Part 1). *RUDN Journal of Sociology*, 18(1), 131–155.

- Padilla, J., Jager, J., Updegraff, K. A., McHale, S. M., & Umaña-Taylor, A. J. (2020). Mexican-origin family members' unique and shared family perspectives of familism values and their links with parent-youth relationship quality. *Developmental Psychology*, 56(5), 993–1008.
- Padilla, J., McHale, S. M., Rovine, M. J., Updegraff, K. A., & Umaña-Taylor, A. J. (2016). Parent-youth differences in familism values from adolescence into young adulthood: Developmental course and links with parent-youth conflict. *Journal of Youth and Adolescence*, 45, 2417–2430.
- Prioste, A., Tavares, P., Silva, C. S., & Magalhães, E. (2020). The relationship between family climate and identity development processes: The moderating role of developmental stages and outcomes. *Journal of Child and Family Studies*, 29(6), 1525–1536.
- Ryabichenko, T., Lebedeva, N., & Plotka, I. (2018). Value similarity with mothers and peers and family climate as predictors of well-being of Russian youth in Latvia. *Societies and Political Orders in Transition*, 191–205.
- Saif, R. F. (2014). The construct of relationship quality. *Journal of Relationships Research*, 5, e2.
- Sasser, J., Lecarie, E. K., Park, H. J., & Doane, L. D. (2021). Daily family connection and objective sleep in Latinx adolescents: The moderating role of familism values and family communication. *Journal of Youth and Adolescence*, 50(3), 506–520.
- Schrodt, P., Ledbetter, A. M., Jernberg, K. A., Larson, L., Brown, N., & Glonek, K. (2009). Family communication patterns as mediators of communication competence in the parent-child relationship. *Journal of Social and Personal Relationships*, 26(6-7), 853–874.
- Sillars, A., Canary, D. J., & Tafoya, M. (2003). Communication, conflict, and the quality of family relationships. In *The Routledge handbook of family communication* (pp. 437–470). Routledge.
- Szkody, E., & McKinney, C. (2021). Family communication patterns and relationship quality between emerging adults and their parents. *Journal of Social and Personal Relationships*, 38(11), 3177–3197.
- Trahan, M. H., Morley, R. H., & Shafer, K. (2021). Father-adolescent relationship closeness: A path analysis of family factor associates with father-adolescent engagement and relationship quality. *Child and Adolescent Social Work Journal*, 38(3), 265–282.
- Vishnevsky, Y. R., & Yachmeneva, M. V. (2018). The attitude of student youth to family values (case study of the Sverdlovsk region). *Obrazovanie i Nauka*, 20(5), 125–141.
- Zhou, Y., Yu, N. X., Dong, P., & Zhang, Q. (2021). Dyadic associations between grandparent-child relationship quality and well-being in Chinese left-behind families: Mediating role of resilience. *Journal of Happiness Studies*, 22(4), 1889–1904.

Поступила в редакцию: 25.01.2024

Поступила после рецензирования: 17.04.2024

Принята к публикации: 19.04.2025

Заявленный вклад авторов

Екатерина Анатольевна Юмкина – организация сбора данных, математическая обработка и интерпретация результатов.

Валентина Николаевна Куницына – разработка теоретической концепции и методологии исследования.

Татьяна Валерьевна Казанцева – формирование дизайна эмпирического исследования, интерпретация данных, содержательное редактирование текста статьи.

Татьяна Борисовна Позднякова – статистический анализ данных, техническое редактирование текста статьи.

Ирина Викторовна Кузнецова – подготовка литературного обзора, техническое редактирование текста статьи.

Информация об авторах

Екатерина Анатольевна Юмкина – кандидат психологических наук, старший преподаватель, Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет», Санкт-Петербург, Россия; Researcher ID: 1528-0964, Scopus ID: 57200223893, Author ID: 2220-2015, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4539-7235>; e-mail: katerinayum@mail.ru

Валентина Николаевна Куницына – доктор психологических наук, профессор, Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет», Санкт-Петербург, Россия; Author ID: N-2726-2015, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5479-2793>; e-mail: katerinayum@mail.ru

Татьяна Валерьевна Казанцева – кандидат психологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет», Санкт-Петербург, Россия; Researcher ID: 7829-4813, Scopus ID: 57192421057, Author ID: A-7935-2016, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2540-2976>; e-mail: tatakaz@mail.ru

Татьяна Борисовна Позднякова – кандидат психологических наук, старший преподаватель, Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет», Санкт-Петербург, Россия; Researcher ID: 6614-4899, Author ID: B-2276-2019, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2771-1094>; e-mail: tat_pozdnyakova@mail.ru

Ирина Викторовна Кузнецова – кандидат психологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет», Санкт-Петербург, Россия; Researcher ID: 6085-9516, Scopus ID: [57201677778](https://orcid.org/0000-0003-2922-8044), Author ID: M-7484-2015, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2922-8044>; e-mail: irin_kuznecova@mail.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья

УДК 316.642

<https://doi.org/10.21702/8zgkdr31>

Межрегиональные различия в конспиративистской ментальности студентов Южного и Северного регионов России

Влада И. Пищик^{1*}, Маргарита И. Постникова², Есения А. Черкасова¹

¹ Донской государственный технический университет (ФГБОУ ВО ДГТУ),
Ростов-на-Дону, Российская Федерация

² Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова
(ФГАОУ ВО САФУ), Архангельск, Российская Федерация

*Почта ответственного автора: vladaph@yandex.ru

Аннотация

Введение. В современном мире одним из трендов общественного сознания является вера в теории заговоров, которая является социальным риском, способным нанести ущерб общественной стабильности. Конспиративистская ментальность – склад ума адепта заговора, направленный на предмет заговора, которому атрибутируют особые негативные последствия для личной или общественной безопасности. Исследования конспиративистской ментальности малочисленны и ранее не рассматривали межрегиональный аспект. Цель исследования – сравнение особенностей конспиративистской ментальности студентов Южного и Северного регионов России. **Методы.** Выборка – 768 человек, девушек из них 55%; возраст респондентов 19–35 лет ($M = 31$). Применялись следующие методики: «Методика измерения типа ментальности» (МИТМ, В. И. Пищик, 2019), «Методика измерения ценностей через страхи» (В. И. Пищик, 2022), «Шкала тревожности» (Дж. Тейлор), «Методику измерения веры в заговор» (С. Ш. Муталимова, В. И. Пищик, 2014, дополненная В. И. Пищик, 2019), «Методика измерения конспиративистской ментальности» (В. И. Пищик, 2023). Статистические методы: описательные статистики, критерий Манна-Уитни, корреляционный анализ, регрессионный анализ. **Результаты.** Выявлено, что конспиративизм в большей степени представлен у респондентов мужского пола, преимущественно в Северном регионе. Тип

ментальности «устойчивый к вере в заговоры» получил наибольшее количество отрицательных связей по всем видам веры заговоры. Обнаружены различия по вере в клонов, в информационный заговор, связанный с вакцинацией, с преобладанием в Южном регионе. Различия по вере в фармацевтический заговор, уровню тревоги, ценностям; выраженности типа «готовый» конспиративистской ментальности обнаружены в Северном регионе. Конструкт конспиративистской ментальности определяется двухфакторной структурой. **Обсуждение результатов.** Пол, возраст и тревожность являются устойчивыми факторами, обуславливающими конспиративистскую ментальность студентов. При этом нашел свое подтверждение также и региональный фактор. Результаты могут выступать отправным пунктом для построения программ по воспитательной работе со студентами.

Ключевые слова

вера в заговор, конспиративистская ментальность, тревожность, страхи, ценности, регион, поколения

Финансирование

Исследование было выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 22-28-00520 «Трансформация конспиративистской ментальности молодежи поколения Y и Z».

Для цитирования

Пищик, В. И., Постникова, М. И., Черкасова Е. А. (2025). Особенности конспиративистской ментальности студентов Южного и Северного регионов. *Российский психологический журнал*, 22(2), 134–150. <https://doi.org/10.21702/8zgkdr31>

Введение

Международные исследования веры в теории заговора и культура конспирации за последнее десятилетие пережили взрывной рост (Egorova et al, 2020; Butter & Knight, 2020; Нестик, Журавлев, 2020; Казун, Поршневу, 2021; Казун, 2022; Douglas & Sutton, 2023). На протяжении всей истории вера в заговоры была тесно связана с предрассудками, охотой на ведьм, революциями, геноцидом, пандемией. Сегодня конспиративизм выступает международным трендом, носителем большого числа рисков (Нестик, Журавлев, 2020). Коллективная монография представляет широкий спектр проблем, связанных с верой в теории заговоров (история, семиотика заговоров; космология; психоанализ и теории заговоров; антропология, социология и социальная психология веры в теории заговоров; личностные особенности, мотивация, социальные когниции конспиративизма)

(Butter & Knight, 2020). Обнаруживаются факторы (возраст, уровень образования, влияние телевизионных передач, женский пол) склонности к конспирологическому мышлению в России, Казахстане и Украине (Казун, Поршневу, 2021). А.Д. Казун (2022) поставила вопросы проблематичности изучения конспиративизма. Некоторая онтология теорий заговоров и веры в них представлена в работе (Douglas & Sutton, 2023), отмечается, что теории заговора конструируют не только версию событий, но и версию социальных групп, в том числе между преступниками и их жертвами, просвещенными и невежественными.

Установлено, что многие исполнители террористических актов были ярыми сторонниками теорий заговора (Kruglanski et al., 2022). Теории заговора заставляют людей отказаться от традиционной медицины до такой степени, что некогда излеченные болезни теперь возвращаются в некоторых частях мира. Кроме того, теории заговора побуждают людей отвергать научные консенсусы, в первую очередь консенсус в отношении антропогенного изменения климата (Douglas et al., 2019; Нестик и др., 2021). Становится все более очевидным, что вера в теории заговора сегодня становится частью нормальной человеческой психологии и основывается на человеческих способностях (Brotherton, 2015; Нестик, Дейнека, 2020; Жолдасов, Пищик, 2022, Пищик, 2023). При этом вера в заговоры может быть частью экстремистского воздействия на молодежь, которая является наиболее уязвимой частью населения (Любцова, 2020; Oettingen et al., 2022).

В акте веры мы имеем дело с двусмысленностью несомненного, когда речь идет о безосновательной уверенности, подчеркивал Ж. Лакан (1972). Вера основана на нехватке веры. То есть, веры уже нет, и мы ее пытаемся продуцировать. Фактически это подтверждает, что веру в заговоры мы каждый раз конструируем вновь. Вера в теорию заговора – это конструкт, объединяющий убеждения человека в наличии угрожающего действия, исходящего от лица или группы лиц, имеющих цель – дестабилизировать ситуацию в обществе. Заговоры обычно направлены на узурпацию политической или экономической власти, нарушение прав, нарушение установленных соглашений, утаивание жизненно важных секретов или изменение основополагающих институтов. Исследователи выделили особую конспиративистскую ментальность (КМ), выражающуюся в том, что люди отличаются своей общей склонностью поддерживать теории заговора (Swami et al., 2016; Lazarević et al., 2021; Imhoff et al., 2022). КМ – обширное понятие, предполагающее наличие у определенного сообщества совокупности верований в теории заговоров, поддерживающих их ценностно-смысловое единство.

Сегодня, основываясь на исследованиях, упомянутых выше, можно представить предикторы, которые обуславливают КМ, конспиративистские убеждения, веру в заговоры. К ним относят: тревожность, формальные показатели (пол, возраст, образование, культурная принадлежность), особенности работы памяти, ситуация, время, социальные отношения, индивидуальные и личностные особенности, общая предрасположенность к идеям заговора, стиль мышления, особенности

формирования заблуждений, убеждений, степень религиозности, политические предпочтения, уровень тревожности и др. более частные по своему содержанию. К сожалению, немалое количество предикторов не находят своего подтверждения в повторных исследованиях. Исследования эти проведены преимущественно на выборках других стран.

Многие выводы, которые делают ученые, остаются двусмысленными и ограниченными, при этом недостаточно исследований на российских выборках. В силу данных обстоятельств целью нашего исследования стало сравнение особенностей КМ студентов Южного и Северного регионов России. Тем более, что уже установлено, что в различных регионах ценностные ориентации молодежи различны (Атаманова и др., 2021). Предметом исследования, таким образом, является связь особенностей КМ, веры в заговоры и пола, возраста, ценностей, страхов, тревожности студентов двух регионов.

Методы

Для выявления типов ментальности, среди которых выделяются традиционный, переходный, инновационный, постинновационный, применялась «Методика измерения типа ментальности» (МИТМ, В. И. Пищик, 2019). Эта методика позволила установить, какие архетипы, образ мира, образ жизни, стиль мышления, отношения и взаимодействия определяют жизнь поколений Y и Z. «Методика измерения ценностей через страхи» (В. И. Пищик, 2022) выявляет ведущие ценности поколений: ценность «Я», «Другие», «Природа», «Технологии», «Мистическое», «Культура». Поскольку остается под вопросом степень влияния уровня тревожности на веру в заговоры, мы применили методику «Шкала тревожности» Дж. Тейлора (адаптация В. Г. Норакидзе, 1975). Она позволила определить уровень тревожности в группах поколений и ее тесноту взаимосвязи с верой в заговоры. Отвечая на вопрос, какие виды веры в заговоры распространены среди групп поколений, мы применили «Методику измерения веры в заговор» (С.Ш. Муталимова, В. И. Пищик, 2014, дополненная В. И. Пищик, 2019); методика включает шкалы видов заговоров – вера в общественный заговор, политический, государственный, вера в тайную деятельность, вера в тайные организации, фармацевтический заговор, вера во вредность вакцинирования, продуктовый заговор, вера в клонов, вера в пришельцев, вера в глобальность, вера в конец света, вера в информационный заговор. Также мы применили новую «Методику измерения конспиративистской ментальности» (В. И. Пищик, 2023), позволяющую определить выраженность видов КМ: готовый к вере в заговоры; устойчивый к вере в заговоры; ищущий причины заговоров; результативный вид, озадаченный последствиями веры в заговоры на жизнь.

Статистическая обработка данных производилась пакетом статистических программ R 4.2.0. свободного доступа. Первоначально были проанализированы описательные статистики и определена нормальность распределения признаков

с помощью критерия Колмогорова-Смирнова. Для доказательства значимости различий проводился расчет критерия Манна-Уитни. Применялись для определения тесноты связи между показателями корреляционный анализ, дисперсионный однофакторный анализ позволял определить взаимосвязь показателей возраст, пол, регион и измеряемых переменных. Использовался регрессионный анализ.

Выборку составили 768 чел., разделенные по регионам:

- г. Ростов-на-Дону, Ростовская обл., г. Краснодар, Краснодарская обл. (Южный Федеральный Округ),
- г. Архангельск, Архангельская обл. (Северо-Западный Федеральный Округ).

Мужчины составили 45% от общей выборки и женщины 55% соответственно. Группу респондентов составили студенты в возрасте 19–24 лет поколения Z; 25–35 лет – поколение Y.

Мы выдвинули ряд предположений:

- H1 – студенты женского пола будут более склонны к готовому типу КМ;
- H2 – возраст (поколение) студентов взаимосвязан с выраженностью КМ;
- H3 – у студентов Южного ФО будет более выражена готовность верить в заговоры;
- H4 – можно обнаружить тесную взаимосвязь между тревожностью, КМ, верой в заговоры, ценностями, возрастом респондентов;
- H5 – можно обнаружить предикторы КМ студентов двух регионов.

Результаты

На начальном этапе статистического анализа была проведена проверка нормальности распределения признаков. Посредством расчета критерия Колмогорова-Смирнова с поправкой Лиллиефорса установлено, что по всем диагностированным показателям распределение признака значительно отличается от нормального, что обусловило выбор непараметрических критериев для статистической обработки собранных данных (критерий Манна-Уитни и корреляционный анализ по Спирмену).

Результаты свидетельствуют о том, что в целом по выборке преобладают вера в политический заговор ($M = 8,0753 \pm 2,53144$), вера в общественный заговор ($M = 7,8433 \pm 2,43627$), вера в фармацевтический заговор ($M = 7,0154 \pm 2,88227$) и вера в продуктовый заговор ($M = 7,0061 \pm 2,70156$). На среднем уровне у участников исследования находятся вера в государственный заговор ($M = 6,3548 \pm 2,58249$), вера в тайную деятельность ($M = 6,1551 \pm 2,46743$), вера в тайные организации ($M = 6,2304 \pm 2,84022$), вера в глобальность ($M = 5,4731 \pm 2,84802$), вера в информационный заговор ($M = 5,6175 \pm 2,49854$), вера в заговор, связанный с вакцинацией ($M = 5,3533 \pm 3,18427$). На низком уровне значимости располагаются вера в клонов ($M = 2,9647 \pm 2,64755$), вера в пришельцев ($M = 2,7896 \pm 2,43442$),

вера в конец света ($M = 3,7481 \pm 2,83187$). Относительно типа КМ в профиле выборки доминирует тип КМ «устойчивый» ($M = 3,2504 \pm 0,89631$), далее по нисходящей представлены тип КМ «ищущий» ($M = 3,1321 \pm 0,99587$), «готовый» ($M = 3,0753 \pm 0,95861$) и «результативный», представленный самыми низкими значениями ($M = 2,5422 \pm 1,04041$). В ценностном профиле доминирует «ценность я» ($M = 15,3917 \pm 2,83036$), далее в порядке снижения значения диагностированы «ценность природы» ($M = 11,3518 \pm 1,99324$), «ценность мистического» ($M = 11,1613 \pm 1,87947$), «ценность культуры» ($M = 11,1260 \pm 2,00985$) и завершают профиль «ценность других» ($M = 10,86 \pm 1,67177$), «ценность технологий» ($M = 10,4962 \pm 1,70553$). В профиле типа ментальности в выборке доминирует инновационная ментальность ($M = 11,7834 \pm 3,01087$), слабо выражены традиционная ментальность ($M = 6,6283 \pm 3,18169$), переходная ментальность ($M = 5,9263 \pm 2,55176$) и постинновационная ментальность ($M = 5,6621 \pm 2,20058$).

В группах мужчин и женщин (возраст $M=22$) по-разному проявляется вера в политический заговор ($p \leq 0,05$), вера в пришельцев ($p \leq 0,01$), уровень тревоги ($p \leq 0,01$), КМ по типу «устойчивый» ($p \leq 0,05$), по типу «готовый» ($p \leq 0,01$), по типу «результативный» ($p \leq 0,05$), ценность я ($p \leq 0,01$), ценность технология ($p \leq 0,01$), ценность мистического ($p \leq 0,01$), ценность культуры ($p \leq 0,01$), инновационная ментальность ($p \leq 0,01$), постинновационная ментальность ($p \leq 0,01$) (Таблица 1).

Таблица 1

Статистический анализ значимости различий в разнородных группах

Показатель	Группы	Среднее значение по группам ($\bar{x} \pm \sigma$)	U-критерий Манна-Уитни, значимость
Вера в политический заговор	Мужчины	7,5038 $\pm$ 2,99583	U=30057,500; p=0,035
	Женщины	8,2192 $\pm$ 2,38210	
Вера в пришельцев	Мужчины	3,4351 $\pm$ 2,78485	U=28713,000; p=0,003
	Женщины	2,6269 $\pm$ 2,31258	
Уровень тревоги	Мужчины	14,3511 $\pm$ 6,42658	U=24644,500; p=0,000
	Женщины	18,9558 $\pm$ 9,73483	
Тип КМ «устойчивый»	Мужчины	3,0916 $\pm$ 0,97231	U=29702,000; p=0,017
	Женщины	3,2904 $\pm$ 0,87257	
Тип КМ «готовый»	Мужчины	3,2977 $\pm$ 0,99765	U=28694,500; p=0,003
	Женщины	3,0192 $\pm$ 0,94125	
Тип КМ «результативный»	Мужчины	2,3511 $\pm$ 0,96016	U=30201,500; p=0,037
	Женщины	2,5904 $\pm$ 1,05508	
Ценность я	Мужчины	14,3969 $\pm$ 3,49214	U=27597,500; p=0,000
	Женщины	15,6423 $\pm$ 2,58179	

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Показатель	Группы	Среднее значение по группам ($\bar{x} \pm \sigma$)	U-критерий Манна-Уитни, значимость
Ценность технология	Мужчины	10,0305±2,01891	U=27277,000; p=0,000
	Женщины	10,6135±1,59799	
Ценность мистического	Мужчины	10,6641±2,16123	U=28547,500; p=0,004
	Женщины	11,25865±1,7821	
Ценность культуры	Мужчины	10,4809±2,12802	U=26866,000; p=0,000
	Женщины	11,2885±1,94764	
Инновационная ментальность	Мужчины	10,9466±3,29408	U=27282,000; p=0,000
	Женщины	11,9942±2,90073	
Постинновационная ментальность	Мужчины	6,2214±2,34780	U=28082,500; p=0,002
	Женщины	5,5212±2,14133	

Примечание. Принятое сокращение: КМ - конспиративистская ментальность

В таблице 1 представлены следующие различия. Женщины более склонны верить в политический заговор, чем мужчины, вера в пришельцев статистически выше в мужской выборке. По остальным показателям приверженности разным теориям заговора в группах мужчин и женщин различий не установлено. Уровень тревоги статистически значимо выше в женской группе. Готовый тип КМ больше представлен у мужчин, чем у женщин. У женщин в большей степени представлены устойчивый и результативный типы КМ. У женщин статистически значимо выше показатели ценностей. У женщин выше уровень инновационной ментальности, а у мужчин выше уровень постинновационной ментальности. Следовательно, гипотеза H1 отклоняется.

Далее необходимо было определить выраженность КМ у поколений Y и Z. В таблице 2 представлены значимые корреляции, связанные с возрастом респондентов.

Таблица 2

Корреляционные взаимосвязи показателей в группах поколений

Показатели	Корреляционная связь с переменной «возраст респондентов»	Значимость связей
Вера в политический заговор	0,172**	0,000
Вера в фармацевтический заговор	0,231**	0,000

Показатели	Корреляционная связь с переменной «возраст респондентов»	Значимость связей
Вера в клонов	-0,163**	0,000
Вера в пришельцев	-0,147**	0,000
Вера в глобальность	-0,207**	0,000
Вера в конец света	-0,187**	0,000
Уровень тревоги	-0,100*	0,010
Устойчивый	0,080*	0,043
Ценность я	0,250**	0,000
Ценность других	0,077*	0,049
Ценность природы	0,103**	0,009
Ценность технология	0,143**	0,000
Ценность мистического	0,115**	0,003
Ценность культуры	0,198**	0,000
Инновационная ментальность	0,080*	0,040
Постинновационная ментальность	-0,104**	0,008

Примечание. ** $p \leq 0,01$; * $p \leq 0,05$

Получается, что чем старше поколение (Y), тем оно больше верит в политический ($p \leq 0,01$) и фармацевтический ($p \leq 0,01$) заговоры, чем моложе поколение (Z), тем оно больше верит в клонов ($p \leq 0,01$), пришельцев ($p \leq 0,01$), в глобальность ($p \leq 0,01$) и в конец света ($p \leq 0,01$). Уровень тревоги с возрастом снижается ($p \leq 0,05$). Устойчивый тип КМ характерен для более старшего возраста ($p \leq 0,05$). Уровень ценностей с возрастом повышается ($p \leq 0,01$). Возраст положительно связан с инновационной ментальностью ($p \leq 0,05$) и отрицательно связан с постинновационной ментальностью ($p \leq 0,01$). Следовательно, в некоторой степени можно утверждать, что поколение Y более устойчиво к КМ. Гипотеза H2 отклоняется.

Кросс-секционное исследование среди различных поколений, проживающих в разных регионах России, было проведено для верификации предложенной теоретической модели. Расчет критерия Манна-Уитни проводился на группах, разделенных по региону: Ростов-на-Дону (Южный регион); Архангельск (Северо-западный регион). Результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3

Значимость различий по показателям между регионами

Показатели	Критерий различий Манна-Уитни (U)	Достоверность (p)
	Преобладание в Южном регионе	
Вера в клонов	44356,5	0,006
Вера в информационный заговор	43198,5	0,015
Вера в заговор связанный с вакцинацией	44262,5	0,05
Вера в фармацевтический заговор	Преобладание в Северном регионе	
	40970,0	0,001
Уровень тревоги	39518,0	0,001
Ценность Я	41334,5	0,001
Угроза от других	46966,5	0,002
Нехватка информации	46599,5	0,00
Вера в темные силы	48159,5	0,002
Страх утраты традиции	46250,5	0,00
Готовый тип	41551,5	0,001

Обнаружились различия по вере в клонов, вере в информационный заговор, в заговор связанный с вакцинацией, преобладали у поколения Южного региона. Установлены различия по вере в фармацевтический заговор), уровню тревоги, выраженности ценности Я, ценности Других (Угроза от других), ценности Технология (нехватка информации), ценности Мистического (вера в темные силы), ценности Культуры (страх утраты традиции), выраженности типа КМ Готовый, преобладали поколения Северо-Западного региона. Гипотеза Н3 отклоняется.

Результаты корреляционного анализа между типами КМ и диагностируемыми показателями представлены в таблице 4.

Таблица 4

Корреляционные взаимосвязи типов КМ, тревожности и ценностей через страхи

Показатели	Устойчивый	Ищущий	Готовый	Результативный
Вера в государственный заговор	-	-	-	0,109**
Вера в тайные организации	-0,108**	-0,085*	0,085*	-
Вера в фармацевтический заговор	-0,098**	-	-	-
Вера в клонов	-0,084*	-	-	-
Вера в пришельцев	-0,133**	-	0,121**	-
Вера в глобальность	-0,172**	-0,115**	0,171**	0,100*
Вера в конец света	-0,158**	-0,086*	0,145**	0,097*
Вера в информационный заговор	-0,111**	-	-	-
Уровень тревоги	-0,213**	-0,438**	0,151**	0,457**
Ценность других	-	-	0,088*	-
Ценность природы	-	-	-	-0,120**
Традиционная ментальность	-	0,138**	-0,078*	-0,095*
Инновационная ментальность	0,126**	-	-0,079*	-0,116**
Переходная ментальность	-0,125**	-0,121**	0,109**	0,128**
Постинновационная ментальность	-0,108**	-0,144**	0,108**	0,131**

Примечание. ** $p \leq 0,01$; * $p \leq 0,05$

Применение методики открыло степень выраженности следующих видов веры в заговоры у «готового» типа КМ: вера в тайные организации ($p \leq 0,05$), пришельцев ($p \leq 0,01$), вера в глобальность ($p \leq 0,01$), вера в конец света ($p \leq 0,01$). Ценность других, которая взаимосвязана с «готовым» типом КМ, показывает отстраненность человека от всего нового, затрудняет выбор в своей жизни и ориентацию на других. «Готовый» тип КМ отрицательно связан с традиционной ($p \leq 0,05$) и инновационной ($p \leq 0,05$) ментальностью, и положительно связан с переходной ($p \leq 0,01$) и постинновационной ($p \leq 0,01$) ментальностью. «Результативный» тип КМ положительно связан с верой в государственный заговор ($p \leq 0,01$), в глобальность ($p \leq 0,05$) и конец света ($p \leq 0,05$), отрицательно связан с ценностью природы ($p \leq 0,01$). «Результативный» тип КМ отрицательно связан с традиционной ($p \leq 0,05$) и инновационной ($p \leq 0,01$) ментальностью, и положительно связан с переходной ($p \leq 0,01$) и постинновационной ($p \leq 0,01$) ментальностью. Установлено, что чем выше уровень тревоги, тем выше показатели «готового» ($p \leq 0,01$) и «результативного» ($p \leq 0,01$) типов КМ. «Результативный» тип КМ связан с тревогой в большей степени. «Устойчивый» тип КМ получил наибольшее количество отрицательных связей с видами веры в заговоры: вера в тайные организации ($p \leq 0,01$), фармацевтический заговор ($p \leq 0,01$), в клонов ($p \leq 0,05$), пришельцев ($p \leq 0,01$), глобальность ($p \leq 0,01$), конец света ($p \leq 0,01$), информационный заговор ($p \leq 0,01$). «Устойчивый» тип КМ положительно связан с инновационной ментальностью ($p \leq 0,01$) и отрицательно с переходной ($p \leq 0,01$) и постинновационной ($p \leq 0,01$). Тип КМ «ищущий» связан отрицательно с верой в тайные организации ($p \leq 0,05$), в глобальность ($p \leq 0,01$) и конец света ($p \leq 0,05$). Тип КМ «ищущий» положительно связан с традиционной ментальностью и отрицательно с переходной и постинновационной ментальностью. «Устойчивый» ($p \leq 0,01$) и «ищущий» ($p \leq 0,01$) типы КМ отрицательно связаны с уровнем тревоги.

Проведя регрессионный анализ в выборке студентов, мы получили следующие результаты, представленные в таблицах 5–6.

В таблице 5 отражены предикторы для моделей типов КМ студентов ЮФО.

В модели типов КМ для студентов ЮФО характерно наличие следующих зависимостей: тип КМ «устойчивый» зависит от таких факторов, как вера в глобальность и уровень тревоги; тип КМ «ищущий» зависит от таких факторов, как вера в общественный заговор, вера в государственный заговор, уровень тревоги, ценность природы; тип КМ «готовый» зависит от таких факторов, как вера в тайные организации, вера в конец света, вера в заговор, связанный с вакцинацией; тип КМ «результативный» зависит от таких факторов, как вера в общественный заговор, вера в государственный заговор, уровень тревоги, ценность природы.

В таблице 6 отражены предикторы для моделей типов КМ студентов СЗФО.

Таблица 5

Данные для моделей типов КМ (студенты ЮФО)

Тип КМ	R	R ²	Знач. изме- нение F	Предикторы	Значимость коэффициентов
Устой- чивый	0,392	0,154	0,000	Вера в тайные организации	0,016
				Вера в конец света	0,000
				Вера в общественный заговор	0,010
Ищущий	0,616	0,379	0,000	Вера в государственный заговор	0,013
				Уровень тревоги	0,000
				Ценность природы	0,032
Готовый	0,371	0,138	0,000	Вера в тайные организации	0,004
				Вера в конец света	0,001
				Вера в заговор, связанный с вакцинацией	0,022
Результативный	0,560	0,313	0,000	Вера в общественный заговор	0,037
				Вера в государственный заговор	0,008
				Вера в пришельце	0,019
				Уровень тревоги	0,000

Таблица 6

Данные для моделей типов КМ (студенты СЗФО)

Тип КМ	R	R ²	Знач. изменение F	Предикторы	Значимость коэффициентов
Устой- чивый	0,290	0,084	0,000	Уровень тревоги	0,000
Ищущий	0,500	0,250	0,000	Уровень тревоги	0,000
				Ценность мистического	0,012
Готовый	0,321	0,103	0,002	Вера в клонов	0,033
				Вера в глобальность	0,045
				Уровень тревоги	0,028
Результативный	0,539	0,290	0,000	Уровень тревоги	0,000
				Ценность мистического	0,024

В модели типов КМ для студентов СЗФО характерно наличие следующих зависимостей: тип КМ «устойчивый» зависит от таких факторов, как вера в глобальность и уровень тревоги; тип КМ «ищущий» зависит от таких факторов, как вера в общественный заговор, вера в государственный заговор, уровень тревоги, ценность природы; тип КМ «готовый» зависит от таких факторов, как вера в тайные организации, вера в конец света, вера в заговор, связанный с вакцинацией; тип КМ «результативный» зависит от таких факторов, как вера в общественный заговор, вера в государственный заговор, уровень тревоги, ценность природы.

Обсуждение результатов

Сравнивая группы мужчин и женщин в нашем исследовании, получилось, что у мужчин в большей степени выражен тип КМ – «готовый». Этот результат несколько расходится с данными Swami, Chamorro-Premuzic & Furnham (2010), которые демонстрируют в большей степени веру в заговоры у женщин. В исследовании (Эйдельман, 2016) показано, что в оценке себя и другого в группе мужчины чаще, чем женщины, придерживаются «безнадежной» позиции. Это тоже может являться объяснением полученного нами результата. Возможно, что ситуация, связанная с СВО и мировыми угрозами, может в некоторой степени объяснить некоторую тревожность мужчин, их повышенную ответственность и неуверенность.

Многие исследования указывают на тревогу (например, ощущение отсутствия контроля, субъективную неуверенность) и стресс как на предпосылки веры в теории заговора (Brotherton, 2015; Swami et al., 2016; Douglas & Sutton, 2023), но эта гипотеза у авторов подтвердилась частично. В нашем исследовании это подтвердилось, тревога вошла в модель КМ по результатам проведения регрессионного анализа. В исследовании Krüppel, Yoon & Mokros (2023) отмечается, что убеждения в заговоре были связаны с более высоким уровнем диспозиционной, но не ситуативной тревожности.

В работе Swami (2010) показано, что чем младше возраст респондентов, тем выше стремление к разоблачению конспиративизма. Наш результат показал, что представители поколения Z верят в отдельные виды веры в заговоры.

Fatfouta et al. (2021) установили, что вера в заговоры определенных внешних групп соответствует коллективной нарциссической позиции межгрупповой враждебности, но коллективный нарциссизм также связан с другими теориями заговора, поскольку он одновременно включает в себя убежденность (что внутренняя группа велика) и угрожающее убеждение (что внутренняя группа не признана). В исследовании (Molenda, Marchlewska & Rogoza, 2023) демонстрируется связь «национального нарциссизма» (т.е. защитной национальной идентичности, которая проистекает из неудовлетворенных потребностей и связана с враждебным внутри- и межгрупповым поведением) и готовности вступать в заговор против собственной группы. Это подтверждается в нашем исследовании тем результатом, что тип ментальности (ментальность взаимосвязана с национальным нарциссизмом) связан с верой в заговоры.

В исследовании Р.М. Шамионова (2019) отмечается, что ценности сохранения и самотрансцендентности определяют формирование дискриминационных установок у молодежи. В нашем исследовании ценность «Я» связана с верой в политический заговор, преимущественно у женщин.

Устойчивый тип КМ имел отрицательную зависимость с верой в информационный заговор, что, на наш взгляд, подтверждает, что они более нечувствительны к искажениям информации. Этот результат можно соотнести с исследованием (Барабанщиков и др., 2018), в котором установлено, что участники исследования оценивают сообщаемую активно идущим на общение собеседником информацию как достоверную.

Региональность практически не рассматривалась как фактор в рассматриваемой проблеме ранее, однако обратившись к исследованию, где был описан «психологический глаз тайфуна» («psychological typhoon eye») (Yang et al., 2023), можно подметить интересную закономерность: когда люди находятся в эпицентре кризисного события (например, землетрясения), то они более адекватны и сообщают о более низком восприятии риска, чем люди, находящиеся на периферии, охваченные большей тревогой, что нашло свое подтверждение в нашем исследовании по распространенности веры в заговоры в северном регионе.

«Готовый» тип КМ имеет различные предикторы в регионах. Однако в него вошли и тревожность, и различные виды веры в заговоры. Т. А. Нестик с соавторами (2020) обнаружили связь конспирологических убеждений с верой в справедливый мир, низкой самооценкой, ориентацией на моральные основания лояльности к своей группе и уважения к авторитетам, низким институциональным доверием и социальным цинизмом. Г. Н. Эйдельман (2016) эмпирически доказала, что доминирующая жизненная позиция в большей степени связана с субъективными оценками мира и себя, чем с социально-экономическими параметрами.

Относительно выдвинутых ранее предположений можно заключить, что гипотеза 1 о преобладании веры в теории заговоров у женщин была отклонена. Гипотеза 2 о связи возраста и выраженности конспиративистской ментальности принята. Гипотеза 3 о том, что конспиративистская ментальность преобладает у представителей Южного региона, отклонена. Гипотеза 4 о взаимосвязях между показателями тревожности, КМ, верой в заговоры, ценностями, возрастом респондентов принимается. В работе обнаружены предикторы КМ студентов двух регионов, поэтому гипотеза 5 принимается.

Заключение

Обобщение исследований веры в заговоры и КМ подтвердило, что выделены определенные факторы, обуславливающие актуализацию КМ у молодежи преимущественно зарубежных стран. При этом не все факторы нашли свое эмпирическое подтверждение при повторных исследованиях. Региональный фактор не отмечается в работах, что обусловило проведение сравнительного анализа двух регионов России. Эмпирическое исследование КМ выявило такие особенности, как: наличие гендерных различий в принятии конспиративистских установок с преобладанием у мужчин; тесную связь между возрастом и проявлением веры

в заговоры; с преобладанием веры в теории заговоров, как у старшего, так и у младшего поколений; яркую региональную специфику в преобладании негативных проявлений веры в заговоры у молодых людей Северного региона.

КМ является важной частью мировоззрения современного молодого поколения, которое зависит от субъективного восприятия мира в целом. Представленные данные можно учитывать в работе с молодежью, в выстраивании молодежной политики в вузах: активно просвещая студентов, предлагая им надежные инструменты информационного поиска, развивая у них навыки критического мышления, психологи и преподаватели вузов будут способствовать формированию у студентов более зрелого, трезвого взгляда на жизненные события и их освещение в СМИ.

Литература

- Атаманова, И. В., Перикова, Е. И., Щекотуров, А. В., Богомаз, С. А. (2021). Личностно-средовое взаимодействие: исследование ценностных ориентаций и психологической системы деятельности российской молодежи. *Российский психологический журнал*, 18(3), 32–53. <https://doi.org/10.21702/rpj.2021.3.3>
- Барабанщиков, В. А., Жегалло, А. В., Хозе, Е. Г., Соломонова, А. В. (2018). Невербальные предикторы оценок достоверности/недостоверности сообщаемой информации. *Экспериментальная психология*, 11(4), 94–106. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2018110408>
- Жолдасов, Д. С., Пищик, В. И. (2022). Особенности веры в заговоры студентов поколения Y. *Актуальные проблемы науки и техники. Материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции* (с. 508–509). Донской государственный технический университет.
- Казун, А. Д. (2022). Конспирологическое мышление: понятие, измерение и факторы. *Экономическая социология*, 23(2), 91–117. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-2-91-117>
- Казун, А. Д., Поршнева, А. В. (2021). Кто верит в теории заговора? Факторы склонности к конспирологическому мышлению в России, Казахстане и Украине. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 6, 549–565. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1889>
- Лакан, Ж. (2011). *Семинары. Книга 20*. (1972–1973). Гнозис/Логос.
- Любцова, А. В. (2020). Ценностные ориентиры современной молодежи в контексте формирования просоциального поведения. *Российский психологический журнал*, 17(4), 65–79. <https://doi.org/10.21702/rpj.2020.4.5>
- Нестик, Т. А., Дейнека, О. С., Максименко, А. А. (2020). Социально-психологические предпосылки веры в конспирологические теории происхождения COVID-19 и вовлеченность в сетевые коммуникации. *Социальная психология и общество*, 11(4), 87–104. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110407>
- Нестик, Т. А., Селезнева, А. В., Шестопал, Е. Б., Юревич, А. В. (2021). Проблема психологического состояния общества и политических процессов в современной России. *Вопросы психологии*, 67(5), 3–14. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48140846> (дата обращения 18.01.2023)
- Пищик, В. И. (2019). *Ментальность поколений в текущей современности (научная монография)*. ИНФРА-М. https://doi.org/10.12737/monography_5ba0ee24675441.11909669
- Пищик, В. И. (2022). Разработка и психометрическая проверка методики измерения ценностей через актуализированные страхи. *Психология человека в образовании*, 4(4), 521–547. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2022-4-4-521-547>

- Пищик, В. И. (2023). Первичная психометрическая проверка методики измерения конспиративистской ментальности. *Российский психологический журнал*, 20(1), 218–234. <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.1.14>
- Пищик В. И. (2023). Особенности взаимосвязи тревожности и типов конспиративистской ментальности студентов Южного и Северного регионов. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 6(2), 28–37. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2023-6-2-28-37>
- Нестик, Т. А., Журавлёв, А. Л. (Ред.). (2020). *Человек в условиях глобальных рисков: социально-психологический анализ*. Издательство «Институт психологии РАН». <https://doi.org/10.38098/soc.2020.88.75.001>
- Шамионов, Р. М. (2019). Индивидуальные ценности и идеологические установки как предикторы предубежденности по отношению к Другим. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*, 16(3), 309–326. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-3-309-326>
- Эйдельман, Г. Н. (2016). Особенности жизненной позиции при различных уровнях психологического благополучия у современной молодежи. *Экспериментальная психология*, 9(2), 82–94. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2016090207>
- Brotherton, R. (2015). *Suspicious minds. Why we believe conspiracy theories*. Macmillan.
- Butter, M., & Knight, P. (Eds.). (2020). *Routledge handbook of conspiracy theories*. Routledge.
- Douglas, K. M., & Sutton, R. M. (2023). What are conspiracy theories? A definitional approach to their correlates, consequences, and communication. *Annual Review of Psychology*, 74(1), 271–298. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-032420-031329>
- Douglas, K. M., Uscinski, J. E., Sutton, R. M., Cichocka, A., Nefes, T., Ang, C. S., & Deravi, F. (2019). Understanding conspiracy theories. *Political Psychology*, 40, 3–35. <https://doi.org/10.1111/pops.12568>
- Egorova, M.S., Parshikova, O.V., Chertkova, Yu.D., Staroverov, V.M., Mitina, O.V. (2020). COVID-19: Belief in Conspiracy Theories and the Need for Quarantine. *Psychology in Russia: State of the Art*, 13(4), 3–25. <https://doi.org/10.11621/pir.2020.0401>
- Fatfouta, R., ĩmojtel-Piotrowska, M., Piotrowski, J., & Koęcielniak, M. (2021). Collective narcissism and explicit and implicit collective self-esteem revisited: A preregistered replication and extension. *Journal of Research in Personality*, 95, 104144. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2021.104144>
- Imhoff, R., Zimmer, F., Klein, O., et al. (2022). Conspiracy mentality and political orientation across 26 countries. *Nature Human Behaviour*, 6, 392–403. <https://doi.org/10.1038/s41562-021-01258-7>
- Kruglanski, A. W., Molinaro, E., Ellenberg, G., Di Ciccio, M. (2022). Terrorism and conspiracy theories: A view from the 3N model of radicalization. *Current Opinion in Psychology*, 47, 101396. <https://doi.org/10.1016/j.copsy.2022.101396>
- Krüppel, J., Yoon, D., Mokros, A. (2023). Clarifying the link between anxiety and conspiracy beliefs: A cross-sectional study on the role of coping with stressors. *Personality and Individual Differences*, 202, 111966. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2022.111966>
- Lazarevię, L. B., Purię, D., Teovanovię, P., Lukię, P., Zupan, Z., Kneęevię, G. (2021). What drives us to be (ir) responsible for our health during the COVID-19 pandemic? The role of personality, thinking styles, and conspiracy mentality. *Personality and Individual Differences*, 176, 110771. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.110771>
- Molenda, Z., Marchlewska, M., Rogoza, M. (2023). Nothing hurts like (in-group) love? National narcissism, conspiracy intentions, and non-prosocial managing emotions of others. *Personality and Individual Differences*, 201, 111947. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2022.111947>
- Oettingen, G., Gollwitzer, A., Jung, J., Oken, I. O. (2022). Misplaced certainty in the context of conspiracy theories. *Current Opinion in Psychology*, 46, 101393. <https://doi.org/10.1016/j.copsy.2022.101393>

- Swami, V., Chamorro-Premuzic, T., & Furnham, A. (2010). Unanswered questions: A preliminary investigation of personality and individual difference predictors of 9/11 conspiracist beliefs. *Applied Cognitive Psychology*, 24, 749–761. <https://doi.org/10.1002/acp.1583>
- Swami, V., Furnham, A., Smyth, N., Weis, L., Lay, A., Clow, A. (2016). Putting the stress on conspiracy theories: Examining associations between psychological stress, anxiety, and belief in conspiracy theories. *Personality and Individual Differences*, 99, 72–76. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.04.084>
- Yang, S.-W., Xu, M.-X., Kuang, Y., Ding, Y., Lin, Y.-X., Wang, F., Rao, L.-L., Zheng, R., Li, S. (2023). An agenda setting account for psychological typhoon eye effect 2 on responses to the outbreak of COVID-19 in Wuhan. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 20(5), 4350.

Поступила в редакцию: 13.06.2024

Поступила после рецензирования: 14.01.2025

Принята к публикации: 01.03.2025

Заявленный вклад авторов

Влада Игоревна Пищик – теоретическая часть исследования, дизайн исследования, описание данных.

Маргарита Игоревна Постникова – сбор материалов по северному региону, анализ данных.

Есения Александровна Черкасова – сбор материалов по южному региону, статистика данных.

Информация об авторах

Влада Игоревна Пищик – доктор психологических наук, профессор кафедры «Общая и консультативная психология», Донской государственной технической университет (ФГБОУ ВО ДГТУ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, ID Scopus 24473186900, ID Web of Science O-6154-2015, AuthorID: 183790, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3909-3895>, e-mail: vladaph@yandex.ru

Маргарита Игоревна Постникова – доктор психологических наук, доцент кафедры педагогики, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова (ФГАОУ ВО САФУ), г. Архангельск, Российская Федерация; SPIN-код: 5944-0316, Researcher ID I-8722-2018, Author ID 37087597100; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2546-8430>, e-mail: post-margarita@yandex.ru

Есения Александровна Черкасова – аспирант факультета «Психология, педагогика и дефектология», Донской государственной технической университет (ФГБОУ ВО ДГТУ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-5210-4002>, e-mail: yeseniacherkasova@mail.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

«Антирефлексия» как детерминанта результативных параметров управленческой деятельности

Александр А. Карпов^{*ID}, Анастасия А. Волченкова^{ID},
Сергей О. Присяжнюк^{ID}

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль,
Российская Федерация

*Почта ответственного автора: karpov.sander2016@yandex.ru

Аннотация

Введение. В настоящее время весьма актуальным является исследование основных детерминант эффективности управленческой деятельности. Особое значение принадлежит выявлению роли рефлексивной регуляции в целом и средств «антирефлексивной» направленности, в частности, в реализации деятельности управленческого типа. Их раскрытие объективно необходимо для конвергенции исследований в двух важных психологических направлениях – психологии менеджмента и психологии рефлексии. В исследовании выявлены и проинтерпретированы базовые закономерности детерминационного влияния «антирефлексии», представленной как структура ее парциальных компонентов – метакогнитивных процессов и качеств – на результативные параметры управленческой деятельности. Основной из них является зависимость типа оптимума между индивидуальной мерой выраженности «антирефлексии» и главным из этих параметров – эффективностью. **Методы.** Выборку (n = 310) составили руководители низового, среднего и высшего звена государственных и коммерческих организаций и предприятий гг. Москвы, Ярославля, Рыбинска. Психодиагностика выполнена с помощью авторских методик «Опросник степени выраженности средств антирефлексивной направленности», «Методика дифференцированной экспертной оценки основных управленческих функций», «Комплексный опросник метакогнитивного потенциала» (КОМП), а также ряда разработанных в метакогнитивизме методик. **Результаты.** Установлено, что между основным

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

результативным параметром управленческой деятельности – эффективностью – и индивидуальной мерой развития средств «антирефлексивной» направленности, а также их структурной организации, существует инвертированная U-образная зависимость «типа оптимума». В отличие от аналогичной закономерности, связанной с исследованием рефлексивности, установленная зависимость обладает эффектом «левого смещения», что обусловлено специфическими характеристиками «антирефлексии», а также ее феноменологическим содержанием и функциональной направленностью. **Обсуждение результатов.** Результаты проинтерпретированы с позиций основных положений современной психологии менеджмента, психологии рефлексии и метакогнитивизма. Сформулирован вывод о том, что в основе установленных закономерностей лежат специфические для «антирефлексии» функции, сущность которых заключается в регуляции произвольного контроля за реализацией деятельности в целом и его минимизации, в частности.

Ключевые слова

управленческая деятельность, «антирефлексия», метакогнитивные параметры, метакогнитивный потенциал, рефлексивность, ингибция, структурная организация, «автофункция», эффективность деятельности

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №24-78-10047, <https://rscf.ru/project/24-78-10047/>

Для цитирования

Карпов, А. А., Волченкова, А. А., Присяжнюк, С. О. (2025). «Антирефлексия» как детерминанта результативных параметров управленческой деятельности. *Российский психологический журнал*, 22(2), 151–169. <https://doi.org/10.21702/z05e9s63>

Введение

Одной из ключевых проблем психологии управления является вопрос о сущности и способах экспликации основных параметров эффективности управленческой деятельности, а также о тех базовых субъектных детерминантах, которые оказывают на них определяющее влияние. Он, как известно, является и одним из наиболее важных и традиционных в психологии менеджмента и организационной психологии. Несмотря на значительный объем данных, представленных в литературе, он, тем не менее, остается недостаточно изученным. Так, до настоящего времени не вполне ясным остается характер влияния основных – широко представленных в общей и

когнитивной психологии детерминант на успешность деятельности управленческого типа. Речь идет, главным образом, о процессуальных, стратегических, а также о специфических – метакогнитивных процессах и качествах субъекта, выступающих детерминантами деятельности. Они составляют предмет исследований в одном из наиболее важных направлений когнитивной психологии – современного метакогнитивизма (и шире – метакогнитивной психологии). В качестве основной задачи исследований, выполненных в его русле, выступает экспликация содержания и специфики его предмета, а также определение его границ – формулировка концептуальных представлений, направленных на раскрытие предметной сферы метакогнитивизма (А. Нельсон, А. Браун, Дж. Флейвелл, Р. Ключе, Дж. Меткалф, Р. Парис, Е. Madigan, Э. Тульвинг, В. L. Schwartz, А. Koriat и др.), основных моделей метапознания (Anderson, 2002; Brown, 1987; Flavell & Miller, 1993; Dunlosky & Nelson, 1992; Dunlosky, Serra & Baker, 2007; Kluwe, 1982; Nelson, 1996), экспликацию и описание метакогнитивных стратегий и умений (Metcalf, 2008; Metcalf & Eich, 2019; Tulving, 1985; Finn & Metcalf, 2014), изучение специальных вопросов метакогнитивизма (Schwartz, 2006; Paris, 1988; Touroutoglu & Efklides, 2010, Velychkovsky, 2006).

Кроме того, следует подчеркнуть, что в цикле наших предыдущих работ был сформулирован один из возможных подходов к разработке базовой проблематики метакогнитивизма – структурно-феноменологический. Он был реализован по отношению к целому ряду видов профессиональной и учебной деятельности и, в особенности, именно по отношению к управленческой деятельности, а его сущность состоит в следующем (А.А. Карпов, 2018). Основные параметры метакогнитивной сферы личности выступают не только в их исходном статусе – как феномены, но и в еще одном и также принципиально важном статусе – вторичном. Дело в том, что они могут распознаваться субъектом деятельности и далее использоваться им в качестве средств организации деятельности и поведения, то есть в их операционном статусе. Иначе говоря, возникая и формируясь в ходе деятельности, эти эффекты и феномены фиксируются субъектом, а затем могут использоваться им в качестве средств оптимизации этой деятельности (А.А. Карпов, 2019). Распознавание и фиксация, а также генерализация этих феноменов приводит впоследствии к обогащению инструментария операционных средств регуляции деятельности.

Вместе с тем, наши исследования показывают, что мера произвольного – рефлексивного контроля за решением основных деятельностных задач отнюдь не всегда должна быть максимальной. Более того, субъект управленческой деятельности (руководитель), как правило, уже эмпирически – на своем опыте зачастую фиксирует и тот факт, что как слишком высокий сознательный контроль может быть даже нежелательным и даже негативным для деятельности. В силу этого, он начинает использовать этот эмпирически найденный результат в качестве операционного средства осуществления самой деятельности, прибегая к осознанному использованию различных приемов и средств, минимизирующих степень рефлексивного контроля за деятельностью. В этих целях вырабатываются

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

специфические средства, направленные на ингибцию или даже блокаду осознаваемого контроля (А.А. Карпов, 2018). Для их обозначения в настоящее время пока не выработано какое-либо общепринятое понятие, в связи с чем возникает трудность терминологического плана, связанная его с формулировкой. При этом следует учитывать, что некоторые функционально близкие с ним феномены уже частично зафиксированы в исследованиях. Это, например, понятие арефлексии или «темной стороны» рефлексии (Холодная, 2022); понятия квазирефлексии и «дурной» рефлексии (Леонтьев и др., 2009; Леонтьев, 2014); понятие «метакогнитивной блокады» (А.В. Карпов, Скитяева, 2005); термин «моратория рефлексивности» (Небродовская-Мазур, 2020); понятие контррефлексии (Леонтьев, 2014); понятие «метакогнитивной петли» (metacognitive loop) (Anderson et al., 2006); понятия «сверхуверенности» (overconfidence) (Metcalf, 2014; Butterfield, Metcalfe, 2001); рефлексивного перфекционизма и гиперрефлексивности (А. А. Карпов, А.В. Карпов, 2015); эффекта гиперкоррекции (Dodson, Bawa & Krueger, 2007).

По нашему мнению, исходя из сущностной черты данного феномена – его функциональной направленности на минимизацию рефлексивного контроля и потому выступающего как нечто противоположное по отношению к нему, его целесообразнее обозначить рабочим термином «антирефлексия». При этом мы вполне отдаем отчет в том, что он, возможно, является не лучшим понятийным средством и в дальнейшем может быть скорректирован.

В связи с этим, необходимо особо подчеркнуть, что в современной психологии менеджмента принято уделять достаточно большое внимание собственно рефлексивным аспектам осуществления управленческой деятельности, а также трактовать саму рефлексивность как одно из профессионально-важных качеств (ПВК) руководителя. При этом рефлексивность рассматривается, в основном, как преимущественно положительное свойство, а его высокая и выше среднего мера выраженности, опять-таки, согласно априорным предположениям, трактуется как важный фактор обеспечения высоких показателей эффективности деятельности. Однако к настоящему времени сформулированы положения, свидетельствующие о наличии существенно иной закономерности, носящей общий характер. Она состоит в том, что эффективность реализации подавляющего большинства деятельностных задач и управленческих функций является максимальной на некотором среднем, то есть оптимальном уровне развития рефлексивности (а не на минимальном и не на максимальном ее значении) (А.В. Карпов, В.В. Пономарева, 2002; Чемякина и др., 2018). Субъект деятельности, осознавая эту особенность, использует ее в качестве средства оптимизации своей деятельности и, как отмечалось выше, для этого он прибегает к специфическим средствам, позволяющим минимизировать степень рефлексивного контроля за деятельностью и ее частными функциями.

Эти данные, фактически, позволяют дифференцировать весьма специфический – противоположный модус рефлексии (и рефлексивности). Она может не только усиливать – фасилитировать, но и минимизировать – ингибировать сама себя. При этом важно подчеркнуть, что такая ингибция осуществляется такими средствами и механизмами, которые также являются подчеркнуто рефлексивными. В результате этого в деятельности управленческого типа складывается и развивается система своего рода «антирефлексивных» средств, обозначенная в наших предыдущих работах и как ингибиторная подсистема (А.А. Карпов, 2019).

Все эти положения, с одной стороны, свидетельствуют о необходимости установления закономерностей, связанных с «антирефлексивной» регуляцией управленческой деятельности и углубления исследований преимущественно констатационного – описательного характера. С другой стороны, необходима экспликация механизмов, лежащих в основе возможных зависимостей эффективности управленческой деятельности и общей меры выраженности средств «антирефлексивной» направленности. Аналогичная задача состоит и в определении связи между степенью структурной организации метакогнитивных параметров, выступающих в качестве парциальных компонентов «антирефлексии», и эффективностью деятельности. В этих целях, наряду с необходимостью установления данных эмпирического плана, следует провести и их сравнительный анализ с рядом других – уже установленных в психологии менеджмента зависимостей.

Методы

Процедура исследования и измерения

Достижение главных целей работы предполагает необходимость получения трех основных массивов эмпирических данных. Во-первых, это данные относительно индивидуальной меры выраженности средств «антирефлексивной» направленности испытуемых. Во-вторых, это данные относительно индивидуальной меры выраженности параметров метакогнитивной сферы личности у них. В-третьих, это данные относительно оценки эффективности реализации основных управленческих функций.

В этих целях использовались следующие диагностические методики.

Для определения индивидуальной меры выраженности «антирефлексии» использовалась разработанная нами методика диагностики метакогнитивной ингибции – МКИ (А.А. Карпов, 2019).

По отношению к диагностике основных метакогнитивных детерминант реализованы широко применяющиеся и показавшие высокую меру надежности методики:

- опросник метакогнитивной включенности в деятельность (Metacognitive Awareness Inventory – MAI, (Г. Шроу, Р. Деннисон (Schraw & Dennison, 1994;

Yzerbyt et al., 2002), в адаптации А.В. Карпова (А.В. Карпов, Скитяева, 2005));

- индивидуальная мера развития метамышления (ММ) как базового и процесса (по разработанной нами методике) (А.А. Карпов, 2019);
- методика Д. Эверсон для диагностики уровня развития метапланирования – МПлан. (по (А.А. Карпов, А.В. Карпов, 2015);
- степень сформированности метаэмоционального контроля (МЭК) по шкале методики «Комплексный опросник метакогнитивного потенциала личности» (А.А. Карпов, 2018);
- самооценка степени сформированности метакогнитивного поведения (МПов.) по методике Д. ЛаКоста (по (А.В. Карпов, 2016));
- мера и характер метакогнитивного мониторинга знаний (МЗ) по методике «Опросник метакогнитивной осознанности» (MAI) (по (А.В. Карпов, Скитяева, 2005), определяемые как сумма баллов по двум шкалам: по шкале «метакогнитивные знания» и шкале «метакогнитивная регуляция»;
- индивидуальная мера развития метапамяти (metamemory) как еще одного основного метакогнитивного процесса (по разработанной в (Карпов, Скитяева, 2005) методике).

В целях определения эффективности деятельности использовалась «Методика дифференцированной экспертной оценки основных управленческих функций» (А.А. Карпов, 2019).

Следует особо подчеркнуть, что подбор методик был осуществлен таким образом, чтобы, по возможности, представить достаточно широкую совокупность основных метакогнитивных качеств, которые к настоящему времени изучены на материале деятельности управленческого типа – не только собственно когнитивной, но и регулятивной, и «знаниевой» направленности.

Выборка исследования

Выборку (n = 310; 220 мужчин, 90 женщин) составили руководители низового, среднего и высшего управленческих звеньев государственных и коммерческих организаций и предприятий гг. Москвы, Ярославля, Рыбинска в возрасте от 29 до 59 лет. Отметим, что подбор испытуемых осуществлялся в строгом соответствии с традиционными положениями психологии управления, согласно которым основные характеристики управленческой деятельности остаются инвариантными независимо от принадлежности руководителя к тому или иному управленческому звену, несмотря на очевидные формальные статусные отличия.

Анализ данных

Процедура исследования включала в себя его реализацию на двух уровнях и, соответственно, этапах – аналитическом и структурном. Первый из них

был направлен на установление различий между исследуемыми группами испытуемых-руководителей с помощью Н-критерия Краскела-Уоллиса. Вместе с тем, аналитический этап позволяет получить лишь отдельные – парциальные данные и, далее, должен быть дополнен более специфицированным методическим инструментарием, обладающим большей разрешающей способностью. В силу этого был осуществлен второй этап исследования – структурный, предполагающий реализацию методологии структурно-психологического анализа. Он, как известно, включает применение метода «полярных групп», состоящего в дифференциации выборки на контрастные группы, а также последующую обработку и сравнительный анализ данных в них по определенному критерию. В нашем случае им выступала индивидуальная мера «антирефлексии». Затем на основе данных представленных выше методик вычисляются матрицы интеркорреляций. Каждая из них определяется на основе выделенных групп испытуемых. В итоге каждой из трех групп (с низким, средним и высоким уровнем развития «антирефлексии») соответствует своя матрица интеркорреляций. По результатам построения матриц осуществляется подсчет индексов когерентности (ИКС), дивергентности (ИДС) и общей организованности (ИОС) структур основных параметров метакогнитивной сферы личности. ИКС определяется как функция числа положительных значимых связей в структуре и степени их значимости; ИДС – как функция числа и значимости отрицательных связей в структуре; ИОС – как функция соотношения общего количества и значимости положительных и отрицательных связей, то есть как разница значений ИКС и ИДС (Карпов, Скитяева, 2005; А. А. Карпов, 2018).

Результаты

В таблице 1 представлены данные относительно индивидуальной меры выраженности диагностированных основных метакогнитивных параметров, равно как и их общей величины, в «полярных» группах испытуемых – с относительно наиболее низкой и наиболее высокой мерой развития средств «антирефлексивной» направленности.

Анализ представленных результатов позволяет констатировать следующие факты. Во-первых, в целом индивидуальная мера развития практически всех метакогнитивных параметров выше в группе индивидов со средней «антирефлексивностью» по сравнению с группой низкой «антирефлексивности». Однако (и это во-вторых) данные различия являются значимыми не для всех параметров, а только к 4 на уровне $p < 0,10$. В-третьих, наиболее существенно то, что различия групп имеют место и по общему значению метакогнитивного потенциала; они также значимы лишь на уровне $p < 0,10$.

Таблица 1

Средние значения и стандартные отклонения

Переменная	Выборка в целом (N = 310)	Сравнение групп по группам с разным уровнем антирефлексивности		p
		Низкая антирефлексивность (n = 103)	Средняя антирефлексивность (n = 115)	
MAI	23,07 (5,78)	15,91 (5,80)	28,00 (5,95)	,000
ММ	20,01 (5,66)	17,09 (4,62)	23,05 (5,85)	,328
МПлан.	34,25 (4,99)	33,41 (4,64)	35,08 (4,22)	,461
МЭК	44,18 (9,88)	43,36 (7,57)	44,02 (5,74)	,560
МПов.	12,29 (2,40)	10,14 (2,63)	19,47 (2,14)	,000
МПам.	36,59 (3,35)	30,39 (3,10)	35,07 (4,10)	,337
МЗ	39,43 (5,14)	35,77 (5,95)	45,09 (5,02)	,000
ЗМ	0,33 (0,11)	0,21 (0,08)	0,41 (0,15)	,331
МКП	63,09 (6,62)	56,68 (7,34)	69,37 (7,05)	,000

Примечания: ММ – метамышление, МПам. – метапамять, МЭК – метаэмоциональный контроль, МПлан. – метапланирование, МПов. – метакогнитивное поведение, МЗ – степень сформированности метакогнитивных знаний (*knowledge about cognition*) по соответствующей шкале из методики *Metacognitive Awareness Inventory* (Г. Шроу, Р. Деннисон – MAI), ЗМ – степень сформированности «знаний о метакогнитивном мониторинге» (по методике «КМАИ» З. Тобиаса), МКП – метакогнитивный потенциал (в отличие от всех иных параметров, он выражен не в баллах соответствующих им методик, а как суперпозиция стеновых оценок по 8 параметрам методики КОМП); p – асимптотическая двухсторонняя значимость различий по тесту Манна-Уитни; значения $p < 0,10$ выделены полужирным шрифтом.

Реализация методики дифференцированной экспертной оценки основных управленческих функций позволила получить показатели меры общей эффективности управленческой деятельности для трех групп испытуемых, дифференцированных согласно критерию уровня развития «антирефлексии». В результате оказалось возможным определить зависимость эффективности управленческой деятельности от индивидуальной меры развития «антирефлексии». Она представлена на рисунке 1.

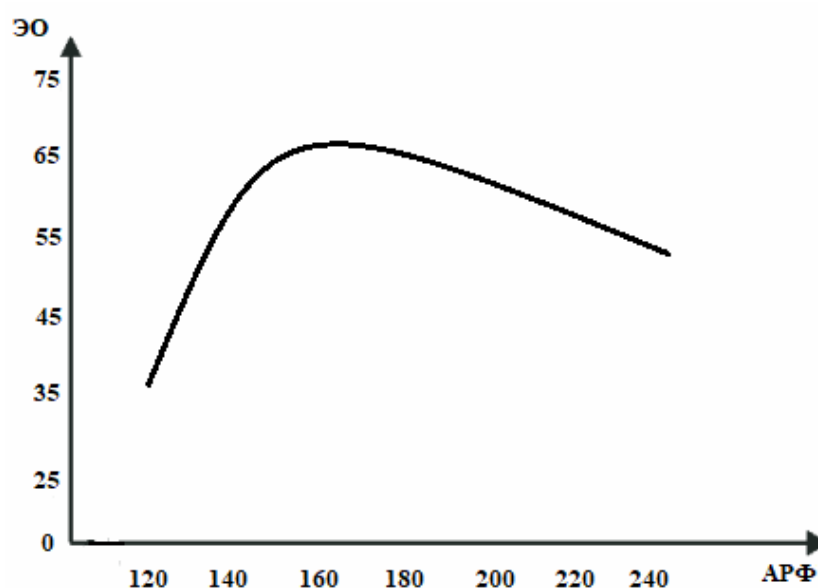

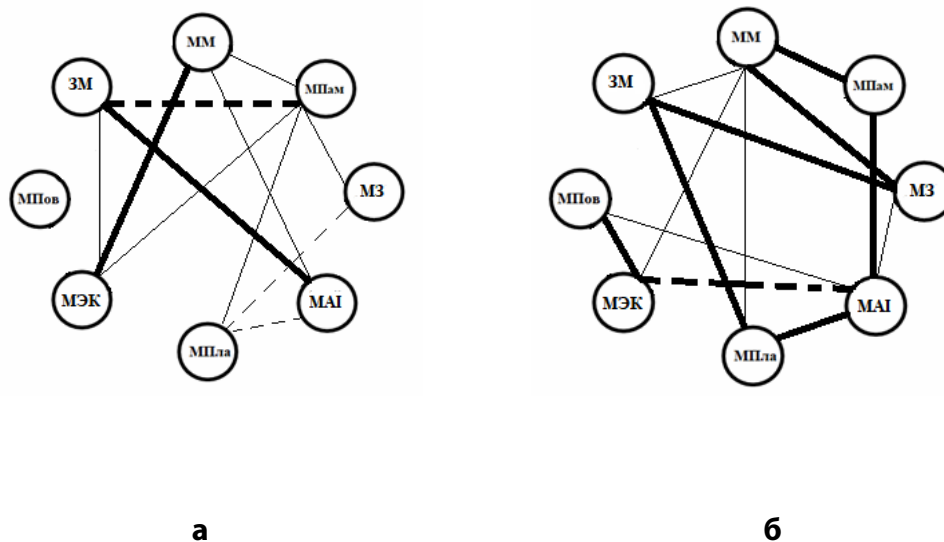
Рисунок 1. Зависимость эффективности управленческой деятельности от степени развития «антирефлексии» (схематизировано)

Обозначения: АРФ – индивидуальная мера выраженности средств «антирефлексивной» направленности (в баллах методики); ЭО – значения экспертной оценки эффективности деятельности (по 75-бальной шкале)

Применение Н-критерия Краскела-Уоллиса показало, что на аналитическом уровне в трех группах, дифференцируемых согласно критерию уровня развития средств «антирефлексивной» направленности, имеют место значимые различия степени эффективности управленческой деятельности ($p < 0,10$). Затем по отношению к полученным данным была реализована процедура многомерного корреляционного анализа и для каждой группы определены матрицы интеркорреляций исследованных метакогнитивных параметров, на основе которых построены их структурограммы. Так, для групп испытуемых с низкой и средней выраженностью «антирефлексии» они представлены на рисунке 2.

Рисунок 2

Структурограммы метакогнитивных параметров в подгруппе «низко-антирефлексивных» (а) и «средне-антирефлексивных» (б) испытуемых

Обозначения: аббревиатуры на структурограмме соответствуют тем обозначениям параметров, которые даны в описании применявшихся методик; жирная линия – связи на $p < 0,01$ (им приписывается «вес» в 3 балла); тонкая линия – связи, значимые на $p < 0,05$ (приписывается «вес» в 2 балла); пунктирные линии – отрицательные связи. Связи, полученные по всей структуре «веса», суммируются, что дает значения указанных индексов.

На основе найденных матрицы соответствующих им структурограмм для всех трех групп испытуемых были определены величины структурных индексов исследуемых метакогнитивных детерминант деятельности. Они представлены в таблице 2.

Таблица 2

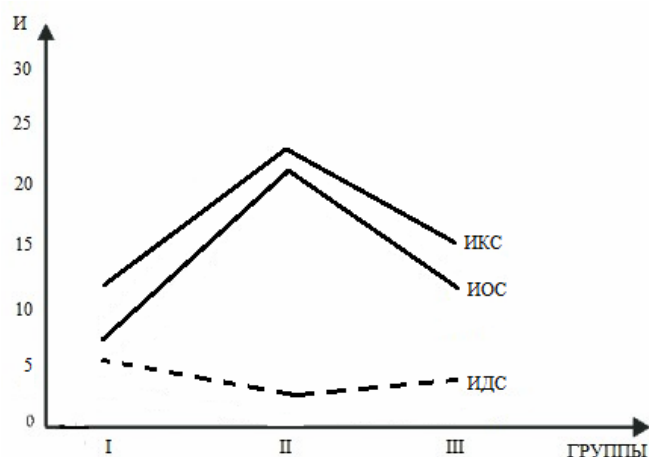
Значения структурных индексов метакогнитивных параметров

	Группа низкой «анти- рефлексивности»	Группа средней «анти- рефлексивности»	Группа высокой «анти- рефлексивности»
Индекс когерентности (ИКС)	12	22	14
Индекс дивергентности (ИДС)	5	3	4
Индекс организованности (ИОС)	7	19	10

Эти данные можно представить и в графической форме, что позволяет эксплицировать зависимости данных индексов от индивидуальной меры выраженности «антирефлексии» (рис. 3).

Рисунок 3

Зависимость структурных индексов метакогнитивных параметров от меры развития «антирефлексии»

Обозначения: по оси абсцисс расположены группы испытуемых, различающихся по степени развития «антирефлексии», в порядке ее возрастания, по оси ординат – количественные значения структурных индексов (И).

Обсуждение результатов

Вся совокупность представленных выше результатов позволяет установить следующие основные особенности и закономерности.

Во-первых, необходимо констатировать, что зависимость эффективности управленческой деятельности от степени развития «антирефлексии» не имеет характера прямой и однонаправленной связи. Наиболее эффективными оказались руководители, у которых общая мера выраженности средств «антирефлексивной направленности» располагается на среднем (хотя и достаточно развитом) уровне. Руководители, имеющие низкий уровень развития «антирефлексии», обладают, по-видимому, недостаточными способностями к выполнению основных управленческих функций, характеризуясь при этом как профессионально неэффективные. Однако и руководителей, обладающих наиболее выраженными средствами «антирефлексивного» плана, также целесообразно относить к группе относительно менее эффективных. В этой связи становится очевидным, что система «антирефлексивных» детерминант оказывает непосредственное, то есть прямое и весьма выраженное влияние на управленческую деятельность. Оно является наиболее позитивным в том случае, когда степень развития «антирефлексии» характеризуется некоторыми средними значениями. Другими словами, данная зависимость является нелинейной и имеет вид так называемой инвертированной U-образной кривой. Она принадлежит к зависимостям «типа оптимума».

Вместе с тем, полученный результат должен быть рассмотрен также и в контексте выполненных нами ранее исследований (Карпов, 2019). Они показывают, что рефлексия, будучи одним из наиболее сложных процессов, и рефлексивность, трактуемая как профессионально важное качество (ПВК) руководителя, оказываются связанными с параметрами управленческой деятельности также нелинейной зависимостью типа оптимума. Согласно ей, параметры деятельности принимают наибольшие значения не на максимальных, но и не на минимальных, а на некоторых средних – оптимальных уровнях развития. Одновременно с этим, отметим, что, несмотря на принадлежность обоих результатов (установленного относительно меры развития «антирефлексии», с одной стороны, и рефлексивности, с другой) к одному и тому же типу зависимостей, в них, тем не менее, имеют место весьма специфические отличительные особенности.

Так, зависимость эффективности управленческой деятельности от индивидуальной меры рефлексивности очень близка по внешнему виду к традиционной «колоколообразной» кривой, у которой совокупность средних значений располагается приблизительно посередине координатной плоскости; поэтому данная зависимость, действительно, может быть охарактеризована как классическая зависимость «типа оптимума». Однако, степень развития «антирефлексии» связана с параметрами эффективности управленческой деятельности несколько иной зависимостью. Как можно видеть из графика (рис. 1), она обладает так называемым эффектом «левого смещения». Данный результат объясняется специфическими особенностями «антирефлексии» и ингибиторной подсистемы в целом. Эти особенности таковы, что средний (точнее, несколько ниже среднего) уровень их развития оказывается наиболее предпочтительным в плане обеспечения эффективности деятельности.

Во-вторых, анализ полученных индексов структурной организации основных параметров метакогнитивной сферы личности в трех исследуемых группах испытуемых, дифференцированных согласно критерию уровня развития «антирефлексии», позволяет констатировать следующее. В первую очередь, обращает на себя внимание динамика показателей индекса когерентности (ИКС). Группа испытуемых, обладающих наиболее низкими значениями меры выраженности средств «антирефлексивной» направленности, характеризуется, опять-таки, наименьшим ИКС и значением обобщенного структурного индекса, вычисляемого как суперпозиция ИКС и индекса дивергентности (ИДС) – индекса общей организованности (ИОС). Приблизительно те же результаты имеют место и для группы наиболее «антирефлексивных» руководителей. Несмотря на это подобие, они, все же, выражены в меньшей степени, что и дает, в итоге, эффект «левого смещения», показанный на графике (рис. 1). Иными словами, эффективность деятельности управленческого типа в контексте рассматриваемой проблемы решающим образом характеризуется не наиболее низкой, но и не самой высокой степенью организованности метакогнитивных параметров, а определенными средними ее значениями – и точнее, значениями выше среднего. В этом, во многом,

коренится принципиальное отличие зависимости эффективности управленческой деятельности от «просто» рефлексии, с одной стороны, и от «антирефлексии», с другой. Первой, как отмечалось выше, свойственен классический вид зависимости «типа оптимума», хотя конфигурация двух зависимостей и, соответственно, их общий смысл весьма сходны. Этот результат находит свое непротиворечивое объяснение в основных механизмах рефлексии и «антирефлексии», а они, как известно, не просто подобны, а фактически, идентичны. Средства «антирефлексивной» направленности целесообразно рассматривать не в негативном плане – не как «отсутствие» рефлексии или антагонистичные ей свойства, но напротив, как те же подчеркнута рефлексивные средства. Однако они имеют противоположную функциональную направленность – на подавление, ингибцию самой же рефлексии и являются, по-видимому, более сложными по структуре.

В-третьих, в плане объяснения констатированных закономерностей следует привлечь и еще один полученный результат. Он состоит в том, что степень и характер структурной организации исследуемых метакогнитивных параметров находится в закономерной связи с уровнем развития «антирефлексии». Более того, этот уровень, по-видимому, и является значимой детерминантой самой этой структурной организации, что согласуется с аналогичными зависимостями, полученными нами ранее в отношении связи степени структурной организации интеллекта и его уровня в целом, а также связи структурной организации креативности с уровнем ее развития (А.А. Карпов, 2018).

Однако, по-видимому, справедливо и обратное утверждение. Сама структурная организация метакогнитивных детерминант деятельности и в особенности ее степень, является детерминантой уровня развития «антирефлексивности» и – опосредствованно – характера ее влияния на эффективность деятельности. Последняя потому и является наибольшей на среднем уровне развития «антирефлексивности», что именно на нем мера структурной организации самих метакогнитивных параметров является наибольшей. Следовательно, возникающие вследствие этого эффекты системного типа, приводящие к порождению дополнительных функциональных возможностей, являются здесь наиболее явными и действенными. Другими словами, максимум «организационных эффектов» сопряжен не с максимальными (но и, разумеется, не с минимальными) значениями меры развития «антирефлексии», а с некоторыми средними или – по-другому, оптимальными ее значениями. Поэтому выявленная связь индивидуальной меры рефлексивности со степенью структурной организации и, следовательно, с мерой представленности эффектов синергетического типа должна рассматриваться в качестве интерпретационного средства для объяснения принципиальных особенностей ее организации.

В-четвертых, во всех трех исследуемых структурах значения индекса дивергентности (ИДС) оказались минимальными. Подчеркнем, что такая ситуация встречается весьма часто в тех исследованиях, предметом которых являются различные метакогнитивные параметры; она, по-видимому, вполне объяснима и создает отсылку

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

к самой природе метакогнитивных детерминант как специальных конструктивных средств усиления ментальных ресурсов личности. Такая их фасилитирующая роль, на наш взгляд, не может быть в принципе осуществима, в условиях, когда взаимосвязи между отдельными метакогнитивными параметрами являются, по большей части, отрицательными и, следовательно, продуцирующими дезинтегративные тенденции и компенсаторные отношения в структурах. Это, повторяем, противоречило бы самой сути и содержанию метакогнитивных детерминант. Отсюда вполне закономерным представляются предельно низкие значения ИДС и возрастание, на этом фоне, эффектов синергетического плана, а также общая консолидация метакогнитивного потенциала, что, в свою очередь выражается в объективно высоких значениях индекса общей организованности (ИОС).

В-пятых, следует отметить, что зависимости «типа оптимума», являясь широко представленными в психологических исследованиях, тем не менее, могут претерпевать и определенные модификации. Например, помимо традиционного варианта этих зависимостей, была установлена и такая, которая также принадлежит к нелинейным – инвертированным U-образным, но обладает эффектом «правого смещения». Речь идет, в частности, об уже отмеченной зависимости уровня развития психометрического интеллекта от степени интегрированности структуры метакогнитивных процессов и качеств личности. По отношению к интеллектуальным способностям имеет место существенное снижение степени организованности метакогнитивных параметров, а наибольшие ее значения имеют место не при низких (что вполне естественно), но и не при очень высоких значениях меры развития интеллекта. Они принимают наибольшие значения при некоторых, хотя и высоких, но все же не «полярных» ее значениях (А.А. Карпов, А.В. Карпов, 2015; А.А. Карпов, 2018). Наряду с этим, по отношению к связи эффективности деятельности и меры развития рефлексивности имеет место классический вариант зависимости «типа оптимума», при котором максимальные значения этой эффективности сопрягаются именно со средними значениями рефлексивности (А.В. Карпов, Пономарева, 2000).

Таким образом, можно констатировать, что очень важная в плане организации психики и деятельности зависимость «типа оптимума» может быть дифференцирована, как минимум, на три главные разновидности. Каждая из них представлена в контексте исследования разных аспектов (рефлексии, «антирефлексии» и психометрического интеллекта) и была установлена, прежде всего, в ходе исследования деятельности управленческого типа.

В-шестых, установление и объяснение всей совокупности выявленных эффектов в целом и динамики индексов структурной организации, в частности, предполагает еще один аспект общей процедуры структурно-психологического анализа. Он состоит в реализации метода χ^2 , который, как известно, позволяет сравнить исследуемые матрицы и соответствующие им структуры на предмет их гомогенности-гетерогенности (однородности-неоднородности). В нашем случае в результате реализации данного метода были получены следующие результаты.

Структура метакогнитивных параметров испытуемых, принадлежащих к трем группам, дифференцируемым согласно критерию уровня развития «антирефлексии» при их сопоставлении друг с другом, оказались принципиально гомогенными – между ними наблюдаются лишь количественные различия. Можно считать, что этот результат является вполне закономерным, поскольку отражает принципиальную общность структурной организации метакогнитивного потенциала независимо от меры выраженности средств «антирефлексивной» направленности.

Следовательно, при всех весьма значимых эффектах структурного типа, проявляющихся в достаточно существенных различиях найденных структурограмм, их все же нельзя абсолютизировать. Дело в том, что сами эти различия существуют и проявляются на фоне еще более общих и, по существу, основополагающих закономерностей сочетания двух типов (и уровней) детерминации – аналитического и структурного. И именно в этом плане важным подтверждением такой общности выступает еще один полученный в итоге обработки результатов факт. Он состоит в том, что сравнение матриц интеркорреляций метакогнитивных параметров на предмет их гомогенности/гетерогенности в двух группах по критерию χ^2 показало их статистически значимую гомогенность.

Вся совокупность представленных выше данных создает необходимые и во многом – достаточные предпосылки и для решения ряда задач собственно прикладного плана. Их смысл состоит в разработке и внедрении специальных процедур и программ тренинга, направленных на формирование операционных средств «антрефлексивной» ориентации в профессиональной деятельности в целом и в управленческой деятельности, в особенности. Они предназначены для того, чтобы обеспечить минимизацию средств рефлексивной регуляции и, наоборот, максимизировать роль ингибиторных средств в ее обеспечении. Причем, очень показательным в этом плане является то, что очень большую функциональную роль в их формировании и последующей реализации играют выявленные нами в (А.А. Карпов, 2019) операционные средства, носящие наднормативный характер и обозначаемые понятием эвристик деятельности. В целом их содержание не исчерпывается направленностью только на обеспечение минимизации произвольного контроля за деятельностью; однако и по отношению к ним также складываются специфические эвристики такого плана. Именно они играют не просто важную, но во многом – определяющую роль в организации деятельности – особенно профессиональной и, прежде всего, тех ее видов, которые характеризуются наибольшей сложностью. Эти средства обозначаются и иными терминами – понятиями неформальных правил, профессиональных приемов, «техник», топ-навыков, профессиональных хитростей и пр. Очень показательно, что они зачастую порождаются самими профессионалами – теми, кто осуществляет эту деятельность. В результате формируется своего рода наднормативный операционный фонд тех средств, которые позволяют оптимизировать ее психологическое обеспечение. Как показано нами в (А.В. Карпов, А.А. Карпов, 2022), к основным эвристическим ингибиторной направленности относятся такие операционные средства, которые обозначены

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

понятиями эвристики когнитивной блокады, эвристики «моратория рефлексивности, эвристики метакогнитивной блокады, эвристики редукции сложности, эвристики схематизации, эвристики произвольного, то есть рефлексивного ускорения, эвристики сокращения усилий, эвристики беглости, эвристики ментального упрощения». На основе их выявления нами разработаны конкретные процедуры, направленные на их экспликацию и формирование в управленческой деятельности, служащие средствами ее прикладной оптимизации.

Подводя итоги проведенному выше анализу, можно сформулировать следующее основные выводы. *Во-первых*, выполнение исследований в двух очень значимых направлениях – в психологии рефлексии и в метакогнитивизме, с одной стороны, и психологии управления, с другой – характеризуется все более усиливающейся конвергенцией и постепенно обретает необходимые и достаточные условия для последовательного осуществления их междисциплинарного синтеза. Одновременно с этим, одной из главных черт такого постепенного объединения должны выступать работы, направленные на изучение места и роли средств «антирефлексивной» направленности в деятельности управленческого типа, а также их раскрытие в качестве важных детерминант ее реализации.

Во-вторых, обоснованность такой концептуализации объективно предполагает реализацию эмпирико-экспериментальных методов. Это позволяет выявить новый факт и, соответственно, – лежащие в его основе закономерности. Так, оказывается возможным эксплицировать новое обобщенное индивидуальное качество, обозначенное рабочим термином «антирефлексии» и раскрыть его в качестве такого образования интегративного типа, которое формируется на основе консолидации всей совокупности параметров метакогнитивной сферы личности. В этом состоит ее сходство с рефлексией. Более того, «антирефлексивные» по их направленности средства следует рассматривать в качестве подчеркнуто рефлексивных по их механизмам. Они необходимы для осознанного снижения – ингибции высокой и выше среднего уровня развития собственно рефлексивности. Такие регулятивные механизмы принципиально важны для управленческой деятельности в целом, и для реализации каждой управленческой функции, в частности.

В-третьих, установленная зависимость эффективности управленческой деятельности от индивидуальной меры развития средств «антирефлексивной» направленности носит характер инвертированной U-образной кривой и принадлежит к известным в психологических исследованиях зависимостям «типа оптимума». Аналогичная зависимость имеет место между эффективностью управленческой деятельности и степенью развития рефлексивности. Однако в первом случае наблюдается эффект левого смещения, а во втором – эффект «центрирования» зависимости, что объясняется специфическими характеристиками «антирефлексии», а также влиянием отдельных феноменологических аспектов метакогнитивной сферы.

В-четвертых, установлено, что между исследуемыми структурами метакогнитивных параметров, дифференцированными по критерию

индивидуальной меры развития «антирефлексии», наблюдаются лишь количественные различия, а сами структуры поэтому характеризуются как гомогенные. Это, а также низкие показатели индекса дивергентности (ИДС), свидетельствуют о том, что метакогнитивные параметры функционируют в тесном синергетическом единстве и при минимальной роли дезинтегративных тенденций в целях достижения общего результата – усиления ментальных ресурсов личности и повышения результативности «внешнего критерия» – эффективности управленческой деятельности.

Основные положения:

- средства «антирефлексивной» направленности оказывают не только значимое, но и комплексное влияние на эффективность управленческой деятельности;
- основной закономерностью связи главного результативными параметрами деятельности управленческого типа – ее эффективностью и индивидуальной мерой выраженности «антирефлексии» является инвертированная U-образная зависимость «типа оптимума»; в ее основе лежит совокупность принципиально специфических характеристик самой «антирефлексии», а также ее феноменологическое содержание;
- основной закономерностью связи эффективности управленческой деятельности и степени структурной организации основных метакогнитивных процессов и качеств, лежащих в основе «антирефлексии», является прямая зависимость между ними.

Литература

- Андерсон, Дж. (2002). *Когнитивная психология*. Питер.
- Величковский, Б.М. (2006). *Когнитивная наука. Основы психологии познания: в 2-х т. Т. 1*. Академия.
- Карпов, А.А. (2019). *Новые методики исследования метакогнитивной регуляции управленческой деятельности*. МПСУ.
- Карпов, А.А. (2018). *Структура метакогнитивной регуляции управленческой деятельности*. ЯрГУ.
- Карпов, А.А., Карпов, А.В. (2015). *Введение в метакогнитивную психологию*. Изд-во Московского психолого-социального университета.
- Карпов, А.В., Пономарева, В.В. (2000). *Психология рефлексивных механизмов управления*. Институт психологии РАН.
- Карпов, А.В., Скитяева, И.М. (2005). *Психология метакогнитивных процессов личности*. Институт психологии РАН.
- Карпов, А.В., Карпов, А.А. (2022). *Структура метакогнитивной регуляции информационной деятельности*. Филигрань.
- Леонтьев, Д.А., Лаптева, Е.М., Осин, Е.Н., Салихова, А.Ж. (2009). Разработка методики дифференциальной диагностики рефлексивности. В В.Е. Лепский (Ред.), *Рефлексивные процессы и управление: Сборник материалов VII Международного симпозиума* (С. 145–150).

- Леонтьев, Д.А., Осин, Е.Н. (2014). Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 11(4), 110–135.
- Небродовская-Мазур, Е. Ю. (2020). Особенности влияния рефлексивности на профессиональную идентичность молодого прокурорского работника. *Ярославская психологическая школа: история, современность, перспективы*, 175–179.
- Холодная, М. А. (2022). Светлые и тёмные стороны рефлексии и арефлексии: эффект расщепления. *Психологический журнал*, 4, 15–26. <https://doi.org/10.31857/S020595920021475-8>
- Чемякина, А. В., Перевозкина, Ю. М., Карпов, А. В., Карпов, А. А. (2018). Структурные закономерности рефлексивной детерминации управленческой деятельности. *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*, 8(5), 209–228.
- Anderson, M. L., Oates, T., Chong, W., & Perlis, D. (2006). The metacognitive loop: Enhancing reinforcement learning with metacognitive monitoring and control for improved perturbation tolerance. *Journal of Experimental & Theoretical Artificial Intelligence*, 18(3), 387–411. <https://doi.org/10.1080/09528130600926066>
- Brown, A. L. (1987). Metacognition, executive control, self-regulation, and other more mysterious mechanisms. In F. E. Weinert & R. H. Kluwe (Eds.), *Metacognition, motivation, and understanding* (pp. 65–116). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates. <https://doi.org/10.12691/education-4-2-5>
- Butterfield, B., & Metcalfe, J. (2001). Errors committed with high confidence are hypercorrected. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 27, 1491–1494. <https://doi.org/10.1037//0278-7393.27.6.1491>
- Dodson, C. S., Bawa, S., & Krueger, L. E. (2007). Aging, metamemory and high confidence errors: A misrecollection account. *Psychology and Aging*, 22, 122–133. <https://doi.org/10.1037/0882-7974.22.1.122>
- Dunlosky, J., & Nelson, T. (1992). Importance of the kind of cue for judgment of learning (JOL) and the delayed-JOL effect. *Memory & Cognition*, 12, 355–360.
- Dunlosky, J., Serra, M. J., & Baker, J. (2007). Metamemory. In F. T. Durso, R. S. Nickerson, S. T. Dumas, S. Lewandowsky, & T. J. Perfect (Eds.), *Handbook of applied cognition* (2nd ed., pp. 137–161). Chichester, UK: John Wiley & Sons.
- Finn, B., & Metcalfe, J. (2014). Overconfidence in children's multi-trial judgments of learning. *Learning and Instruction*, 32, 1–9.
- Flavell, J. H., Miller, P. H., & Miller, S. A. (1993). *Cognitive development* (3rd ed.). Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall. <https://archive.org/details/cognitivedevelop00flav>
- Koriat, A. (2000). Conscious and unconscious metacognition: A rejoinder. *Consciousness and Cognition*, 9, 193.
- Yzerbyt, V. Y. (Ed.). (2002). *Metacognition: Cognitive and social dimensions*. SAGE Publications.
- Metcalfe, J. (2008). Evolution of metacognition. In J. Dunlosky & R. Bjork (Eds.), *Handbook of metamemory and memory* (pp. 29–46). New York: Psychology Press.
- Metcalfe, J., & Eich, T. S. (2019). Memory and truth: Correcting errors with true feedback versus overwriting correct answers with errors. *Cognitive Research: Principles and Implications*, 4. <https://doi.org/10.1186/s41235-019-0153-8>
- Nelson, T. O. (1996). Consciousness and metacognition. *American Psychologist*, 51(2), 102–116. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.51.2.102>
- Paris, S. G. (1985). *Reading strategies, metacognition and motivation*. New York. 343 p.
- Schraw, G., & Dennison, R. S. (1994). Assessing metacognitive awareness. *Contemporary Educational Psychology*, 19(4), 460–475. <https://doi.org/10.1006/ceps.1994.1033>
- Schwartz, B. L. (2006). Tip-of-the-tongue states as metacognition. *Metacognition and Learning*, 1, 149–158.

- Touroutoglou, A., & Efklides, A. (2010). Cognitive interruption as an object of metacognitive monitoring: Feeling of difficulty and surprise. In *Trends and prospects in metacognition research* (pp. 171–208). Boston, MA: Springer US.
- Tulving, E. (1985). Memory and consciousness. *Canadian Psychology / Psychologie canadienne*, 26(1), 1–12. <https://doi.org/10.1037/h0080017>

Поступила в редакцию: 01.11.2024

Поступила после рецензирования: 15.12.2024

Принята к публикации: 21.04.2025

Заявленный вклад авторов

Александр Анатольевич Карпов – идейное научное руководство, базирующееся на применении метакогнитивной методологии, к разработке рефлексивной проблематики; теоретическое обобщение результатов.

Анастасия Александровна Волченкова – раскрытие идеи статьи с применением методологии структурного анализа, обработка данных и интерпретация результатов.

Сергей Олегович Присяжнюк – планирование эмпирического исследования, применение методики диагностики рефлексивности, организация сбора данных, интерпретация результатов.

Информация об авторах

Александр Анатольевич Карпов – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии труда и организационной психологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова», г. Ярославль, Российская Федерация; ResearcherID: N-7550-2016, SPIN-код: 8353-5150; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6432-8246>; e-mail: karpov.sander2016@yandex.ru

Анастасия Александровна Волченкова – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии труда и организационной психологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова», г. Ярославль, Российская Федерация; SPIN-код: 9416-4094; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8691-7132>; e-mail: 24crocus95@gmail.com

Сергей Олегович Присяжнюк – аспирант кафедры психологии труда и организационной психологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова», г. Ярославль, Российская Федерация; SPIN-код: 4505-4110; ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0003-1684-2253>; e-mail: sergei-op100698@yandex.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Госпитальная педагогика: проблемы и перспективы развития в современном обществе

Иван Ю. Долуев¹ , Екатерина С. Зорина^{2,3*} ,
Наталия М. Курикалова¹ , Александр Ф. Лоскутов¹

¹ Институт развития, здоровья и адаптации ребенка, Москва, Российская Федерация

² Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

³ Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

*Почта ответственного автора: katarinatutor@gmail.com

Аннотация

Введение. Госпитальная педагогика – направление педагогической науки и практики, ориентированное на обеспечение образовательной поддержки детей и подростков, проходящих длительное лечение в медицинских учреждениях, с целью сохранения непрерывности образования. Цель исследования – проведение систематического мониторинга и анализа контингента обучающихся проекта госпитальных школ «УчимЗнаем». **Методы.** Сбор данных проводился на региональных площадках проекта госпитальных школ «УчимЗнаем» в Белгороде, Волгограде, Екатеринбурге, Ижевске, Ставрополе, Тамбове, Чите и Ярославле. В исследовании приняли участие 250 обучающихся, нуждающихся в длительном лечении. Использовались методы контент-анализа документов, сбор статистических данных и анализ полученных материалов. **Результаты.** В выборке преобладают дети с хроническими соматическими заболеваниями, преимущественно злокачественными новообразованиями и патологиями системы кровообращения. Значительная часть обучающихся имеет статус ребенка-инвалида и нуждается в тьюторском сопровождении и специальных образовательных методах. Почти все дети проходят длительное стационарное

лечение. Психолого-педагогическая диагностика показала, что подавляющее большинство обучающихся не имеют серьезных ограничений для учебы, сохраняют работоспособность и обладают высокой учебной мотивацией. Большинство также готовы к совместной деятельности со сверстниками. У детей с инвалидностью уровень высокой мотивации ниже, а проблемы с работоспособностью встречаются чаще, однако готовность к совместной деятельности остается высокой. Обучение организовано по индивидуальным учебным планам с учетом талантов и образовательных устремлений пациентов. **Обсуждение результатов.** Персонализированный подход, индивидуализация обучения, психологическая поддержка ребенка и семьи, а также концепция «заботливой школы» способствуют преодолению трудностей, связанных с заболеванием, и обеспечивают сохранение достойного качества жизни в период длительного лечения, что свидетельствует о высокой эффективности системы госпитальных школ.

Ключевые слова

госпитальная педагогика, дети, нуждающиеся в длительном лечении, особые образовательные потребности, госпитальные школы

Для цитирования

Долуев, И. Ю., Зорина, Е. С., Курикалова, Н. М., Лоскутов, А. Ф. (2025). Госпитальная педагогика: проблемы и перспективы развития в современном обществе. *Российский психологический журнал*, 22(2), 170–190. <https://doi.org/10.21702/gggg9n64>

Введение

Доля детей в возрасте до 18 лет, имеющих плохое или очень плохое состояние здоровья, составляет 5% от общей численности детей, а численность детей-инвалидов, в 2020 году составлявшая 2,3% от общей численности всех детей в Российской Федерации, в 2024 году поднялась до 2,6% (779 308 человек, по данным Росстата). Различные данные указывают, что в последние годы менее трети российских детей и подростков относятся к практически здоровым, остальные имеют функциональные нарушения или хронические заболевания, которые, в ряде случаев, приводят к инвалидности (Лоскутов, Пурышева, 2022). Сложившаяся ситуация определяет возрастающее внимание государства и общества к проблемам развития детей с жизнеугрожающими заболеваниями и к вопросам образовательной инклюзии (Шариков, Волкова, 2023).

Тяжелые болезни в раннем возрасте и сопутствующие им нарушения адаптации, вызванные длительной госпитализацией, нарушением привычного образа жизни, социальной изоляцией, неопределенностью и непредсказуемостью

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА

течения заболевания, прерыванием процесса обучения в школе, потерей ребенком уверенности в своем будущем, определяют риски нарушений развития детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья. Исследования нацелены на поиск способов и средств поддержания психоэмоционального состояния детей с ограниченными возможностями здоровья, находящихся на стационарном лечении, и расширение их адаптационных возможностей (Di Padova et al., 2024; Almazroui, 2023; Sánchez-Jáuregui et al, 2023; Горелов, 2024). Обеспечение непрерывного образования для всех категорий детей – приоритетная задача, отражающая конституционное право каждого ребенка на получение качественного образования (Шариков, Волкова, 2023).

Роль госпитальных школ в обеспечении доступа к качественному образованию детей, находящихся в условиях госпитализации

Предоставление возможности получения непрерывного, качественного и доступного образования является значимой задачей государства, для решения которой, во-первых, необходимо глубокое понимание образовательных и психологических потребностей детей и подростков в ситуации госпитализации, и, во-вторых, разработка моделей и практик госпитальных школ.

Госпитализация – стрессогенное, угрожающее событие в жизни ребенка, которое обостряется еще и рисками изоляции ребенка, его дезадаптации и «оторванности» от привычной жизни (Палаткина, Батыршин, 2023; Дубинина, Алехин, 2023). Ситуация длительной болезни или хронического заболевания может приводить к тому, что дети могут часто отсутствовать на занятиях в школе, что приводит к отставанию в освоении школьной программы или повторном обучении в одном и том же классе (Hen & Gilan-Shochat, 2022); из-за длительной изоляции терять привычные контакты с близкими, одноклассниками (Гусев, 2022); испытывать нарушения, вызванные болезнью и лечением, которые будут замедлять развитие ребенка и снижают его академическую успеваемость (Шамянов и др., 2023). По оценкам исследователей, распространенность образовательных и психологических проблем у детей с ограниченными возможностями здоровья почти в 2 раза выше по сравнению с популяцией в целом (Martinez & Ercikan, 2009), соответственно, и необходимость оказания детям психологической поддержки выше, чем у сверстников (Палаткина, Батыршин, 2023), а длительные и повторяющиеся периоды госпитализации увеличивают риск возникновения проблем в дальнейшей жизни ребенка (Буслаева, 2019).

Образование выступает для ребенка не просто процессом получения знаний, но системообразующим компонентом его личностного, когнитивного и социального развития (Фельдштейн, 1985). Госпитализация ребенка, особенно при длительном или хроническом заболевании, не только сопряжена с медицинскими рисками, но и нарушает один из важнейших факторов его нормального развития – непрерывность образования (Бадил, Любимов, 2012). Прерывание учебного процесса, утрата школьной рутины, вынужденная изоляция от образовательной среды и социальных связей приводят к снижению учебной мотивации и риску выпадения из системы

образования в целом (Hen & Gilan-Shochat, 2022; Glozman & Plotnikova, 2021). Учитель для ребенка, находящегося в условиях болезни или госпитализации, становится не просто источником знаний, но и важной фигурой поддержки: педагог помогает осмыслить и пережить опыт, связанный с пребыванием в больнице, и выступает посредником между ребенком, медицинским персоналом и внешним миром (Hen & Gilan-Shochat, 2022).

Специально организованное образовательное сопровождение, реализуемое через госпитальные школы, – необходимость для детей, находящихся в условиях госпитализации (Лоскутов и др., 2023).

Госпитальная педагогика и российская модель госпитальных школ

В настоящее время практически во всех развитых странах мира в медицинских учреждениях, где находятся на лечении дети и подростки, независимо от диагностированного у них заболевания и сроков пребывания в стационаре, созданы образовательные учреждения для этой категории юных пациентов, получившие название «госпитальные школы» (Inogamova, 2024). Госпитальная педагогика как направление научной мысли и самостоятельный раздел педагогики получила импульс к своему развитию в России с появлением в 2014 году инновационного проекта «УчимЗнаем».

В Российской Федерации в рамках проекта «УчимЗнаем» была спроектирована, апробирована и внедрена в практику модель госпитальных школ страны. Важнейшая задача проекта «УчимЗнаем» – обеспечение конституционного права детей на получение качественного образования, доступа ребенка и его родителей к полноценной образовательной среде непосредственно там, где они вынуждены длительно находиться в силу сложившихся жизненных обстоятельств, – в медицинском стационаре (Шариков, Волкова, 2023). Обучение детей в рамках госпитальной школы выстраивается через индивидуальные образовательные траектории на основе «Карты индивидуальных потребностей» и ведется в больничных классах, палатах или дистанционно при участии специализированных госпитальных педагогов-тьюторов; проект «УчимЗнаем» обеспечивает непрерывность образования, поддерживает учебную мотивацию и социальную адаптацию детей, помогает им возвращаться в общеобразовательную среду после лечения, а также активно развивает госпитальную педагогику как самостоятельное направление (Долуев, Арбузова, 2017; Шариков, Волкова, 2023).

Задача госпитальной школы – «обеспечить непрерывность физического, психического и социального развития детей и подростков в условиях длительного лечения в медицинских организациях» (Долуев, 2025, с. 7); интегрировать в госпитальных условиях обучение и воспитание; госпитальная школа позволяет создать образовательную среду, включающую уроки, внеурочные занятия, игры и мероприятия, в самой детской больнице, с учетом индивидуальных образовательных потребностей каждого ребенка. Более того, педагогу в условиях госпитальной школы

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА

необходимо принимать во внимание, что госпитализированные дети и подростки сталкиваются с болью, страхом, ощущением беспомощности и неуверенности, потерей привычного образа жизни и своей автономности (Hen & Gilan-Shochat, 2022), и сохранять индивидуальный, поддерживающий подход к обучению детей и подростков.

«Госпитальная педагогика» отождествляется с образовательной практикой в условиях больницы, выходящей за рамки привычной образовательной среды и направленной на планирование и осуществление педагогической поддержки учащихся, находящихся на лечении в больнице, с учетом их образовательных возможностей и потребностей (Oliveira et al., 2023; Äärelä et al., 2016). Нами госпитальная педагогика рассматривается и как тип новой педагогики, который еще находится в стадии развития, и как стратегия, позволяющая длительно болеющим детям и подросткам преодолеть болезнь, а также укрепить межатраслевую и междисциплинарную деятельность по восстановлению и укреплению здоровья; как процесс, который «...выходит за рамки обучения формальному содержанию и принимает формы самовыражения и манифестаций, которые являются частью эволюции и всестороннего совершенствования человека» (Jiménez et al., 2019).

Движение научной мысли в области госпитальной педагогики, по мнению исследователей, изучивших лучшие практики оказания образовательной поддержки госпитализированным учащимся в Квинсленде (Австралия), начинается со следующих общих для всех стран пяти тем, вокруг которых выстраиваются другие более конкретные темы, отражающие в том числе национальные особенности образования:

1. Непрерывность образования (плавный переход от одной ступени образования к другой, оценивание, вовлечение учащихся в образовательную деятельность и др.);
2. Доступ к обучению (широкий диапазон образовательных услуг на всех этапах лечения и выздоровления, инновационные методы обучения, ресурсное обеспечение, равенство участников образовательного процесса и др.);
3. Высокое качество преподавания и обучения (благоприятная образовательная среда, федеральная образовательная программа, индивидуализированная дифференциация обучения, профессиональная подготовка учителей, социально-эмоциональное обучение, профтехобразование и др.);
4. Принадлежность к образовательному сообществу (образовательное сообщество госпитальной школы, кадры и местное сообщество, принадлежность школе, школа по месту жительства, сообщество учителей и др.);
5. Междисциплинарное сотрудничество (обмен информацией между медиками и педагогами, родителями, поддержание коммуникации, продуктивное взаимодействие, понимание ролей и зон ответственности и др.) (Bond, 2019).

Целью данной статьи является проведение систематического мониторинга и анализа контингента обучающихся проекта госпитальных школ «УчимЗнаем, а также

анализ существующих проблем и перспектив развития госпитальной педагогики в современном обществе, сбор и анализ эмпирических данных, позволяющих описать характеристики реализации обучения школьников региональных площадок проекта «УчимЗнаем», и выявить актуальные потребности и вызовы в обучении и воспитании детей с хроническими соматическими заболеваниями.

Методы

Далее рассмотрим статистические данные, описывающие характеристики реализации обучения школьников региональных площадок проекта «УчимЗнаем», принявших участие в исследовании, особенности функционирования и жизнедеятельности госпитальных школ. Мы считаем важным проведение периодического мониторинга и анализа полученных данных о контингенте обучающихся, так как именно выявление актуальной информации об образовательных потребностях, характеристиках личностной сферы, особенностях психофизиологического статуса выступает определяющим внутренней структуры организации учебного и воспитательного процесса, системы психологической поддержки.

Эмпирическое исследование проводилось на базе региональных площадок проекта госпитальных школ «УчимЗнаем», охватывающего различные субъекты Российской Федерации. В выборку вошли 250 обучающихся, находящихся на длительном лечении и обучающихся в условиях госпитальных школ. География исследования включала следующие города: Белгород ($n = 5$), Волгоград ($n = 119$), Екатеринбург ($n = 7$), Ижевск ($n = 35$), Ставрополь ($n = 32$), Тамбов ($n = 15$), Чита ($n = 10$) и Ярославль ($n = 27$). В качестве методов сбора и анализа данных использовались контент-анализ документации, работа с первичными источниками, сбор статистических показателей, а также последующий анализ эмпирического материала с применением методов описательной (дескриптивной) статистики.

Результаты

Обучающиеся госпитальной школы: социодемографические данные

Общий объем выборки обучающихся госпитальных школ составил 250 человек. Среди респондентов 135 мальчиков и 115 девочек.

Возрастная категория обучающихся ($n = 250$, средний возраст – 11,88 года) находится в диапазоне от 7 до 17 лет. Респондентов в возрасте 7 лет – 5 человек (2,0 %), 8 лет – 30 человек (12,0 %), 9 лет – 22 человека (8,8 %), 10 лет – 30 человек (12,0 %), 11 лет – 29 человек (11,6 %), 12 лет – 22 человека (8,8 %), 13 лет – 32 человека (12,8 %), 14 лет – 31 человек (12,4 %), 15 лет – 24 человека (9,6 %), 16 лет – 22 человека (8,8 %), 17 лет – 3 человека (1,2 %).

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА

Семейное положение респондентов отражает разнообразие социальных условий их воспитания. Большинство детей ($n = 183$; 73,2 %) воспитываются в полных семьях, в то время как 53 ребенка (21,2 %) проживают в неполных семьях. В многодетных семьях воспитываются 3 участника исследования (1,2 %). Еще 3 ребенка (1,2 %) находятся на воспитании у матери-одиночки, 4 (1,6 %) находятся под опекой государства. В отношении 4 респондентов (1,6 %) информация о семейном статусе предоставлена не была.

Дети, которые обучаются в госпитальных школах, имеют различные соматические заболевания: распределение респондентов по классу заболеваний представлено в таблице 1.

Таблица 1

Распределение обучающихся в госпитальной школе респондентов по классу заболеваний

Класс заболевания	Количество респондентов (n)	Доля от общего числа респондентов (%)
Злокачественные новообразования (C)	135	54,0 %
Врожденные аномалии, деформации и хромосомные нарушения (Q)	3	1,2 %
Болезни эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ (E)	6	2,4 %
Болезни системы кровообращения (I)	47	18,8 %
Болезни органов пищеварения (K)	7	2,8 %
Болезни нервной системы (G)	10	4,0 %
Болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани (M)	6	2,4 %
Другие соматические заболевания	36	14,4 %

Данные говорят о том, что злокачественные новообразования являются наиболее распространенными заболеваниями, с которыми дети поступают на лечение в стационар медицинского учреждения и обучаются в госпитальной школе во время лечения. Распространены болезни системы кровообращения, болезни нервной системы. К категории «другие соматические заболевания» относятся такие

заболевания, как пурпура и другие геморрагические состояния, бета-талассемия, болезни глаза и его придатков (H00-H59), кожные болезни (L), васкулиты и др.

У 167 детей есть статус ребенка-инвалида, и у 62 детей есть заключение Психолого-медико-педагогической комиссии (далее – ПМПК). Индивидуальное тьюторское сопровождение по заключению ПМПК требуется 54 детям. Специальные методы обучения требуются 19 детям и заключаются в организации дополнительного времени на отдых, сокращенного режима учебной нагрузки, увеличения времени выполнения заданий, эмоциональной поддержки, совместной деятельности, планировании деятельности, частой смены видов деятельности, ориентировки в задании, наглядных опор, дополнительных пояснений. Специальные учебники и учебные пособия требуются 10 детям. Этим детям требуются учебники для слабовидящих и слепых, для лиц с нарушением интеллекта, для детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата (далее – НОДА), электронные учебники. Специальные технические средства и специальная организация рабочего места требуются 9 детям, а именно тифлотехнические и оптические средства, средства для альтернативной коммуникации, доступ к компьютеру, специальная парта, кресло-коляска, вертикализаторы, трость.

Анализ длительности пребывания детей в условиях госпитализации на региональных площадках Проекта госпитальных школ «УчимЗнаем» демонстрирует преобладание случаев длительного лечения: 232 обучающихся (92,8 %) находятся на стационарном лечении более 21 дня, что указывает на хронический или затяжной характер заболеваний. Лишь 18 детей (7,2 %) обучались в условиях краткосрочной госпитализации (до 21 дня); полученные данные подчеркивают необходимость в системном и непрерывном образовательном сопровождении детей в условиях длительного медицинского вмешательства.

До госпитализации дети обучались по различным формам: большинство респондентов (221 ребенок) обучались очно (88,4 %), 2 – находились на семейном обучении (0,8 %), 22 – на очно-заочном (8,8 %), 4 – на заочном (1,6 %), 1 – на самообразовании (0,4 %). По месту получения образования до начала госпитализации: 233 ребенка – в образовательной организации (92,8 %), 10 – на дому (4,4 %), 5 – в медицинской организации (2 %), 1 – по иной форме (0,8 %), еще 1 участник (0,8 %) не предоставил информацию.

Психолого-педагогическая диагностика обучающихся госпитальной школы

Анализ данных психолого-педагогической диагностики обучающихся показал, что большая часть респондентов не имеет значительных ограничений для учебной деятельности: 224 ребенка (89,6 %) характеризуются как обучающиеся без ограничений, умеренные ограничения выявлены у 2 человек (0,8 %), незначительные – у 17 (6,8 %), значительные ограничения диагностированы у 1 ребенка (0,8 %), при этом 6 участников (2,4 %) не проходили обследование.

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА

Состояние работоспособности распределилось следующим образом: сохранная – у 205 обучающихся (82 %), сниженная – у 35 (14 %), низкая – у 7 (2,8 %), без указания статуса – 3 (1,2 %).

Готовность к совместной деятельности со сверстниками проявлена у 237 детей (94,8 %), отсутствует у 9 (3,6 %), не указана у 4 (1,6 %).

Результаты проведенной у обучающихся диагностики учебной мотивации представлены в таблице 2.

Таблица 2

Результаты психолого-педагогической диагностики учебной мотивации у обучающихся госпитальных школ

Уровень мотивации	Количество обучающихся (n)	% обучающихся
Высокая	149	59,5 %
Средняя	74	29,6 %
Низкая	27	10,9 %

У обучающихся преобладает высокая учебная мотивация (зафиксирована у 59,5% респондентов), средний уровень учебной мотивации отмечен у 29,6%, а низкий – у 10,9%.

Для более подробного анализа учебной мотивации у обучающихся госпитальных школ, нами был проведен анализ распределения уровней мотивации у обучающихся с различными категориями болезни, результаты которого представлены в таблице 3.

Таблица 3

Результаты анализа распределения уровней мотивации у обучающихся с различными категориями болезни

Категория заболевания	Высокий уровень мотивации, %	Средний уровень мотивации, %	Низкий уровень мотивации, %
Злокачественные новообразования (С)	60,6	30,3	9,1
Болезни системы кровообращения (I) (включая заболевания крови)	62,6	27,7	9,7
Центральная нервная система (ЦНС) (G)	50,0	50,0	0,0
Болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани (M)	83,3	16,7	0,0

Категория заболевания	Высокий уровень мотивации, %	Средний уровень мотивации, %	Низкий уровень мотивации, %
Болезни органов пищеварения (К)	57,1	42,9	0,0
Болезни эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ (Е)	16,7	33,3	50,0
Врожденные аномалии, деформации и хромосомные нарушения (Q)	0,0	33,3	66,7
Другие соматические заболевания	66,7	0,0	33,3

Анализ распределения уровней учебной мотивации среди различных групп заболеваний выявил, что наиболее высокий уровень мотивации демонстрируют дети, страдающие болезнями костно-мышечной системы и соединительной ткани (83,3 %), заболеваниями системы кровообращения (65,5 %) и онкологическими патологиями (60,6 %). Напротив, преобладание низкой мотивации наблюдается среди детей с эндокринными нарушениями (50,0 %) и врожденными пороками развития (66,7 %).

Отдельно были проанализированы особенности учебной мотивации, работоспособности и готовности к совместной деятельности у обучающихся с наличием и отсутствием инвалидности, которые представлены в таблице 4.

Таблица 4

Сравнительные показатели учебной мотивации, работоспособности и готовности к совместной деятельности у детей с инвалидностью и без инвалидности

Показатель	У обучающихся с наличием инвалидности, %	У обучающихся с отсутствием инвалидности, %
Учебная мотивация		
– высокая	54,2	69,4
– средняя	31,3	25,0
– низкая	12,7	5,6

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА

Показатель	У обучающихся с наличием инвалидности, %	У обучающихся с отсутствием инвалидности, %
Работоспособность		
– сохранный	79,5	87,5
– сниженный	17,5	8,3
– низкий	2,4	2,8
Готовность к совместной деятельности		
– есть	95,2	93,1
– нет	3,6	4,2

У детей с инвалидностью уровень высокой учебной мотивации (54,2 %) заметно ниже, чем у сверстников без инвалидности (69,4 %), при этом доля детей с низкой мотивацией почти вдвое выше (12,7 % против 5,6 %). Аналогичная тенденция наблюдается и в показателях работоспособности: среди детей с инвалидностью: сохранный работоспособность фиксируется реже (79,5 % против 87,5 %), а сниженный – значительно чаще (17,5 % против 8,3 %). При этом готовность к совместной деятельности со сверстниками остается высокой в обеих группах и не демонстрирует существенных различий.

По результатам психолого-педагогических заключений, составленных для обучающихся выборки, можно выделить следующие приоритетные направления психологической работы, выделенные специалистами Проекта «УчимЗнаем»: гармонизация эмоционального состояния (актуальная для 72% респондентов), развитие эмоционально-волевой сферы, навыков эмоциональной регуляции (50%), развитие самосознания, повышение уверенности в себе (46%), развитие коммуникативных навыков, расширение социальных контактов, формирование продуктивных взаимоотношений (42%), помощь в адаптации к новым социальным условиям (40%), расширение мотивационно-потребностной сферы (26%), формирование мотивационной готовности к учебной деятельности и внутренней позиции школьника (14%), развитие самостоятельности, формирование навыков самоконтроля (14%), формирование навыков социально-бытовой ориентировки (8%), развитие социальной компетентности, соблюдение норм и правил поведения (8%), активизация личностного и профессионального самоопределения (12%).

Организация занятий в госпитальной школе

В региональных площадках Проекта госпитальных школ «УчимЗнаем» обучающиеся изучают такие предметы, как математика, окружающий мир, русский язык, родной

язык, литературное чтение, иностранный язык, ИЗО, технология (труд), музыка, основы религиозных культур и светской этики, родная литература, второй иностранный язык, информатика, история, обществознание, география, физика, химия, биология, основы безопасности и защиты Родины.

Расписание занятий в госпитальной школе формируется на основе взаимодействия лечащего врача, педагогов, самого ребенка и его законных представителей. Оно обладает высокой гибкостью и может корректироваться с учетом текущего состояния здоровья ребенка по согласованию с медицинским специалистом. Индивидуальные занятия приостанавливаются в случае ухудшения самочувствия или выраженной утомляемости ребенка. В рамках групповых занятий ребенок вправе покинуть урок при невозможности его дальнейшего продолжения вследствие состояния здоровья. Отмененные или перенесенные занятия могут быть организованы в другие дни, когда состояние ребенка стабилизируется. Данное обстоятельство является ключевым отличием образовательного процесса в госпитальной школе от традиционных учебных заведений: расписание составляется на недельной основе и при необходимости корректируется в течение этого периода, что обеспечивает адаптивность обучения в соответствии с реальными потребностями и состоянием ребенка.

Если для зарубежных госпитальных школ первостепенной задачей является обеспечение плавного перехода из госпитальной школы в школу по месту жительства по окончании лечения, и именно в последней чаще всего и будут сдаваться выпускные экзамены (в редких случаях экзамены могут быть организованы непосредственно в больнице), то российским госпитальным школам предоставлено право проводить итоговую государственную аттестацию (в различных форматах) в пункте проведения экзаменов в больнице, не привлекая школы по месту жительства и таким образом, обеспечивая непрерывность в образовании и переход от одной ступени образования к другой.

На региональных площадках Проекта госпитальных школ «УчимЗнаем» реализуются программы дополнительного образования по различным направлениям: художественному, естественнонаучному, спортивному, туристическому, социальному, гуманитарному и техническому.

Обсуждение результатов

Общая выборка нашего исследования составила 250 обучающихся (135 мальчиков и 115 девочек) в возрасте от 7 до 17 лет (средний возраст 11,9 года). Распространенными заболеваниями среди обучающихся являлись злокачественные новообразования (54,0 %), болезни системы кровообращения (18,8 %), а также нервной системы, и другие соматические патологии. Для обучающихся с онкологическими заболеваниями, которые составляют значительную часть выборки, по результатам исследования Dinç et al. (2023), особенно необходимо обучение в госпитальной школе: в условиях

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА

изменения жизни и лишения их привычной повседневной деятельности посещение госпитальной школы выступает поддерживающим психоэмоциональное состояние фактором.

Большинство детей (73,2 %) воспитываются в полных семьях, 21,2 % – в неполных, 1,2 % – в многодетных семьях, а 4,4 % находятся под опекой или воспитываются матерью-одиночкой. Важно отметить, что учет социодемографических данных респондентов важен, поскольку среди предикторов, влияющих на результаты обучения детей с хроническими заболеваниями, выделяют отношение ребенка к учебе, последовательный стиль семейного воспитания и социально-экономическое положение семьи. Для детей с хроническими заболеваниями, которые находятся на лечении в больницах в течение продолжительного времени, указанные факторы оказывают серьезное влияние на академическую успеваемость на более поздних этапах детства (Barnett et al., 2018).

У 167 детей зарегистрирован статус ребенка-инвалида, 62 имеют заключение ПМПК, 54 из них нуждаются в тьюторском сопровождении, 19 – в специальных методах обучения, 10 – в адаптированных учебных пособиях и 9 – в технических средствах. Особые образовательные потребности учащихся госпитальных школ отмечаются в ряде исследований (Holanda & Collet, 2011; Balfanz & Byrnes, 2012), и важной задачей, с которой справляются педагоги-психологи госпитальных школ, выступает дифференциация этих потребностей: в нашем исследовании у большинства обучающихся важной задачей психолого-педагогической поддержки является гармонизация эмоциональной сферы, в чем помогают дополнительные и творческие занятия.

Среди выборки большинство обучающихся длительно пребывают в стационаре – 92,8 % обучающихся госпитальных школ находятся на лечении более 21 дня. Данный факт особенно подчеркивает, насколько большую роль в жизни ребенка или подростка занимает больница. И, как отмечают Holanda & Collet (2011), важно, чтобы дети и подростки не воспринимали больницу как место только боли и страданий: госпитальные условия должны стать для них пространством развития, игр, педагогических и развлекательных мероприятий, чтобы развитие не прерывалось. Учитывая тот факт, что в нашей выборке до госпитализации 88,4 % детей обучались очно, ситуация госпитализации выступает для них критическим моментом развития, резкой социальной депривацией, что требует особого внимания педагогов и психологов к сопровождению детей.

Состояние работоспособности у 82 % обучающихся сохранное, у 14 % сниженное. Высокий уровень учебной мотивации выявлен у 59,5 % детей, средний – у 29,6 %, низкий – у 10,9 %. Готовность к совместной деятельности со сверстниками проявлена у 94,8 % респондентов. Сравнение групп с инвалидностью и без выявило более низкий уровень высокой мотивации (54,2 % против 69,4 %) и более высокий уровень низкой мотивации (12,7 % против 5,6 %) у детей с инвалидностью. Также у

них чаще наблюдается сниженная работоспособность (17,5 % против 8,3 %). Naeemya & Yoneda (2024) отмечают, что обучающиеся госпитальных школ действительно могут демонстрировать достаточно высокие показатели учебной мотивации, обусловленные стремлением сохранить связь с привычной образовательной средой, вернуться к нормальной жизни и продолжить обучение наряду со сверстниками (Naeemya & Yoneda, 2024).

Пропуски занятий в госпитальной школе, как правило, обусловлены уважительными причинами и объективными обстоятельствами, связанными с особенностями течения заболевания, обострениями, послеоперационным восстановлением и проведением интенсивных медицинских процедур. Согласно полученным данным, наиболее распространенным является отсутствие на занятиях 1–2 раза за учебный год – такую динамику демонстрируют 65,4% обучающихся. Пропуски один раз в месяц встречаются у 12,6% детей, один раз в четверть – у 17,8%. У 4,2% обучающихся отсутствуют пропуски вовсе. Продолжительность вынужденного отсутствия варьируется: около 20% школьников пропускают занятия в течение одной недели, 56,4% – в течение двух недель, 9,6% – от двух до трех недель, и 14% – более пяти недель.

Неоднократные перерывы в обучении в течение учебного года, получившие название «хроническое отсутствие/хронические пропуски», в среднем составляют 2 учебных дня в месяц или 18 дней в течение учебного года, что равно 10% всего учебного времени, имеют негативные последствия для обучающихся, их академической успешности вплоть до исключения из школы из-за неуспеваемости и невозможности продолжать обучение по окончании школы (Balfanz & Byrnes, 2012). Госпитализация как ситуация изоляции может приводить к потере у обучающегося социальных связей, отсутствию взаимодействия с друзьями и лишению стимулов во время госпитализации (Ludgerio et al., 2023).

Госпитальные школы призваны сократить пропуски учебных занятий, предоставив обучающимся возможность работать в подходящее время и в допустимом темпе, а также минимизировать или полностью устранить последствия пропусков, приводящих к отставанию в освоении школьной программы, особенно в тех случаях, когда предотвратить пропуски не представляется возможным.

Подходы к изучению эффектов госпитальной педагогики

В основном исследователями рассматриваются правовой, инклюзивный и социокультурный подходы к описанию проблем образования детей, находящихся на длительном лечении (Lizasoain & Polaino-Lorente, 1996; Souza & Rolim, 2019).

Правовой подход подразумевает непрерывное взаимодействие всех субъектов образования вне стен медицинского учреждения и рассмотрение правовых вопросов регулирования деятельности госпитальных школ с учетом регионального социально-экономического статуса страны и региона (Molero & Romero, 2019).

Инклюзивный подход предполагает обеспечение полноценности жизни ребенка и участия в жизни общества, а также практические особенности включения его на условиях равноправия в образование (Ganem & Silva, 2019). Когда речь заходит об инклюзии, зарубежные исследования в основном носят описательный характер и отражают индуктивный исследовательский подход.

Меньшая часть исследований использует социокультурный подход к изучению процесса образования длительно болеющих школьников, уделяя особое внимание особенностям работы педагога в больничной палате (Gomes & Marchesan, 2009; Souza & Rolim, 2019; Lozano, 2020). Исследуется педагогическая практика с точки зрения детерриторизации, то есть парадигменного сдвига, связанного со сменой места работы учителя – переходом из общеобразовательной школы в госпитальную.

Эффективность образовательных практик в области госпитальной педагогики

В области госпитальной педагогики накоплено значительное число примеров образовательных практик, которые необходимо оценить с точки зрения эффективности. Однако количество фактических данных об эффективности мер образовательной поддержки и улучшения результатов обучения детей и подростков с хроническими заболеваниями ограничено. Одна из попыток анализа эффективности была предпринята группой исследователей во главе с Тони Барнеттом. В полнотекстовом обзоре были определены 4 контролируемые исследования различных программ поддержки образования, направленных в основном на детей с онкологическими заболеваниями. Доказательства их эффективности по мнению автора – неубедительны (Barnett, 2020). В результате обзора статей его авторы не могут утверждать с полной уверенностью, улучшают ли мероприятия по поддержке образования академическую успеваемость или вовлеченность в учебу учащихся с хроническими заболеваниями. Проанализированные статьи не дали уверенности и в том, улучшат ли мероприятия по поддержке образования возвращение учащихся после лечения в школу. Ни в одном проанализированном исследовании не использовался стандартный валидизированный показатель вовлеченности в учебу и валидизированный показатель качества жизни. Измерение качества жизни важно как для оценки эффективности мероприятий по поддержке образования, так и для оценки экономической эффективности мероприятий образовательной поддержки детей и подростков с хроническими заболеваниями (Barnett et al., 2023).

Обращаясь к систематическому анализу зарубежных публикаций, в которых представлены результаты эмпирических исследований, посвященных развитию госпитальной педагогики в период с 2000 года, стоит отметить преобладающие количество именно описательных статей, что косвенным образом указывает на состояние педагогической науки за рубежом. В большинстве исследований речь идет о теоретических основах инклюзивного образования для длительно болеющих детей и их гражданских правах.

Различия в определении понятия «госпитальная педагогика» в России и за рубежом, тем не менее, не приносят значимые отличия в тематику научных исследований. Так как все образовательные программы, несмотря на различные образовательные контексты, преследуют общую цель – обеспечить академическую поддержку и непрерывность образования и развития длительно болеющих детей и подростков и таким образом улучшить их благополучие.

Учитывая указанные выше факторы, исследователи пришли к выводу о том, что во время госпитализации детям и подросткам должен быть обеспечен доступ к высококачественному образованию: «Обучение – лучшее лечение» (Almazroui, 2023).

Отдельной темой становится подбор кадров для флагманской площадки проекта «УчимЗнаем», определение квалификационных характеристик и требований к компетенциям, личностным качествам, ценностям госпитального педагога, создание внутренней системы непрерывного профессионального развития, методического сопровождения (Шариков, Волкова, 2023). Подбор кадров является достаточно значимой проблемой в области госпитальной педагогики, поскольку отсутствие политики и адекватной подготовки учителей в контексте именно работы с детьми в условиях госпитализации, высокий уровень рабочей нагрузки из-за неблагоприятных условий труда обуславливают трудности подбора персонала (Ávalos & Fernández, 2021).

Перспективы развития госпитальной педагогики в современном обществе

Современное развитие госпитальной педагогики сопряжено с рядом вызовов, среди которых ключевым остается необходимость научно обоснованной оценки эффективности реализуемых образовательных практик. Несмотря на накопленный в ряде стран опыт организации обучения детей с хроническими заболеваниями в условиях госпитализации, систематизированных эмпирических данных о реальных результатах подобных вмешательств все еще недостаточно: перспективой развития госпитальной педагогики является, конечно, расширение научных исследований в данной области.

Современная госпитальная педагогика в России формируется на стыке психологии и педагогики и определяет основные направления развития научных исследований в области образования и развития детей, нуждающихся в длительном лечении в стационарах медицинских учреждений и на дому. Такой подход в полной мере позволяет интегрировать психологическое знание в сферу педагогики. Педагогический процесс в госпитальной школе опирается на единство воспитания и обучения, постоянное взаимодействие педагогов и учащихся, ориентированное на гармоничное развитие личности ребенка во время долгосрочного лечения. Педагогическая система современной госпитальной школы – это совокупность

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА

взаимосвязанных компонентов, которые ставят главной целью обеспечение качественного, доступного и непрерывного образования и удовлетворение потребностей личности каждого ребенка в ее развитии и саморазвитии. В перспективе развитие госпитальной педагогики в России связано с углублением междисциплинарного подхода, в котором психология и педагогика работают совместно для создания целостной образовательной среды, способной учитывать как когнитивные, так и эмоциональные, мотивационные, личностные особенности ребенка, проходящего длительное лечение (Crespo Molero & Sánchez Romero, 2019).

Значимой перспективой развития госпитальной школы является совершенствование подготовки кадров, поскольку основным стимулом для развития детей является человек, который каждый день вовлекает их в активность и обеспечивает им продуктивную деятельность (Holanda & Collet, 2011). Разработка образовательных программ повышения квалификации, создание системы методической поддержки и наставничества, внедрение стандартов профессиональной деятельности в госпитальной школе – все это становится важными направлениями будущего развития данной сферы.

Заключение

Госпитальная педагогика – это инновационное направление, которому предстоит нарастить теоретический базис и собрать эмпирические данные с учетом современного высокотехнологичного этапа развития наук о человеке.

При большом разнообразии национальных (государственных) подходов, гуманистическая парадигма является системообразующей при обучении детей, нуждающихся в длительном лечении. В Российской Федерации наиболее распространенной нозологической группой заболеваний у детей, которые обучаются в стационарах медицинских учреждений, являются болезни онкогематологического профиля. Среди обучающихся госпитальных школ есть дети с ограниченными возможностями здоровья, инвалидностью, паллиативным статусом, ученики, нуждающиеся в тьюторском, психолого-педагогическом сопровождении, коррекционной работе логопеда, дефектолога, социального педагога. Это актуализирует необходимость наличия ставок данных специалистов в кадровом обеспечении госпитальных школ.

Анализ индивидуальных учебных планов продемонстрировал, что все предметы Федерального государственного образовательного стандарта преподаются детям, нуждающимся в длительном лечении. Гибкость в планировании учебного расписания, возможность реализации гибридных форм занятий, индивидуальное обучение или участие в малой группе, проведение государственной итоговой аттестации в пространстве больницы, развитая система дополнительного образования – все это является ключевыми компонентами образовательной среды в лечебных учреждениях для детей, нуждающихся в длительном лечении, и объединяет госпитальные школы России с флагманской площадкой проекта «УчимЗнаем» в городе Москве. Можно

заклучить, что благодаря деятельности проекта госпитальных школ «УчимЗнаем» реализуется программа по созданию и сопровождению госпитальных школ в субъектах Российской Федерации.

Литература

- Бадил, В.А., Любимов, М.Л. (2012). Инклюзивные классы как вариант развития инклюзивного образования. *Национальный психологический журнал*, 2, 132–135.
- Буслаева, А. С. (2019). Эмоциональные состояния хронически больных детей и подростков в условиях госпитализации. *Вопросы психического здоровья детей и подростков*, 19(3), 13–20.
- Горелов В. Ю. (2024). Распознавание эмоций молодыми людьми с ограниченными возможностями здоровья. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 7(2), 50–63. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-2-50-63>
- Гусев, И. А. (2022). Ключевые этапы развития госпитальной педагогики в рамках модели проекта госпитальных школ России «УчимЗнаем». *Наука и школа*, 1, 149–161.
- Долуев, И. Ю. (2025). Российская модель госпитальных школ. *Вестник Мининского университета*, 13(1), 7.
- Долуев, И. Ю., Арбузова, К. А. (2017). «УчимЗнаем» – инновационная школа нового поколения. *Интерактивное образование*, 5, 22–25.
- Дубинина, Е. А., Алехин, А. Н. (2023). Психологические реакции детей на ситуацию хирургического лечения: обзор исследований. *Клиническая и специальная психология*, 12(4), 5–26.
- Лоскутов, А. Ф., Пурышева, Н. С. (2022). Обеспечение непрерывности обучения физике школьников, находящихся на длительном лечении в стационарах медицинских учреждений. *Наука и школа*, 1, 134–148.
- Лоскутов, А. Ф., Шариков, С. В., Ямбург, Е. А., Румянцев, А. Г. (2023). Госпитальная педагогика – современное направление в педагогической науке. *Народное образование*, 1(1496), 166–172. https://doi.org/10.52422/0130-6928_2023_1_166
- Палаткина, Г. В., Батыршин, Р. И. (2023). Генезис госпитальной педагогики. *Педагогические исследования (сетевое издание)*, 2, 161–187.
- Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/>
- Фельдштейн, Д. И. (1985). Психологические закономерности социального развития личности в онтогенезе. *Вопросы психологии*, 6, 26–37.
- Шамионов, Р. М., Григорьева, М. В., Гринина, Е. С., & Созонник, А. В. (2023). Академическая адаптация обучающихся с ограниченными возможностями здоровья. *Перо*.
- Шариков, С. В., Волкова, Т. В. (2023). Госпитальная педагогика как мотивация развития прогрессивного сознания общества и социальной инклюзии. *Современное дошкольное образование: теория и практика. Электронный журнал*, 10, 2–23.
- Äärelä, T., Määttä, K., & Uusiautti, S. (2016). The challenges of parent–teacher collaboration in the light of hospital school pedagogy. *Early Child Development and Care*, 188(6), 709–722. <https://doi.org/10.1080/03004430.2016.1230108>
- Almazroui, K. (2023). Learning as the best medicine: Proposal for SMART schooling for hospitalized children. *Heliyon*, 9(6), e16845. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e16845>
- Ávalos, L., & Fernández, M. B. (2021). Teachers of hospital pedagogy: A systematic review.

- Paidéia (Ribeirão Preto)*, 31, e3139.
- Balfanz, R., & Byrnes, V. (2012). *Chronic absenteeism: Summarizing what we know from nationally available data*. Johns Hopkins University Center for Social Organization of Schools.
- Barnett, T., Giallo, R., Kelaheer, M., Goldfeld, S., & Quach, J. (2018). Predictors of learning outcomes for children with and without chronic illness: An Australian longitudinal study. *Child: Care, Health and Development*, 44(6), 832–840. <https://doi.org/10.1111/cch.12597>
- Barnett, T., Tollit, M., Ratnapalan, S., Sawyer, S. M., & Kelaheer, M. (2020). Evaluating the effectiveness of education support programs for hospitalized students with chronic health conditions: Protocol for a feasibility study of a controlled trial. *Continuity in Education*, 1(1), 126–135. <https://doi.org/10.5334/cie.10>
- Barnett, T., Tollit, M., Ratnapalan, S., Sawyer, S. M., & Kelaheer, M. (2023). Education support services for improving school engagement and academic performance of children and adolescents with a chronic health condition. *Cochrane Database of Systematic Reviews*, 2(2), CD011538. <https://doi.org/10.1002/14651858.CD011538.pub2>
- Bond, T. (2019). Queensland hospital education: New ways moving forward. In *RMHC H.E.L.P. Conference*, Brisbane, Australia.
- Crespo Molero, F., & Sánchez Romero, C. (2019). Students with severe mental disorders: Analysis of the educational attention received in the Community of Madrid. *Psychology, Society, & Education*, 11(1), 113–124. <https://doi.org/10.25115/psye.v10i1.2124>
- Di Padova, M., Pettoello-Mantovani, M., Giardino, I., & Dipace, A. (2024). Educational continuity: The importance of expanding school programs in hospital settings. *The Journal of Pediatrics*, 268.
- Dinç, F., Kurt, A., & Yıldız, D. (2023). Hospital classroom experiences of hospitalized school-age pediatric oncology patients: A qualitative study. *Journal of Pediatric Nursing*, 73, e220–e226.
- Ganem, L. S., & Silva, C. C. B. (2019). Pedagogical home care actions: Possibilities and challenges. *Revista Brasileira de Educação Especial*, 25(4), 587–602. <https://doi.org/10.1590/s1413-65382519000400004>
- Glozman, J. M., & Plotnikova, A. (2021). Learning disabilities in primary school: How to diagnose and remediate with a team approach: The first results. *Psychology in Russia: State of the Art*, 14(4), 38–50. <https://doi.org/10.11621/pir.2021.0403>
- Gomes, R. B. G., Conceição, C. C., & Cavalcante, T. C. F. (2019). The importance of the hospital school program Semear do Recife in the process to continue the schooling of students/patients with cancer. *Revista Brasileira de Estudos Pedagógicos*, 100(256), 633–650. <https://doi.org/10.24109/2176-6681.rbep.100i256.4068>
- Hen, M., & Gilan-Shochat, M. (2022). Exploring the unique professional identity of hospital teachers. *Continuity in Education*, 3(1), 115.
- Holanda, E. R. D., & Collet, N. (2011). The difficulties of educating children with chronic illness in the hospital context. *Revista da Escola de Enfermagem da USP*, 45, 381–389.
- Inogamova, D. R. (2024). History of the development of hospital pedagogy in developed countries and in the Republic of Uzbekistan. *Ekonomika i Sotsium*, 3–1(118), 188–198. <https://doi.org/10.5281/zenodo.10903863>
- Jiménez, N. N. V., Montes, J. E. O., & Alcocer, E. C. P. (2019). Hospital pedagogy: A space of love and recognition for the oncological pediatric patient. *Texto & Contexto Enfermagem*, 28, e20180112. <https://doi.org/10.1590/1980-265X-TCE-2018-0112>
- Ludgerio, M. J. B., Pontes, C. M., Dos Santos, B. L. C., Macedo, E. C., Marinus, M. W. D. L. C., & Leal, L. P. (2023). Pedagogical practices developed with children through hospital classes: An integrative literature review. *Journal of Pediatric Nursing*, 72, e10–e18.

- Martinez, Y. J., & Ercikan, K. (2009). Chronic illnesses in Canadian children: What is the effect of illness on academic achievement, and anxiety and emotional disorders? *Child: Care, Health and Development*, 35(3), 391–401. <https://doi.org/10.1111/j.1365-2214.2008.00916.x>
- Naeemya, M. I., & Yoneda, H. (2024). Students with intensive needs in an inclusive education system: A literature review. *Journal of ICSAR*, 8(2), 204–229. <https://doi.org/10.17977/um005v8i2p204204>
- Oliveira, M. M., Santos, M. B., & Coutinho, M. J. (2023). Pedagogy in hospital setting. *Ibero-American Journal of Humanities, Sciences, and Education*, 9(3), 815–828. <https://doi.org/10.51891/rease.v9i3.8749>
- Sánchez-Jáuregui, T., Téllez, A., Almaraz, D., Valdez, A., Hinojosa-Fernández, R., García-Balvaneda, H., Juárez-García, D.M. (2023). Adverse Childhood Experiences in Mexico: Prevalence and Association with Sociodemographic Variables and Health Status. *Psychology in Russia: State of the Art*, 16(2), 48–62. <https://doi.org/10.11621/pir.2023.0204>
- Souza, Z., & Rolim, C. (2019). The voices of the teachers in the hospital pedagogy: Unveiling possibilities and confrontations. *Revista Brasileira de Educação Especial*, 25(3), 403–420. <https://doi.org/10.1590/s1413-65382519000300004>

Поступила в редакцию: 04.08.2024

Поступила после рецензирования: 11.11.2024

Принята к публикации: 02.12.2024

Заявленный вклад авторов

Иван Юрьевич Долуев – участие в разработке концепции исследования, сбор и обработка эмпирических данных, участие в интерпретации результатов, подготовка текста статьи.

Екатерина Сергеевна Зорина – участие в проектировании исследования, проведение анализа эмпирических данных, участие в обсуждении результатов, литературное оформление текста статьи.

Наталия Михайловна Курикалова – участие в формулировке целей и задач исследования, сбор и систематизация данных, участие в интерпретации результатов, редактирование текста статьи.

Александр Федорович Лоскутов – участие в планировании исследования, обработка и анализ данных, участие в обосновании выводов, подготовка и редактирование текста статьи.

Информация об авторах

Иван Юрьевич Долуев – кандидат исторических наук, заведующий лабораторией госпитальной педагогики ФГБНУ «ИРЗАР», заместитель руководителя Проекта госпитальных школ «УчимЗнаем», Москва, Российская Федерация; Researcher ID: 58197636600, Scopus ID: 58197636600, Author ID: 1068025, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2258-3545>; e-mail: doluev.iy@uchimznaem.ru

Екатерина Сергеевна Зорина – кандидат психологических наук, доцент Московского

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА

государственного психолого-педагогического университета, Москва, Российская Федерация; доцент Донского государственного технического университета, Ростов-на-Дону, Российская Федерация; Researcher ID: KPA-5201-2024, Scopus ID: 57200697513, Author ID: 816778, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0745-4027>; e-mail: katarinatutor@gmail.com

Наталия Михайловна Курикалова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории междисциплинарных исследований в области госпитальной педагогики ФГБНУ «ИРЗАР», методист проектного офиса Проекта госпитальных школ «УчимЗнаем», Москва, Российская Федерация; Researcher ID: HLG-2174-2023, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2679-4737>; e-mail: kurikalova.nm@uchimznaem.ru.

Александр Федорович Лоскутов – кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории госпитальной педагогики ФГБНУ «ИРЗАР», руководитель службы развития кадрового потенциала Проекта госпитальных школ «УчимЗнаем», Москва, Российская Федерация; Researcher ID: HLG-7143-2023, Author ID: 1079392, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0818-1179>; e-mail: loskutov.af@uchimznaem.ru.

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Личностные предикторы донорства ооцитов в России

Ирина Г. Полякова^{*} , Татьяна В. Валиева , Эльвира Э. Сыманюк

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

*Почта ответственного автора: irinapolykova@yandex.ru

Аннотация

Введение. В силу распространения донорства ооцитов как метода решения проблем бесплодия актуальным является вопрос выявления психологических предикторов этого вида донорства. В зарубежных исследованиях описан личностный психологический профиль доноров ооцитов с применением методики ММРІ, целью данной статьи является предоставление результатов исследования личностных особенностей доноров ооцитов на российской выборке. **Методы.** В исследовании приняли участие доноры ооцитов ($n = 67$, средний возраст – 28,70 года), контрольную группу составили женщины, стратифицированные по демографическим признакам ($n = 75$, средний возраст – 28,21 года), отобранные в 2022–2023 годы в Свердловской области. В исследовании применялся клинический опросник СМОЛ, являющийся одним из самостоятельных тестов семейства ММРІ. Для обработки данных использовались критерий λ -Колмогорова-Смирнова, критерий U-Манна-Уитни, дискриминантный анализ, эксплораторный факторный анализ. **Результаты.** Построен профиль личности доноров ооцитов, в котором все шкалы находятся в диапазоне нормативных значений, кроме шкал Депрессия (D), Истерия (Hy) и Психастения (Pt), имеющих сниженные показатели. Весь профиль статистически значимо ниже в группе доноров по сравнению с контрольной группой, кроме шкалы Психопатия (Pd). Выявлена двухфакторная структура личностных качеств доноров ооцитов, содержащая фактор «Рефлексивное, осознанное Я – Конверсионное Я» и фактор, «Ответственное, уверенное Я – Интрапунитивное, эгоистическое Я», отличающаяся от структуры в выборке сравнения. Выстроена дискриминантная модель, демонстрирующая, что эмоциональная стабильность, фрустрационная

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

устойчивость, нормативное поведение и ответственное отношение к здоровью являются предикторами донорства ооцитов. **Обсуждение результатов.** Описанные впервые на российской выборке результаты исследования согласуются с данными, полученными на зарубежных выборках, в частности, о расположении профиля личности доноров ооцитов в пределах нормативных значений и ниже, без острых пиков. Новизна исследования заключается в выявлении факторной структуры профиля личности и модели личностных предикторов донорства ооцитов.

Ключевые слова

донорство ооцитов, личностные предикторы, личностный профиль, СМОЛ

Для цитирования

Полякова, И. Г., Валиева, Т. В., Сыманюк, Э. Э. (2025). Личностные предикторы донорства ооцитов в России. *Российский психологический журнал*, 22(2), 191–209. <https://doi.org/10.21702/9pgsm276>

Введение

Во многих странах мира, включая Россию, актуальной задачей является увеличение рождаемости с целью сохранения населения, обеспечения устойчивого социально-экономического развития. Для выполнения этой задачи все активнее используются достижения репродуктивной медицины. Донорство в репродукции сегодня – один из методов успешного решения проблемы бесплодия, с которым сталкивается все большее количество людей. Порой донорство яйцеклеток является единственной возможностью родить ребенка для женщин, страдающих патологиями, связанными с нарушением фолликулогенеза: полным отсутствием яйцеклеток, либо их плохими качественными характеристиками. Потребность в донорском материале возникает также при наличии риска передачи наследственных заболеваний. Бесплодие может быть связано с разными факторами, но один из существенных трендов, которые влияют на социально-демографическую ситуацию, связан с тем, что деторождение в развитых странах все чаще откладывается на более поздний возраст.

Однако процедуры вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) в целом, и донорство ооцитов, в особенности, имеют не только медицинские и медикотехнологические аспекты, особую роль в них играет благополучный социально-психологический статус участников – доноров, потенциальных родителей. Практически всегда как донор, так и реципиент оказываются в непростой социальной и этической ситуации, связанной с неоднозначным отношением современного общества к репродуктивному донорству, особенностями законодательства,

регулирующего это социокультурное явление, психологическими проблемами, а также страхом за будущее детей, рожденных от донорского материала.

Как показывают Кручинина и Воронова (2020), к ВРТ относятся в разных странах различно, рассматривая их либо как угрозу безопасности, либо как потенциал для решения демографических и экономических проблем. Правовые и биоэтические аспекты ВРТ чрезвычайно активно обсуждаются в отечественной науке. Авторы описывают соотношение права собственности и репродуктивного права (Белова, 2021), рассматривают несовершенство правовой базы в области репродуктивных технологий (Кручинина, Воронова, 2020; Печегина, 2021; Сёмкина, 2021) и проблемы наделения юридическим смыслом медицинских терминов (Краснова, 2022), поднимают вопросы об определении дальнейшей судьбы эмбрионов, находящихся на хранении в медицинской организации (Ярош, 2021), дискутируют необходимость введения законодательного ограничения применения ВРТ в России (Устинкин, Рудакова 2023). Это только небольшой ряд относительно современных публикаций.

При этом отмечают, что «действующие правовые нормы, регулирующие правоотношения при использовании ВРТ, затрагивают лишь отдельные аспекты возникающих проблем. Ситуация усугубляется комплексом немедицинских факторов, возникающих в процессе демографического развития и связанных с экономическими, социальными, правовыми, этическими и психологическими аспектами проблемы» (Альбицкий, Одинаева, Мансимова, 2011, с. 14). Так, с социологической позиции в современной литературе обсуждаются проблемы отношения общественности к донорству и ВРТ, а именно, отношение к применению ВРТ в молодежном социуме (Дадаева, Баранова, 2019) и у жителей мегаполиса (Сыманюк, Полякова, Мокерова, 2021), с социально-психологической позиции – факторы готовности к донорству, такие, как процедурные риски, анонимность сдачи, мнение родственников или друзей, оплата за донорство и другие (Антонова, Ерицян, Цветкова, 2019).

Исследование собственно психологических аспектов рассматриваемой проблематики в отечественной науке в большинстве представлено изучением вопросов психологических особенностей реципиентов ВРТ и родившихся посредством них детей. Например, оцениваются риски нарушения когнитивного развития детей, зачатых с помощью ВРТ (Бохан и др., 2023). Показывается независимость родительских отношений в семьях с ЭКО от других аспектов семейного функционирования (Лещинская и др., 2022), постулируется необходимость медико-генетического консультирования, направленного на помощь семье в принятии решения при выборе методов ВРТ (Кречмар, 2020). В ряде работ исследуются психологические особенности родительства у отцов и матерей, ожидающих или уже имеющих с помощью ВРТ ребенка (Бурина, Мошківская, 2022; Мошківская, 2021а, 2021б; Мошківская, Бурина, 2021), рассматриваются психологические особенности отношения к беременности и ребенку у беременных женщин, зачавших с применением ВРТ (Лихачев, 2022), также показана специфика

влияния процедуры ЭКО на психическое здоровье потенциальной матери (Тювина, Николаевская, 2020). Психологическое исследование личностных особенностей доноров ооцитов на сегодняшний день в отечественной науке остается мало обсуждаемой и мало изученной областью.

В странах со строго регламентированной процедурой донорства ооцитов существует сложный процесс скрининга, который включает всестороннюю социальную, медицинскую и психологическую оценку кандидатов на донорство (Practice Committee of the American Society for Reproductive Medicine, and the Practice Committee of the Society for Assisted Reproductive Technology, 2008; Gorrill et al., 2001). Такой подход предполагает, что благополучный социально-психологический статус донора ооцитов является одним из факторов успешного цикла ВРТ и рождения здорового ребенка у людей, получивших диагноз «бесплодие» и решившихся на использование донорского материала. В приказе Министерства здравоохранения РФ от 31 июля 2020 г. №803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» психологическая оценка состояния и сопровождение донора ооцитов не предполагаются, необходимы только «справка из психоневрологического диспансера» и «справка из наркологического диспансера».

Проблема поддержки психологического и физического здоровья женщины-донора ооцитов не только во время, но и после окончания процедуры донорства является крайне актуальной, поскольку процедура донорства ооцитов сопряжена с высокими рисками для здоровья женщины-донора. Так, в зарубежных исследованиях разных лет показано, что донорам яйцеклеток необходима психологическая оценка и помощь перед любой процедурой донорства. В 2009 году описано, что из 315 телефонных запросов от потенциальных доноров только 38 женщин (12%) вошли в пул активных доноров (Gorrill et al., 2001), наиболее частой причиной отказа от услуг донора становятся проблемы с психическим здоровьем (24%) (Levy et al., 2007). В исследовании 2019 года говорится, что состоявшие доноры когда-либо в анамнезе испытывали депрессию (52,9%, $n = 9$) и / или тревогу (58,8%, $n = 10$); ни один из респондентов-доноров не сообщил о лечении или опыте лечения биполярного расстройства, шизофрении или СДВГ, а 29,4% ($n = 9$) сообщили о каких-либо других психиатрических симптомах. Подавляющее большинство опрошенных в этом исследовании доноров 81,3% ($n = 26$) были заинтересованы в поддержании будущих контактов по вопросам здоровья, репродуктивных и психологических последствий (Blakemore et al., 2019). Данные о том, что доноры ооцитов могут страдать психическими расстройствами независимо от возраста, образования, статуса работы и мотивации к донорству показаны и в исследовании 2023 года, в котором авторы пришли к выводу, что у восьми женщин (20,5%) было по крайней мере одно расстройство. Наиболее частым расстройством было обсессивно-компульсивное расстройство ($n = 4$, 10,3%). Другими частыми расстройствами были тяжелое депрессивное расстройство ($n = 2$, 5,1%), стойкое депрессивное

расстройство ($n = 2, 5,1\%$), тревожные расстройства ($n = 1, 2,6\%$), смешанное тревожное-депрессивно расстройство ($n = 1, 2,6\%$) и расстройство адаптации ($n = 1, 2,6\%$) соответственно; у трех доноров одновременно было два психических расстройства (Sharafi et al., 2023).

Отдельный оттенок обсуждаемая проблема приобретает и в связи с ожиданиями реципиентов донорского материала к «качеству доноров» – «для семей являются важными в первую очередь такие критерии, как здоровье донора и его родственников, группа крови, схожий фенотип, а также тип личности и характер донора» (Гришанина, Нарская, Смирнова, 2021, с. 96).

Основываясь на этих данных, можно констатировать, что очень важно эффективно и результативно обследовать, наряду с медицинскими и социальными, еще и психологические показатели потенциальных доноров. Исследователи акцентируют внимание на необходимости создания консультативных подразделений во всех центрах донорства ооцитов и предоставлении донорам возможности сделать осознанный выбор, учитывая все риски, как для социального, соматического, так и психического благополучия (Tulay & Atilan, 2019). При этом еще в 2019 году сообщалось, что в центре внимания последующего наблюдения за донорами ооцитов находятся в первую очередь медицинские и физические показатели, оценке долгосрочного психологического влияния опыта донорства на личность уделяется существенно меньшее внимание (Blakemore et al., 2019). По данным отечественных исследователей психологические консультации и тестирования, проводимые непосредственно в центрах ВРТ, различаются в зависимости от клиник, что отчасти объясняется отсутствием психических заболеваний, доказанно генетически передающихся; в тех клиниках, где психологическая консультация является обязательной, определяется тип личности донора и мотивация к донорству (Гришанина, Нарская, Смирнова, 2021).

Женщина-донор ооцитов после окончания цикла стимуляции должна сохранить фертильность, стабильные отношения с близкими и быть в гармонии со своими морально-ценностными установками. Безусловно, в центрах репродукции существует запрос на психически и физически здоровых доноров ооцитов, готовых к повторному донорству и способных осознанно оценить соотношение риска и пользы для своего психологического и физического здоровья. В связи с этим представляется актуальным вопрос изучения психологических предикторов донорства ооцитов у психически благополучных женщин. В 2010 году были представлены результаты масштабного исследования, в котором описывается, как личностный психологический профиль соотносится с результатом донорства ооцитов (Klock & Covington, 2010). На шведской выборке личностные особенности идентифицируемых доноров ооцитов были исследованы в 2011 году (Sydsjö et al., 2011), на французской выборке в 2022 году (Bujaan et al., 2022). На отечественной выборке подобного рода исследований не проводилось.

В наших работах проведен социологический анализ особенностей мотивации донорства ооцитов (Полякова, 2022), показаны средства и методы психологического обследования потенциальных доноров (Башмакова и др., 2024), описаны типичные параметры жанра откровенного разговора, продуцируемого в общении психолог–донор (Вепрева, Полякова, Шалина, 2024). Цель данного исследования состоит в выявлении на российской выборке структуры психологического профиля личности доноров ооцитов и личностных предикторов донорства ооцитов.

Методы

Методика

Ввиду специфичности исследуемого явления для определения личностных предикторов был выбран широко известный клинический опросник СМОЛ – Сокращенный многофакторный опросник для исследования личности, являющийся одним из самостоятельных тестов семейства MMPI, показавший в многолетней практике использования свои большие диагностические возможности (Зайцев, 1981, 2004). Неоспоримым преимуществом опросника в условиях отбора кандидатов в доноры ооцитов является его высокая экономичность – обследование занимает 20–30 минут.

Выборка исследования

Для выявления личностных предикторов донорства ооцитов, была сформирована выборка исследования из респондентов, проживающих на территории Свердловской области ($n = 148$). В экспериментальную группу были включены женщины – потенциальные доноры ооцитов ($n = 70$). Все они были кандидатами в доноры ооцитов в крупном медицинском центре Свердловской области, в составе которого есть отделение вспомогательных репродуктивных технологий, в период с 01.03.2022 по 01.03.2024. Тестирование проводилось перед вступлением в программу донации, до того, как женщины проходили обязательное медицинское и психиатрическое обследование. Программы донации ооцитов в данном медицинском центре проводятся на условиях денежного вознаграждения.

В контрольную группу сравнения с помощью методов рандомизации и стратификации по социально-демографическим показателям были отобраны респонденты, не являющиеся донорами ооцитов ($n = 78$). Рандомизация и стратификация были выполнены для обеспечения снижения ошибки измерения и повышения точности получаемых оценок генеральной совокупности. Отбор и обследование женщин контрольной группы проводилось также в период с 01.03.2022 по 01.03.2024 последовательно – как только проводилось тестирование потенциального донора ооцитов, была обследована подходящая по социально-демографическим признакам женщина – недонор ооцитов.

После анализа оценочных шкал лжи и достоверности для дальнейшего математического анализа из выборки доноров были исключены 3 респондента (4,29%) с повышенной L шкалой лжи, численность группы доноров составила 67 человек, средний возраст по группе в целом – 28,70 года, среднеквадратичное отклонение – 4,49 года; из контрольной группы были исключены 3 респондента (3,85%) с повышенной F шкалой достоверности, численность в контрольной группе составила 75 респондентов, средний возраст – 28,21 года, среднеквадратичное отклонение – 6,38 года.

Показатели итоговой выборки ($n = 142$) представлены в таблице 1. В обеих группах в полученной выборке были выявлены респонденты, имеющие профиль со шкалами выше нормы ($T > 65$): в экспериментальной группе – 5 респондентов (13,9%), в контрольной группе – 6 респондентов (20,7%).

Таблица 1

Характеристика выборки исследования

Категории	Экспериментальная группа		Контрольная группа	
	Количество	Процент	Количество	Процент
Образование				
Высшее	27	40,3	31	41,3
Среднее специальное	31	46,3	19	25,3
Неполное высшее	9	13,4	18	24,0
Среднее профессиональное	–	–	7	9,3
Сфера профессиональной деятельности				
Медицина	17	25,4	16	21,3
Социальная сфера	19	28,4	21	28,0
Искусство	2	3,0	–	–
Педагогика	10	14,9	8	10,7
Управление и экономика	11	16,4	6	8,0
Военное дело	1	1,5	6	8,0
Техническая сфера	1	1,5	3	4,0
В отпуске по уходу за ребенком	4	6,0	6	8,0
Безработная	2	3,0	9	12,0

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Категории	Экспериментальная группа		Контрольная группа	
	Количество	Процент	Количество	Процент
Семейное положение				
В первом браке	34	50,7	40	53,3
Во втором браке	2	3,0	–	–
В третьем браке	2	3,0	1	1,3
Сожительство	13	19,4	3	4,0
Не в браке	16	23,9	31	41,3
Количество детей				
1	30	44,8	18	24,0
2	20	29,9	12	16,0
3	3	4,5	3	4,0
Нет	14	20,9	42	56,0

Характеристика выборки исследования

Математические методы обработки полученных данных

Математико-статистическая обработка результатов исследования производилась в программном пакете STATISTICA 12.0. Анализ нормальности распределения осуществлялся с помощью критерия λ -Колмогорова-Смирнова с поправкой уровня значимости Лилиефорса, сравнение групп реализовано с помощью непараметрического критерия U-Манна-Уитни, структура профиля личности доноров ооцитов выявлена с помощью эксплораторного факторного анализа, модель личностных предикторов донорства ооцитов создана методом дискриминантного анализа.

Таблица 2

Результаты анализа нормальности распределения

Переменные	Показатели			
	max D	Уровень значимости	Асимметрия	Экссесс
Ипохондрия, Hs	0,17	$p < 0,01$	0,640	0,038
Депрессия, D	0,11	$p < 0,01$	0,403	-0,171
Истерия, Hy	0,11	$p < 0,01$	0,417	-0,557
Психопатия, Pd	0,10	$p < 0,01$	0,168	-0,192

Переменные	Показатели			
	max D	Уровень значимости	Асимметрия	Эксцесс
Паранойяльность, Pa	0,18	$p < 0,01$	0,392	-0,128
Психастения, Pt	0,11	$p < 0,01$	0,365	-0,283
Шизоидность, Sc	0,13	$p < 0,01$	0,352	-0,419
Гипомания, Ma	0,17	$p < 0,01$	0,608	0,847

Примечание. Курсивом выделены показатели, статистически значимо превышающие свою стандартную ошибку (стандартная ошибка асимметрии 0,203, стандартная ошибка эксцесса 0,404).

Диаграммы размаха личностных характеристик экспериментальной и контрольной групп, представленные на рисунках 1–2, показали, что обобщенные профили обеих групп находятся в пределах нормативных значений, в экспериментальной группе по ряду шкал – Депрессия (D), Истерия (Hy) и Психастения (Pt) – наблюдаются сниженные показатели ($T < 40$).

Рисунок 1

Диаграмма размаха личностных характеристик экспериментальной группы

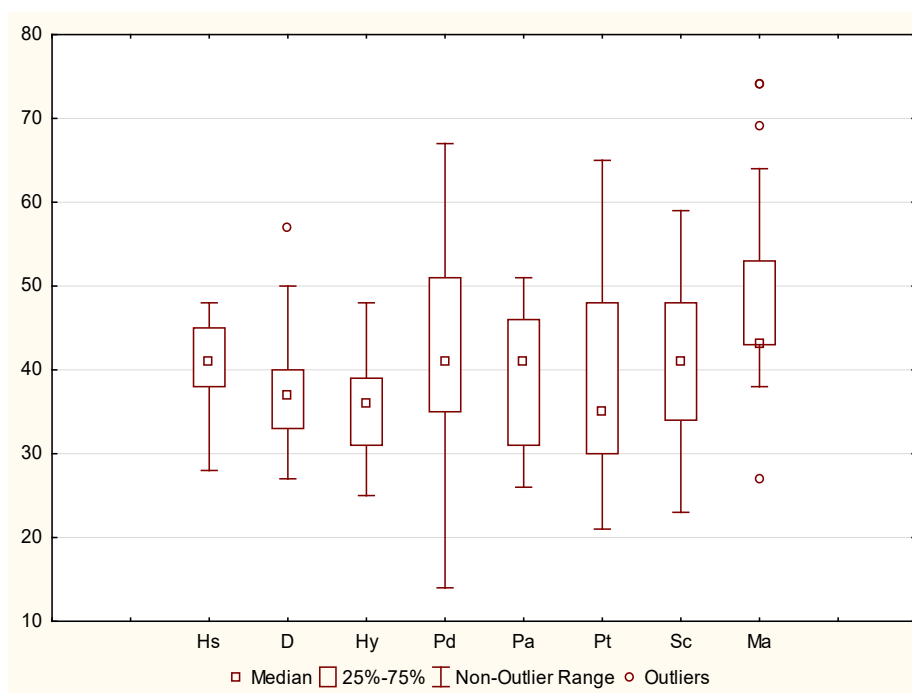
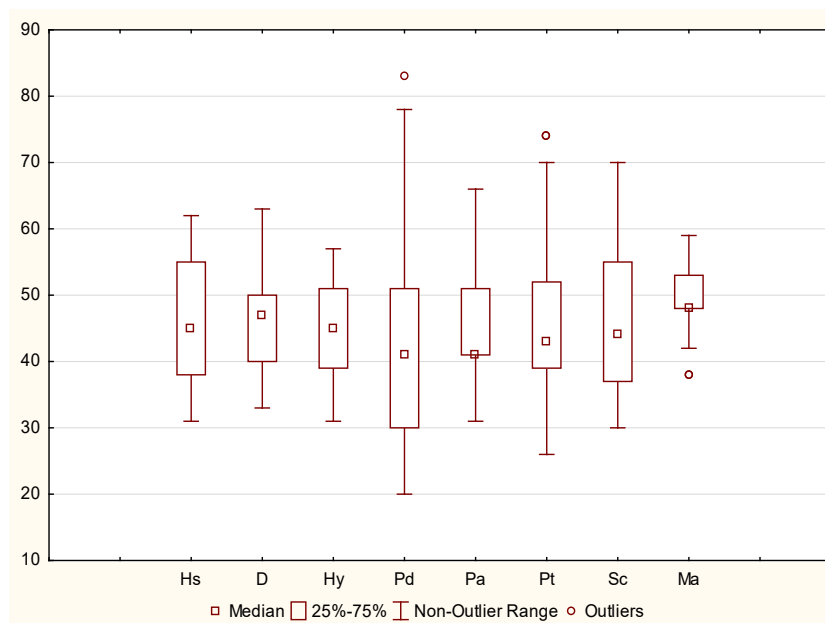

Рисунок 2

Диаграмма размаха личностных характеристик контрольной группы

Для выявления различий профилей групп был проведен сравнительный анализ по критерию U-Манна-Уитни, который выявил различия по всем шкалам, кроме шкалы Психопатия (Pd) (таблица 3)..

Таблица 3

Результаты сравнительного анализа в выборках*

Переменные	Сумма рангов, ЭГ	Сумма рангов, КГ	U	Z	p
Ипохондрия, Hs	3646,00	6507,00	1368,00	-4,67	0,000
Депрессия, D	3118,50	7034,50	840,50	-6,83	0,000
Истерия, Hy	3042,50	7110,50	764,50	-7,14	0,000
Психопатия, Pd	4621,50	5531,50	2343,50	-0,69	0,491
Паранойяльность, Pa	3862,00	6291,00	1584,00	-3,79	0,000
Психастения, Pt	3899,50	6253,50	1621,50	-3,64	0,000
Шизоидность, Sc	4308,00	5845,00	2030,00	-1,97	0,049
Гипомания, Ma	3980,00	6173,00	1702,00	-3,31	0,001

Примечание. * ЭГ – экспериментальная группа (доноры ооцитов), КГ – контрольная группа сравнения.

Анализ знака стандартизированного значения Z в таблице 3 позволяет утверждать, что по шкалам Ипохондрия (Hs), Депрессия (D), Истерия (Hy), Паранойяльность (Pa), Психастения (Pt), Шизоидность (Sc) и Гипомания (Ma) наблюдается статистически значимое повышение этих показателей в контрольной группе. Эти шкалы существенно меньше выражены у доноров ооцитов по сравнению с женщинами, донорами не являющимися.

Для выявления структуры личностных профилей в исследуемых выборках был реализован эксплораторный факторный анализ по методу Principal components с вращением Varimax Row (таблица 4).

Таблица 4

Факторные модели профиля личности в группе доноров и группе сравнения

Экспериментальная группа			Контрольная группа		
Переменные	1 фактор	2 фактор	Переменные	1 фактор	2 фактор
Истерия, Hy	0,92		Шизоидность, Sc	0,85	
Ипохондрия, Hs	0,86		Психастения, Pt	0,81	
Психопатия, Pd	0,84		Психопатия, Pd	0,77	
Шизоидность, Sc	0,82		Гипомания, Ma	0,70	
Психастения, Pt	0,71	0,53	Паранойяльность, Pa	0,67	
Депрессия, D		0,73	Ипохондрия, Hs		0,94
Паранойяльность, Pa		0,65	Истерия, Hy		0,90
Гипомания, Ma		0,61	Депрессия, D		0,68
Процент дисперсии	0,44	0,22	Процент дисперсии	0,40	0,32

Для выявления личностных предикторов донорства ооцитов был проведен дискриминантный анализ, соответствующий данной задаче (таблица 4–5). Дискриминантный анализ позволил не только выявить, какие переменные оказывают наиболее существенное влияние на решение стать донором ооцитов, но и выполнить в будущем задачу отнесения новых респондентов к классу выразивших согласие стать донором ооцитов путем построения классификационных уравнений. В качестве классифицирующей переменной была использована дихотомическая шкала: донор (экспериментальная группа) – недонор (контрольная группа сравнения), дискриминантными переменными выступили шкалы СМОЛ.

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

В полученной модели обнаружена высокая статистическая значимость различения классов при помощи выявленного набора переменных при λ -Вилкса = 0,461, $F(4,137) = 40,122$ $p < 0,00001$. Вероятность верной классификации составила 86,68%. Наибольшей предсказательной способностью обладает шкала Истерии (Hy) при λ -Вилкса = 0,641.

Таблица 4

Результаты дискриминантного анализа

Переменные	Лямбда-Вилкса	Частная лямбда	F-удаление (1,137)	p	R ²
Ипохондрия, Hs	0,506	0,910	13,63	< 0,0001	0,710
Депрессия, D	0,509	0,905	14,39	< 0,0001	0,194
Истерия, Hy	0,641	0,719	53,64	< 0,0001	0,799
Психопатия, Pd	0,565	0,815	31,06	< 0,0001	0,463

Таблица 5

Коэффициенты классифицирующих уравнений

Переменные	Экспериментальная группа	Контрольная группа
Ипохондрия, Hs	0,4131	0,1695
Депрессия, D	0,5080	0,6567
Истерия, Hy	0,4278	0,9945
Психопатия, Pd	-0,0607	-0,1826
Константа	-24,7004	-37,9052

Обсуждение результатов

В профиле личности доноров ооцитов выявлен средний уровень по шкалам Гипомания (Ma), Шизоидность (Sc), Ипохондрия (Hs), Паранойальность (Pa), Психопатия (Pd). Это характеризует доноров, как обладающих повышенным настроением, которое не портится, даже если произошло что-то плохое, повышенной активностью, ускоренным мышлением. Они не склонны к общей отстранённости от социальных отношений и ограниченности способов выражения эмоций в ситуациях межличностного взаимодействия. Имеют развитое осознание своего состояния здоровья и сконцентрированы на своей физической форме и здоровом образе жизни, стараются ответственно подходить к лечению и профилактике заболеваний, избегать рисков для здоровья и жизни. Характеризуются как вполне уравновешенные, зрелые и рассудительные. Способны адекватно воспринимать вызовы жизни, являются преданными, решительными и умеющими держать себя в руках. Доноры стремятся соответствовать требованиям общества, но также могут демонстрировать такие качества, как моралистичность, самокритичность, конформность, управляемость, посредственность, низкая сексуальность.

По шкалам Психастения (Pt), Депрессия (D) и Истерия (Hy) выявлен низкий уровень. Доноры ооцитов не склонны к чрезмерному самоанализу, предъявлению завышенных требований к себе, излишней самокритичности, основанной на низкой самооценке; не склонны к острому переживанию неудач, к волнениям; объективно оценивают свои достижения и адекватно реагируют на неудачи; обладают эмоциональной устойчивостью, пониженной чувствительностью к средовым воздействиям с относительно низкой включенностью в проблемы социального микроклимата, что отражается в поведении субъекта менее гибким стилем межличностного взаимодействия.

В целом по результатам рассмотрения профиля личностных свойств в группе доноров ооцитов можно констатировать, что профиль снижен, в нем отсутствуют яркие акцентуированные черты. В контрольной группе получены средние показатели по всем шкалам.

Сравнительный анализ показал, что по большинству шкал в группе доноров ооцитов показатели статистически значимо ниже, чем в контрольной группе, отсутствуют различия только по шкале Психопатия (Pd). Это свидетельствует о том, что группа доноров менее медлительна и пассивна, не принимает все на веру, быстрее приспосабливается, хорошо переносит смену обстановки, не теряет равновесие в социальных конфликтах. Эта группа менее чувствительна, сензитивна, не склонна к тревогам, при малейших неудачах не впадает в отчаяние. Доноры не склонны к неврологическим защитным реакциям конверсионного типа, реже используют симптомы соматического заболевания как средство избегания ответственности, то есть проблемы не разрешаются уходом в болезнь. Чувства таких людей более глубоки, а интересы устойчивы. Группа доноров менее склонна к формированию сверхценных идей, это люди более разносторонние, менее агрессивные и злопамятные. Группа доноров менее способна тонко чувствовать и воспринимать абстрактные образы, но повседневные радости и горести вызывают у них эмоциональный отклик. Для них характерно менее приподнятое настроение независимо от обстоятельств. Они менее активны и деятельны, менее энергичны и жизнерадостны. Доноры не любят работу с частыми переменами, менее охотно контактируют с людьми, однако интересы их менее поверхностны и устойчивы, им хватает выдержки и настойчивости. Таким образом, уровень нервно-эмоциональной устойчивости, степень интеграции личностных свойств и уровень адаптации личности к социальному окружению у доноров статистически выше, чем в контрольной группе.

Полученные результаты согласуются с ранее проведенными зарубежными исследованиями. Сообщается, что средние личностные характеристики доноров располагаются в пределах нормы (Bujan et al., 2022). Доноры ооцитов испытывают меньшее беспокойство и демонстрируют более низкий уровень страха неопределенности, застенчивости и утомляемости, а также более высокий уровень настойчивости, чем контрольные группы (Sydsjö et al., 2011). При этом

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

отмечается высокий уровень сходства в профилях MMPI-2 доноров ооцитов и контрольной группы, что объясняется тем, что в исследовании принимала участие непсихиатрическая, неклиническая группа женщин (Klock & Covington, 2010). Подобные результаты, демонстрирующие, что средние баллы по каждой из шкал MMPI-2 находятся в пределах нормы, получены и при исследовании суррогатного материнства (Klock & Covington, 2015).

Результаты факторного анализа дают увидеть, что в обеих исследуемых выборках получены двухфакторные модели профиля личности. В контрольной группе женщин личностный профиль структурируется по факторам, которые можно интерпретировать, как «Я, направленное на Себя – Я, направленное на Другого» – первый фактор, «Ригидное Я – Флексибельное, гибкое Я» – второй фактор. Первый фактор может быть так назван в силу того, что входящие в него переменные (шизоидность, психастения, психопатия, гипомания и паранойяльность) образуют вектор значимости, в первую очередь, собственных потребностей, стремление в поведении сохранить личностную суверенность. Второму фактору дано такое название, поскольку его образуют шкалы ипохондрия, истерия и депрессия, для которых общей стороной является консервативность, негибкость поведения. Учитывая, что средние показатели по данной группе находятся в пределах нормативных значений по шкалам СМОЛ, можно сказать, что женщины, не являющиеся донорами ооцитов, демонстрируют психологически благополучное соотношение направленности на себя и направленности на другого, умеренную стабильность и гибкость поведения.

В группе доноров ооцитов личностный профиль разбивается на факторы «Рефлексивное, осознанное Я – Конверсионное Я» – первый фактор, «Ответственное, уверенное Я – Интрапунитивное, эгоистическое Я» – второй фактор. В первый фактор вошли переменные истерия, ипохондрия, психопатия, шизоидность, психастения, что может быть рассмотрено как уровень развития рефлексии собственного психического и физического состояния, чувствительности к переживаниям. Второй фактор содержит переменные депрессия, паранойяльность, гипомания и психастения, наиболее весомые из которых первые две шкалы, что может означать представленность в данном факторе развитого чувства ответственности, активной личностной позиции и высокой самооценки или при клинически повышенных показателях по шкалам – выраженности интрапунитивных реакций и эгоцентрических установок, ранимости и враждебности. Расположение личностного профиля доноров ооцитов в низком и среднем диапазоне позволяет заключить, что женщины, являющиеся донорами или собирающиеся ими стать, обладают достаточно развитой рефлексивностью, ответственностью и уверенностью.

Дискриминантный анализ (таблица 4) выявил, что личностными предикторами донорства ооцитов являются шкалы Истерия (Hy), Психопатия (Pd), Депрессия (D) и Ипохондрия (Hs), из них наибольшей предсказательной способностью

обладает шкала Истории (Hy). Это показывает, что такие психологические свойства личности, как, в первую очередь, эмоциональная устойчивость и осознанность, а также социально нормативное поведение, адекватная реакция на фрустрацию и ответственное отношение к здоровью являются базовыми критериями отбора доноров ооцитов. Полученные коэффициенты (таблица 5) позволяют по показателям СМОЛ прогнозировать у новых респондентов положительное решение о донорстве ооцитов с помощью классификационных уравнений:

$$Y_{ЭГ} = 0,4131Hs + 0,508D + 0,4278Hy - 0,0607Pd - 24,7004;$$

$$Y_{КГ} = 0,1695Hs + 0,6567D + 0,9945Hy - 0,1826Pd - 37,9052.$$

Для получения прогноза Т-баллы по методике СМОЛ необходимо подставить в уравнения, если выполняется неравенство $Y_{ЭГ} > Y_{КГ}$, то с вероятностью 86,68% обследуемая женщина примет положительное решение о том, чтобы стать донором ооцитов.

Заключение

Проведенное на российской выборке эмпирическое исследование профиля личности и психологических предикторов донорства ооцитов позволяет сделать ряд выводов. Показатели нервно-эмоциональной устойчивости, интеграции личностных свойств, адаптации личности к социальному окружению у группы российских доноров значимо выше, чем в контрольной группе. Доноры более устойчивы и стабильны в плане психоэмоциональных качеств по сравнению с «обычными» женщинами.

Структуры профиля личности доноров ооцитов и не-доноров отличаются, личностный профиль доноров включает два фактора – «Рефлексивное, осознанное Я – Конверсионное Я» и «Ответственное, уверенное Я – Интрапунитивное, эгоистическое Я». Личностными предикторами донорства ооцитов являются эмоциональная стабильность и фрустрационная устойчивость, соблюдение социальных норм и правил в поведении, забота о здоровье.

Практическая значимость результатов исследования состоит в том, что в деятельности клинического психолога полученные классифицирующие уравнения позволяют по личностным параметрам выявлять обследуемых, с высокой вероятностью готовых стать донорами ооцитов; понимание специфических структурных компонентов личностного профиля, являющегося «образом идеального потенциального донора ооцитов» даст возможность репродуктивным центрам создавать и обеспечивать программы не только психологического отбора, но и программы личностного развития возможных доноров ооцитов.

Перспективами дальнейших исследований могут являться верификация полученных результатов в других регионах Российской Федерации, а также изучение личностных особенностей доноров ооцитов в сравнении с донорами других биологических материалов.

Литература

- Антонова, Н. А., Ерицян, К. Ю., Цветкова, Л. А. (2019). Мнение и установки университетского сообщества к донорству в биобанк. *Социальная психология и общество*, 10(1), 169–181.
- Альбицкий, В. Ю., Одинаева, Н. Д., Мансимова, В. О. (2011). Правовые аспекты применения вспомогательных репродуктивных технологий в лечении бесплодия. *Вопросы современной педиатрии*, 10(2), 12–15.
- Башмакова, Н. В., Валеева, М. В., Граматчикова, Н. Б., Мазуров, Д. О., Исаева, И. В., Полякова, И. Г., ... Храмова, А. Ю. (2024). *Психологическое обследование и консультирование доноров ооцитов: методические рекомендации*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета.
- Белова, Д. А. (2021). Правовой режим репродуктивного биологического материала. *Lex Russica*, 7 (176), 111–121. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.176.7.111-121>
- Бохан, Т. Г., Лещинская, С. Б., Терехина, О. В., Силаева, А. В., Шабаловская, М. В. (2023). Типологические варианты развития детей, рожденных с помощью вспомогательных репродуктивных технологий, и характеристики их семейной среды. *Российский психологический журнал*, 20(2), 211–229. <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.2.13>
- Бурина, Е. А., Мошквивская, В. А. (2022, ноябрь). Особенности родительских установок в парах с различным репродуктивным здоровьем. В *Психология и медицина: пути поиска оптимального взаимодействия*: Сборник материалов IX международной конференции студентов и молодых ученых. Рязанский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова.
- Вепрева, И. Т., Полякова, И. Г., Шалина, И. В. (2024). Откровенный разговор в устном дискурсе репродуктивной медицины: особенности профессионального преломления. *Жанры речи*, 1 (41), 38–46. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-38-46>
- Гришанина, А. В., Нарская, А. И., Смирнова, П. С. (2021). Качественный донор: критерии отбора доноров гамет в российском поле вспомогательных репродуктивных технологий. *Экономическая социология*, 22(5), 83–107. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2021-5-84-108>
- Дадаева, Т. М., Баранова, В. В. (2019). Вспомогательные репродуктивные технологии в репродуктивном поведении городской молодежи (опыт пилотажного исследования). *Регионология*, 1 (106), 138–155. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201901.138-155>
- Зайцев, В. П. (1981). Вариант психологического теста MINI-MULT. *Психологический журнал*, 2(3), 118–123.
- Зайцев, В. П. (2004). Психологический тест СМОЛ. *Актуальные вопросы восстановительной медицины*, 2, 17–19.
- Краснова, Т. В. (2022). Биоэтические предпосылки гражданско-правового положения реципиента в программе донорства ооцитов. *Вестник Томского государственного университета. Право*, 45, 177–192. <https://doi.org/10.17223/22253513/45/12>
- Кречмар, М. В., Блох, М. Е. (2020). Психологическая помощь в структуре медико-генетического консультирования в рамках программ ВРТ. В *Психология служебной деятельности: достижения и перспективы развития (в честь 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.)*: материалы международной научной конференции. Санкт-Петербургский государственный университет.
- Кручинина, Н. В., Воронова, Н. В. (2020). Пробелы в правовом регулировании применения вспомогательных репродуктивных технологий. *Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал*, (4), 441–446.

- Лещинская, С. Б., Стоянова, И. Я., Бохан, Т. Г., Терехина, О. В., Силаева, А. В. (2022). Динамика супружеских и родительских отношений в семьях, зачавших ребенка посредством экстракорпорального оплодотворения. *Российский психологический журнал*, 19(3), 41–55. <https://doi.org/10.21702/rpj.2022.3.3>
- Лихачев, М. А. (2022, май). Отношение к беременности и ребенку у беременных женщин, зачавших с применением. В *Психология XXI века – 2022. Психология в непредсказуемом мире: условия и возможности*: Сборник тезисов участников международной научной конференции молодых ученых. Санкт-Петербургский государственный университет.
- Мошківська, В. А. (2021а). Психологическая готовность к родительству в семьях с отягощенным акушерско-гинекологическим анамнезом. *Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета*, 4(164), 256–291. <https://doi.org/10.25588/CSPU.2021.72.12.015>
- Мошківська, В. А. (2021б). Сравнительный анализ субъективного восприятия себя в роли будущего родителя среди семейных пар с различным репродуктивным анамнезом. *Вестник Мининского университета*, 9(4(37)). <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2021-9-4-8>
- Мошківська, В. А., Бурина, Е. А. (2021). Личностные особенности и внутрисемейные отношения мужчин с различным репродуктивным статусом. *Психология. Психофизиология*, 14(4), 72–82. <https://doi.org/10.14529/jpps210407>
- Печегина, Ю. С. (2021). Репродуктивные клетки человека как объекты гражданского оборота в России и зарубежных странах. *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина*, 8(84), 125–135. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2021.84.8.125-135>
- Полякова, И. Г. (2022). *Мотивация донорства в репродукции человека: социологический анализ* (PhD Thesis). Екатеринбург.
- Сёмкина, И. А. (2021). Вспомогательные репродуктивные технологии: зарубежное законодательство и практика применения. *Образование и право*, 11, 295–301. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2021-11-295-301>
- Сыманюк, Э. Э., Полякова, И. Г., Мокерова, Ю. В. (2021) Отношение жителей мегаполиса к репродуктивному донорству (на примере Екатеринбурга). *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 2, 73–94. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1813>
- Тювина, Н. А., Николаевская, А. О. (2020). Психоневрологические, морально-этические и социокультурные аспекты вспомогательных репродуктивных технологий. *Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика*, 12(5), 104–110. <https://doi.org/10.14412/2074-2711-2020-5-104-110>
- Устинкин, С. В., Рудакова, Е. К. (2023). Защита права детей на здоровье в контексте дискуссии о законодательном ограничении применения в России вспомогательных репродуктивных технологий. *Власть*, 31(4), 197–203. <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i4.9742>
- Ярош, А. В. (2021). Гражданско-правовая конструкция договора на криоконсервацию и хранение эмбриона. *Журнал российского права*, 25(12), 108–119. <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.152>
- Blakemore, J. K., Voigt, P., Schiffman, M. R., Lee, S., Besser, A. G., & Fino, M. E. (2019). Experiences and psychological outcomes of the oocyte donor: A survey of donors post-donation from one center. *Journal of Assisted Reproduction and Genetics*, 36(10), 1999–2005. <https://doi.org/10.1007/s10815-019-01527-5>
- Bujan, L., Nouri, N., Papaxanthos-Roche, A., Ducrocq, B., Brugnon, F., Ravel, C., ... Daudin, M. (2022). Motivations and personality characteristics of candidate sperm and oocyte donors

- according to parenthood status: A national study from the French CECOS network. *Human Reproduction Open*, 2022(4), hoac042. <https://doi.org/10.1093/hropen/hoac042>
- Gorrill, M. J., Johnson, L. K., Patton, P. E., & Burry, K. A. (2001). Oocyte donor screening: The selection process and cost analysis. *Fertility and Sterility*, 75(2), 400–404. [https://doi.org/10.1016/s0015-0282\(00\)01711-8](https://doi.org/10.1016/s0015-0282(00)01711-8)
- Klock, S. C., & Covington, S. N. (2010). Minnesota Multiphasic Personality Inventory (MMPI-2) profiles in the assessment of ovum donors. *Fertility and Sterility*, 94(5), 1684–1688. <https://doi.org/10.1016/j.fertnstert.2009.08.064>
- Klock, S. C., & Covington, S. N. (2015). Results of the Minnesota Multiphasic Personality Inventory-2 among gestational surrogacy candidates. *International Journal of Gynaecology and Obstetrics*, 130(3), 257–260. <https://doi.org/10.1016/j.ijgo.2015.03.030>
- Levy, D., Minjarez, D., Weaver, T., Keller, J., Surrey, E., & Schoolcraft, W. (2007). Oocyte donor screening: A retrospective analysis of selection process and prospective donor exclusions. *Fertility and Sterility*, 88(1), 266–267. <https://doi.org/10.1016/j.fertnstert.2007.07.905>
- Practice Committee of American Society for Reproductive Medicine, & Practice Committee of Society for Assisted Reproductive Technology. (2008). 2008 Guidelines for gamete and embryo donation: A Practice Committee report. *Fertility and Sterility*, 90(5), 30–44. <https://doi.org/10.1016/j.fertnstert.2008.08.090>
- Sharafi, S. E., Hajibabaei, M., Keikha, F., & Montazeri, A. (2021). Evaluation of psychiatric disorders, personality characteristics and intelligence quotient among oocyte donor candidates: A cross-sectional study in a large referral hospital. *Journal of Obstetrics, Gynecology and Cancer Research*, 8(5), 468–471. <https://doi.org/10.30699/jogcr.8.5.464>
- Sydsjö, G., Lampic, C., Brändström, S., Gudmundsson, J., Karlström, P. O., Solensten, N. G., ... Svanberg, A. S. (2011). Personality characteristics in a Swedish national sample of identifiable oocyte donors. *BJOG: An International Journal of Obstetrics and Gynaecology*, 118(9), 1067–1072. <https://doi.org/10.1111/j.1471-0528.2011.02953.x>
- Tulay, P., & Atılan, O. (2019). Oocyte donors' awareness on donation procedure and risks: A call for developing guidelines for health tourism in oocyte donation programmes. *Journal of the Turkish German Gynecological Association*, 20(4), 236–242. <https://doi.org/10.4274/jtgga.galenos.2018.2018.0110>

Поступила в редакцию: 29.06.2024

Поступила после рецензирования: 07.09.2024

Принята к публикации: 19.04.2025

Заявленный вклад авторов

Ирина Геннадьевна Полякова – обоснование актуальности и цели исследования, теоретический анализ современного состояния проблемы, планирование и проведение эмпирического исследования, сбор психодиагностических данных.

Татьяна Владимировна Валиева – математико-статистическая обработка данных, обсуждение согласованности результатов с исследованиями других авторов, оформление текста статьи.

Эльвира Эвальдовна Сыманюк – корректирование методологии исследования, критическое редактирование содержания статьи.

Информация об авторах

Ирина Геннадьевна Полякова – кандидат социологических наук, научный сотрудник Межрегионального института общественных наук, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», Екатеринбург, Российская Федерация; Researcher ID AAF-8824-2020; Scopus ID: 57217079537; Author ID: 1097820, ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-9619-2152>; e-mail: irinapolykova@yandex.ru

Татьяна Владимировна Валиева – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и социальной психологии, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», Екатеринбург, Российская Федерация; Researcher ID: CAA-3211-2022, Scopus ID: 57189592382, Author ID: 693417, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4945-1542>; e-mail: t.v.valieva@urfu.ru

Эльвира Эвальдовна Сыманюк – доктор психологических наук, профессор, директор Уральского гуманитарного института, заведующая кафедрой общей и социальной психологии, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», Екатеринбург, Российская Федерация; Researcher ID: Q-8009-2016, Scopus ID: 57193401535, Author ID: 183328, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7591-7230>; e-mail: e.e.symaniuk@urfu.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья

УДК 159.91

<https://doi.org/10.21702/7dp1zb57>

Психофизиологические механизмы восприятия и внутреннего повторения мелодий в норме и при шизофрении

Александр В. Вартанов¹ , Вероника М. Зубко^{1*} ,
Василиса Д. Абросимова¹ , Мария Д. Крысько² , Дарья А. Леонович³ ,
Ольга В. Шевалдова⁴

¹ Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

² Российский Государственный Гуманитарный Университет, Москва, Российская Федерация

³ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

⁴ Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Федеральный исследовательский центр оригинальных и перспективных
биомедицинских и фармацевтических технологий»

*Почта ответственного автора: q158veronika@gmail.com

Аннотация

Введение. Исследование посвящено изучению психофизиологических механизмов восприятия и внутреннего повторения мелодий у здоровых людей и пациентов с шизофренией. Основное внимание уделяется различиям в нейронных процессах при обработке монофонических и полифонических музыкальных стимулов, что позволяет глубже понять когнитивные и нейронные особенности, связанные с шизофренией. **Методы.** В исследовании приняли участие 53 женщины, разделенные на две группы: 25 пациенток с диагнозом шизофрении (F20 по МКБ-10) и 28 здоровых добровольцев. Для регистрации активности мозга использовалась 19-канальная ЭЭГ с последующей обработкой данных методом «Виртуально вживленного электрода», который позволил проанализировать активность и функциональную связность 53 мозговых структур. Участники выполняли задание на выделение и внутреннее

повторение монофонической линии из полифонических музыкальных стимулов.

Результаты. Эксперимент показал, что у здоровых людей активируются зрительные области, супрамаргинальная извилина и правые базальные ганглии, что обеспечивает точное внутреннее воспроизведение музыкального мотива. В условиях шизофрении наблюдаются ослабленные связи в левой супрамаргинальной извилине и усиленная активность в зонах, связанных с восприятием полифонии, что указывает на сложности в удержании и воспроизведении релевантных музыкальных компонентов. **Обсуждение результатов.** Полученные данные свидетельствуют о различиях в нейронных механизмах обработки музыкальных стимулов при шизофрении. Ослабление связей в зонах контроля и усиление активности в зонах восприятия могут объяснять трудности в точном воспроизведении мелодий. Результаты подчеркивают роль подкорковых структур в компенсаторных процессах и открывают новые перспективы для исследований когнитивных нарушений при шизофрении.

Ключевые слова

восприятие мелодий, внутреннее повторение мелодий, шизофрения, реконструированная электрическая активность

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ №20-18-00067-П.

Для цитирования

Вартанов, А. В., Zubko, B. M., Абросимова, В. Д., Крысько, М. Д., Леонович, Д. А., Шевалдова, О. В. (2025). Психофизиологические механизмы восприятия и внутреннего повторения мелодий в норме и при шизофрении. *Российский психологический журнал*, 22(2), 210–226. <https://doi.org/10.21702/7dp1zb57>

Введение

Внутренняя репрезентация мелодий, как часть внутренней речи, играет ключевую роль в когнитивных процессах человека. Эта тема привлекает внимание ученых из-за своей сложности и значимости в понимании механизмов работы мозга, особенно в контексте различных психических расстройств, таких как шизофрения. Особенностью музыки как средства коммуникации является независимость ее психофизиологического, телесного и субъективного переживания от культурных особенностей исполнителей и слушателей, несмотря на то, что она сама является продуктом культуры (Putkinen et al., 2024). Механизмы восприятия музыки традиционно связывают с правосторонней активностью в височном отделе: в верхней височной извилине, извилине Хешля, островковой доле, а также полосатом теле (Fujito et al., 2018). При этом психофизиологические механизмы восприятия

музыки зависят от степени знакомства с конкретной композицией. Данные метаанализа 2023 года, проведенного канадскими исследователями (Vuong et al., 2023), свидетельствуют о различных нейронных сетях, обеспечивающих восприятие знакомых и незнакомых мелодий. При восприятии знакомых мелодий активируется левая корково-подкорковая сеть, содержащая три значимых кластера: дополнительные двигательные области (6 поле Бродмана), нижняя лобная извилина (IFG, в том числе 44 поле), островковая доля. Участие этих зон было рассмотрено с точки зрения теории прогностического кодирования, в основе которой лежит идея генерации гипотез и их проверки через сравнение с сенсорными данными. Музыкальные стимулы довольно часто служат моделями для исследования нейронных сетей в рамках данной теории (Olszewska et al., 2023; Senn, 2023). Подавляющее большинство людей сталкивалось с таким феноменом, когда они имели возможность воспринимать некоторую знакомую мелодию, при том, что сама мелодия в данный момент не проигрывается (Liikkanen, 2008), а просто вспоминается (Gabriel et al., 2016) – появляются музыкальные образы. Они способствуют предсказанию продолжения мелодии, присутствуя в процессе восприятия мелодии (Eggermont, 2023), что может объяснить общие нейронные структуры в процессах восприятия и воображения мелодий (Gabriel et al., 2016). Внутреннее повторение мелодий представляет собой процесс, при котором человек мысленно воспроизводит услышанную музыку без какого-либо внешнего звукового стимула. Этот процесс включает в себя несколько когнитивных функций, таких как внимание, рабочая память, восприятие и планирование. Согласно исследованиям, внутренняя репрезентация мелодий активирует области мозга, аналогичные тем, которые участвуют в восприятии и воспроизведении реальной музыки, включая первичную слуховую кору, премоторные и моторные области (Zatorre & Halpern, 2005). В процесс обработки и мысленного представления мелодий включена деятельность обоих полушарий. Была показана билатеральная активность при взаимодействии со знакомыми мелодиями, сопровождаемыми текстом (Zatorre et al., 1996). При взаимодействии с инструментальными стимулами большая активность наблюдалась в правом полушарии (Halpern et al., 2004), тем не менее при работе с другими невербальными стимулами была зафиксирована активация левого полушария, однако про активность правого полушария с такими стимулами не сообщалось (Kraemer et al., 2005).

ЭЭГ является одним из основных методов исследования активности мозга в процессе внутренней репрезентации мелодий. Этот метод позволяет регистрировать электрическую активность мозга с высокой временной разрешающей способностью, что важно для изучения быстро проходящих когнитивных процессов. Исследования показывают, что внутреннее воспроизведение мелодий сопровождается изменениями в альфа- и бета-ритмах ЭЭГ. Например, более высокая амплитуда альфа-ритма (8-12 Гц) связана с увеличением внимания и концентрации при внутреннем воспроизведении музыки (Schaefer et al., 2011), в то время как изменения

в бета-ритме (13-30 Гц) могут указывать на активацию моторных и премоторных областей мозга, отвечающих за планирование и воспроизведение движений, связанных с игрой на музыкальных инструментах (Bhattacharya & Petsche, 2005).

Шизофрения является одним из наиболее сложных психических расстройств, характеризующихся нарушениями в процессах мышления, восприятия и эмоций. Одним из ключевых симптомов шизофрении являются слуховые галлюцинации, которые часто включают в себя внутренние голоса или звуки. Эти галлюцинации могут быть связаны с нарушениями в процессах внутренней речи и репрезентации звуковых стимулов. Исследования показывают, что пациенты с шизофренией имеют дефициты в когнитивных процессах, таких как рабочая память и внимание, что может влиять на их способность к внутреннему воспроизведению мелодий (Ford & Mathalon, 2004). ЭЭГ-исследования пациентов с шизофренией показывают, что у них наблюдаются аномалии в различных частотных диапазонах, таких как снижение мощности альфа-ритма и увеличение мощности дельта-ритма (1-4 Гц), что может свидетельствовать о дефицитах в когнитивной обработке и восприятии звуковых стимулов (Uhlhaas & Singer, 2010). Эти изменения могут быть связаны с нарушениями в синхронизации нейронной активности, что затрудняет эффективное воспроизведение внутренней речи и мелодий.

Исследования показывают, что внутренняя репрезентация полифонических мелодий, состоящих из нескольких независимых линий, требует более высоких когнитивных ресурсов по сравнению с монофоническими мелодиями. Это связано с необходимостью одновременно удерживать и обрабатывать несколько звуковых стимулов, что усложняет процесс внутреннего воспроизведения (Deutsch, 1999). У пациентов с шизофренией данная задача может вызывать еще большие трудности, из-за дефицитов в когнитивных процессах, таких как внимание и рабочая память.

Понимание психофизиологических механизмов внутреннего повторения мелодий может иметь важные прикладные аспекты. Например, результаты таких исследований могут быть использованы для разработки новых методов диагностики и терапии шизофрении, направленных на улучшение когнитивных функций и снижение симптомов (Ford & Mathalon, 2004). Кроме того, данные о внутренних репрезентациях мелодий могут быть полезны для разработки нейрокомпьютерных интерфейсов, позволяющих людям с ограниченными возможностями более эффективно взаимодействовать с окружающим миром (Minguillon et al., 2017).

Таким образом, исследование внутреннего повторения мелодий в норме и при шизофрении представляет собой важное направление в нейронауке и психофизиологии. Оно позволяет лучше понять механизмы работы мозга, связанные с когнитивными и эмоциональными процессами, и разрабатывать новые методы диагностики и терапии психических расстройств.

Цель исследования: исследование специфики психофизиологических механизмов восприятия и внутреннего повторения мелодий при сравнении групп нормы и шизофрении.

Объект исследования: особенности репрезентации полифонических стимулов в норме и при шизофрении.

Предмет исследования: психофизиологические механизмы процесса внутренней репрезентации полифонических стимулов в норме и при шизофрении.

Гипотеза: процесс внутренней репрезентации полифонических и монофонических аудиальных стимулов предполагает участие подкорковых ядер, которые обеспечивают общие механизмы внутренней реперезентации, которые в меньшей степени страдают при шизофрении.

Методы

Выборка

В исследовании приняли участие 53 женщины, разделенные на две группы. Клиническая группа включала 25 стационарных пациенток ПКБ №1 имени Алексеева с диагнозом расстройств шизофренического спектра (код по МКБ-10 F20), у которых наблюдались вербальные псевдогаллюцинации и трудности с абстрактным мышлением (средний возраст – 41 год). Контрольная группа состояла из 28 добровольцев, не имеющих психиатрических и неврологических нарушений, все участницы были правшами (средний возраст – 37 лет). Все пациентки клинической группы находились под длительным воздействием антипсихотических препаратов. Участники исследования подписали информированное согласие после ознакомления с протоколом эксперимента. Исследование было одобрено комиссией по биоэтике ПКБ №1 имени Н. А. Алексеева.

Оборудование

Запись ЭЭГ осуществлялась по 19 отведениям в соответствии с международной системой 10–20% с помощью электроэнцефалографа «Нейро-КМ» с частотой дискретизации 1000 Гц, полосой пропускания 0,3 до 30 Гц. Первичная обработка электроэнцефалографических данных была произведена с помощью лицензионного программного обеспечения «BrainSys».

Стимульный материал

В качестве стимульного материала использовались записи 4 мелодий, а также их сочетания, которые образовывали полифонические стимулы. Мелодии были составлены таким образом, чтобы их одновременное воспроизведение составляло гармонию в форме фуги. Каждая мелодия была исполнена на 2 инструментах: фортепиано и гlockenspiel. При попарном сведении мелодий, исполненных на разных инструментах и имеющих разный мелодический шаблон, были получены полифонические структуры. Также мелодии были совмещены с аудиозаписями слов, что создавало комплексный вербально-мелодический стимул. Монофонические

мелодические конструкции, использованные для построения стимуляции, представлены на рисунке 1.

Рисунок 1. *Стимульный материал в нотной записи. На каждой строчке показана моно-мелодическая конструкция, полифоническая структура получается путем попарного объединения данных строк.*

Процедура исследования

Участники проходили инструктаж, в ходе которого им объясняли цель и процедуру исследования, затем они подписывали информированное согласие. Задачей испытуемых было прослушать и выделить мелодическую линию, исполненную на фортепиано, и повторить ее про себя после условного сигнала. Все стимулы подавались через наушники. Во время прохождения серий снимались показатели ЭЭГ. Участники исследования проходили все серии с закрытыми глазами, для минимизации глазодвигательных и моргательных артефактов. Также испытуемые получали инструкцию, что во время записи необходимо сидеть неподвижно.

Методы обработки и анализа данных

Полученные данные были представлены в виде записей ЭЭГ. На первом этапе обработки данных был проведен визуальный анализ артефактов движений, включая движения глаз, с помощью программы Brainsys (BrainWin). Затем была выполнена очистка от артефактов, связанных с электрооборудованием, в области частот 50 Гц.

Далее был проведен расчет активности, локализованной в ряде заранее выбранных областей мозга (областей интереса) с применением нового метода «Виртуально вживленный электрод», разработанного А.В. Вартановым (патент РФ 2 785 268). Алгоритм этого метода описан в (Vartanov, 2022), метод основан на идее пространственной фильтрации, но, в отличие от существующих алгоритмов, он базируется не на дипольной модели (хорошо описывающей высокочастотную составляющую ЭЭГ – гамма-ритм), а на модели униполя (ненаправленного пространственного заряда), источником которого являются не постсинаптические

потенциалы, а следовые потенциалы, отражающие процессы активного транспорта ионов для восстановления мембранного потенциала нейрона (случайная суммация которых как раз и объясняет низкочастотную составляющую ЭЭГ) (Машеров, 2019). Метод верифицирован на данных глубокой стимуляции мозга (Вартанов, 2023). В итоге анализировалась активность и функциональная связность 53 структур мозга: гипоталамус, мост, средний мозг, продолговатый мозг, хвостатые ядра (L, R), медиальный бледный шар (L, R), скорлупа (L, R), таламус (L, R), гиппокамп (L, R), миндалина (L, R), вентральная часть передней поясной извилины (BA24), дорсальная часть передней поясной извилины (BA32), островковая доля (L, R), вентральный стриатум (BA25), дорсолатеральная префронтальная кора (BA9: L, R), супрамаргинальная извилина (BA40: L, R), теменная кора (BA7: L, R), зона Брока и её гомолог (BA44: L, R), зона Вернике и её гомолог (BA22: L, R), мозжечок (L, R), угловая извилина (BA39: L, R), средняя лобная извилина (BA10: L, R), орбито-фронтальная извилина (BA47: L, R), парагиппокампальные извилины PHC1 и PHC2 (L, R), зрительные зоны (L, R): V1 (BA17), V4, V3v, VO1, VO2.

Используя данную технологию, для каждой из 53 мозговых структур были получены усредненные ВП (по моменту предъявления стимула и по моменту предъявления сигнала для внутреннего проговаривания) за 200 мс до и 500 мс после в четырех экспериментальных сериях. На основе вычисления корреляции между ВП в этих структурах были построены графы связности, визуализированные с использованием программы GraphViz 2.38.

Каждый граф отражает, кроме того, соотношение амплитуд и временных характеристик вызванных потенциалов в каждой структуре при исследуемых условиях. Этот подход позволяет выявить сходства и различия в функциональных связях, вовлеченных в интересующий психический процесс. Для анализа связей учитывались их характеристики: сила (коэффициент корреляции связности), направление (односторонняя или двусторонняя), и характер (возбуждающая или тормозная). В этом исследовании связь понимается как синхронизация временных и амплитудных характеристик ВП. Описание графов включает коэффициенты корреляции: положительные значения указывают на возбуждающую связь, отрицательные – на тормозную. Сильной считается связь с коэффициентом корреляции выше 0,70. Связи с коэффициентом корреляции в диапазоне 0,40–0,60 считаются ослабленными и могут быть случайными, поэтому они могут не включаться в сеть изучаемого процесса.

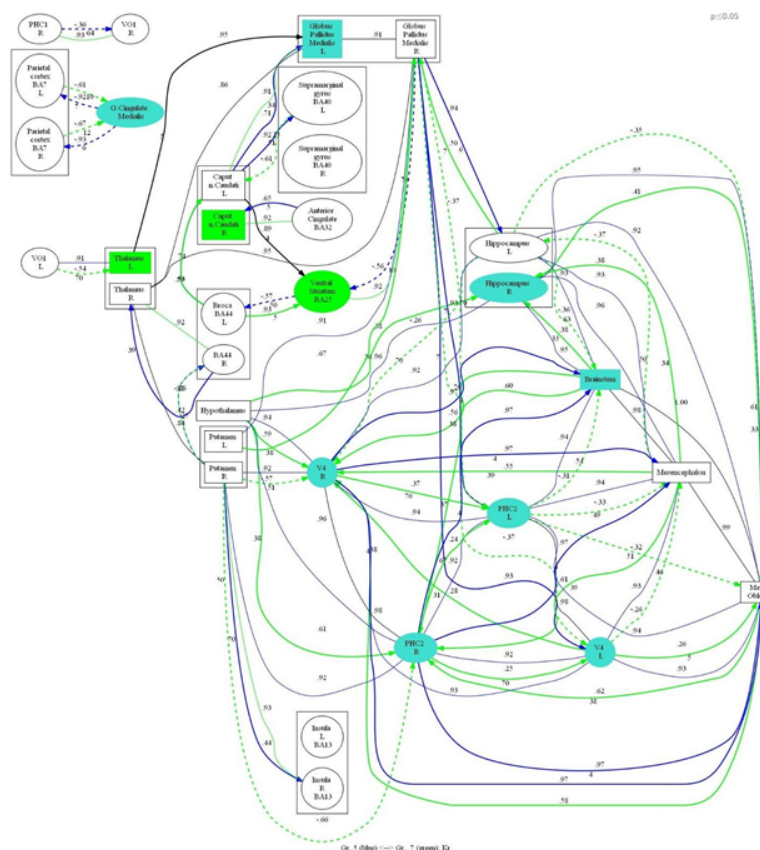
Результаты

На приведенных рисунках представлены общие и различные психофизиологические механизмы разных аспектов внутренней репрезентации монофонических и полифонических аудиальных стимулов. Черным цветом обозначены связи, совпадающие по силе, направлению и характеру в двух сравниваемых группах

или условиях. Связи, обозначенные синим и зеленым цветом, показывают различия в этих характеристиках и могут служить основой для интерпретации механизмов нарушений, затрагивающих процессы, обеспечивающих создание и воспроизведение внутренней репрезентации, если представлено межгрупповое сравнение. Структуры, обозначенные цветом – это те структуры, в которых зафиксировано наибольшее значение амплитуды, внутри этого условия/группы. Желтым цветом обозначены структуры, в которых достижение максимального значения амплитуды характерно для обоих условий/групп, а зеленым и синим – для одного из них.

Рисунок 2

Коннектом для восприятия и выделения монофонической музыкальной линии из полифонического музыкального образа

Примечание. Синим цветом обозначены структуры и процессы, наиболее активные в данном процессе в контрольной группе, зеленым – в клинической. Желтым – наиболее активные структуры в обеих группах. Сплошными линиями показаны процессы возбуждения, пунктирными – процессы торможения. Также показаны коэффициенты корреляции между показателями функциональной связности.

На коннектоме, изображенном на рисунке 2, показано, что в процессе восприятия и выделения монофонической музыкальной линии из полифонического стимула нет структур, достигающих одинаково высоких амплитуд в обеих группах. В клинической группе наиболее активными стали левый таламус, правое хвостатое ядро и вентральный стриатум, в контрольной – вентральная часть передней поясной извилины, левый бледный шар, правый гипокамп, ствол, зрительные зоны PHC2 и V4 билатерально.

Общие связи в двух группах. Наблюдаются высокие коэффициенты корреляции связи в подкорковых структурах: между правым таламусом и правой скорлупой (0,84), а также правосторонним (0,95) и левосторонним (0,86) бледным шаром, между которыми также обнаружена сильная связь (0,91). Также наблюдаются общие возбуждающие связи от левого таламуса к левому бледному шару (0,95) и от правого хвостатого ядра к вентральному стриатуму (0,89). По-прежнему сильная связь (0,98–1,00) есть между стволовыми структурами. В коре одинаково сильная связь в двух группах обнаружена между зрительными регионами PHC2 и V4 в правом (0,96) и левом (0,97) полушариях.

Различия в связях между группами. В процессе взаимодействия с полифоническим музыкальным стимулом наблюдается усиление некоторых связей в клинической группе. Слабая тормозная связь между правыми PHC1 и VO1 в контроле (-0,36), при шизофрении становится усиленной (0,93) и теряет свойства торможения. Также усиливается связь между правым бледным шаром и вентральным стриатумом (0,92), левым бледным шаром и левым хвостатым ядром (0,93), между дорсальной частью передней поясной коры и правым хвостатым ядром (0,92), правыми островковой долей и скорлупой (0,93), правыми таламусом и зоной 44 (0,92). В контрольной группе эти связи слабее, особенно сильные различия наблюдаются в связях правых островка и скорлупы (0,44 в контрольной группе), правых таламуса и зоной 44.

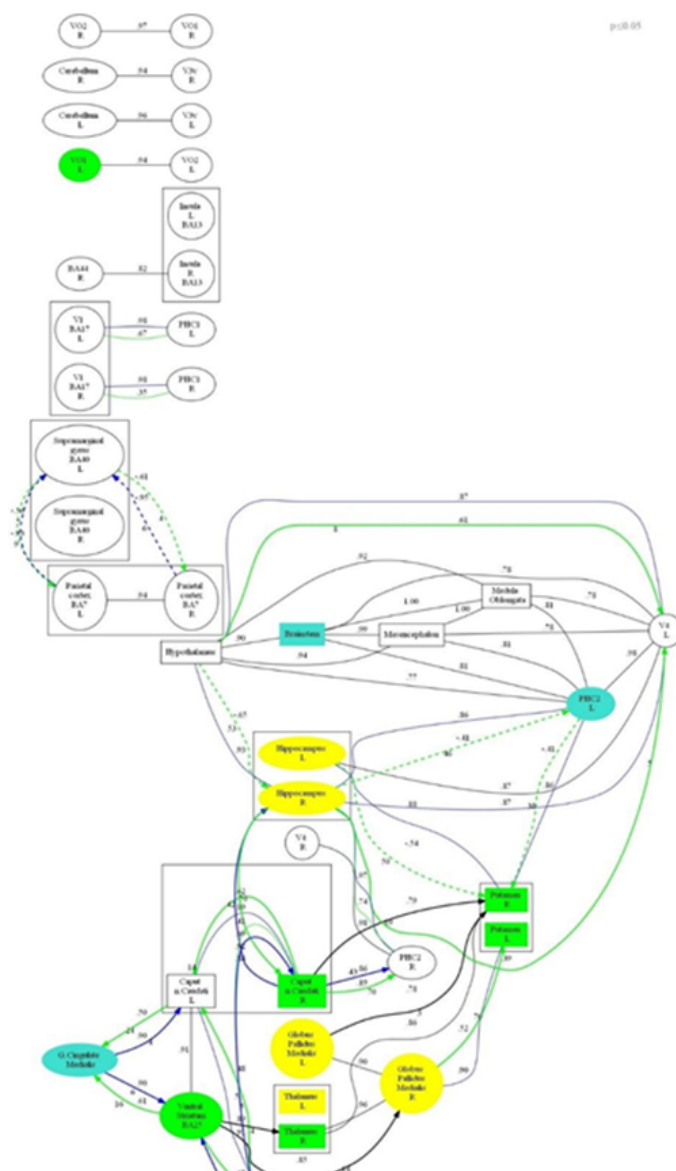
Также можно наблюдать интересные различия в связях зоны Брока. В контрольной группе в процессе восприятия и выделения мономелодии происходит торможение от правого бледного шара (-0,56) через вентральный стриатум (-0,57), при этом связи довольно слабые. В клинической же группе фиксируются сильные возбуждающие связи, направленные из зоны Брока в бледный шар билатерально через левое хвостатое ядро (0,99) в левый (0,91) и вентральный стриатум (0,93) в правый (0,92). В контрольной группе связь зоны Брока и хвостатого ядра не обнаружена.

В контрольной группе наиболее сильные связи наблюдаются между вентральной частью поясной извилины и теменными областями (R -0,93; L -0,92), левым таламусом и левой VO1 (0,91), правым бледным шаром и V4 (0,93). Были показаны связи зрительных регионов обоих полушарий между собой и структурами ствола (0,93–0,99), а также правой скорлупы и PHC2 (0,92) по возбуждающему восходящему механизму. В клинической группе данные связи значительно ослаблены.

Несмотря на наличие довольно сильной связи между правым гиппокампом и гипоталамусом в контрольной (0,96) и клинической (0,92) группах, можно наблюдать отсутствие возбуждающей связи в сторону гипоталамуса в клинической группе, в то время как в контрольной группе этот процесс двусторонний.

Рисунок 3

Коннектом для внутреннего представления монофонической мелодии, выделенной из полифонического музыкального образа

Примечание. Синим цветом обозначены структуры и процессы, наиболее активные в данном процессе в контрольной группе, зеленым – в клинической. Желтым – наиболее активные структуры в обеих группах. Сплошными линиями показаны процессы возбуждения, пунктирными – процессы торможения. Также показаны коэффициенты корреляции между показателями функциональной связности.

В процессе внутреннего представления одной мелодической линии полифонического образа наиболее активными структурами в обеих группах являются бледный шар и гиппокамп билатерально, а также левый таламус. В контрольной группе наиболее активными структурами являются вентральная часть поясной извилины, ствол и левая РНС2. В клинической группе наибольший показатель амплитуды наблюдается в правом таламусе и хвостатом ядре, вентральном стриатуме, дорсальной части передней поясной извилины, а также скорлупа билатерально.

Общие связи в двух группах. Обнаружены сильные связи между зрительными зонами VO1 и VO2 в правом полушарии (0,97), а также между мозжечком и регионом V3v справа (0,94) и слева (0,96). Сильные общие связи также наблюдаются между РНС2 и V4 в левом полушарии (0,98), V4, в свою очередь, связана с левым гиппокампом (0,87). Также зафиксированы сильные связи между островковой долей и зоной BA44 в правом полушарии (0,82), между стволовыми структурами друг с другом (0,99-1,00), а также между левой и правой теменной корой (0,94). Также общие связи зафиксированы между стволовыми структурами и левым РНС2 (0,81), а также с гипоталамусом (0,90). Сильные связи также наблюдаются между РНС2 и v4 в левом полушарии (0,98). Можно отметить возбуждающие связи, направленные от левополушарного бледного шара в правополушарную скорлупу (0,78). Также наблюдаются сильные связи вентрального стриатума и левого хвостатого ядра (0,91), а также связи, активирующие правый бледный шар (0,93) и правый таламус (0,89), который связан с правыми бледным шаром (0,96) и скорлупой (0,86). Правое хвостатое ядро активирует правую скорлупу (0,79).

Различия в связях между группами. В клинической группе по сравнению с контрольной не наблюдается усиления связей, все связи значительно слабее, а для части связей изменяется их характер и направление. Только ослабление зафиксировано в связях зоны V1 и РНС1 в обоих полушариях, при этом в правом полушарии ослабление связи сильнее (0,35/контроль 0,98), чем в левом (0,67/контроль 0,98), а также возбуждающая связь, идущая от хвостатого ядра к региону РНС2 в правом полушарии. Различия в характере связей наблюдаются между гипоталамусом и правым гиппокампом, а также между левым гиппокампом и правой скорлупой. В контрольной группе отмечена двусторонне возбуждающая связь (0,93), в клинической – торможение направлено в сторону гиппокампа (-0,65). Связь между левым гиппокампом и правой скорлупой в контрольной группе представлена как двусторонне возбуждающая (0,88), а в клинической – ослаблена (-0,54), а также является передающей торможение скорлупе.

В данной задаче наблюдается довольно много межгрупповых различий, характеризующихся ослаблением связи в клинической группе и изменением их направления передачи возбуждения и торможения на обратное. Так, в норме наблюдается тормозная связь в направлении к левой супрамаргинальной извилине от левой (-0,93) и правой (-0,95) теменной коры, в то время как в

клинической группе тормозные связи значительно слабее и направлены от левой супрамаргинальной извилины в сторону правой (-0,56) и левой (-0,61). Аналогичная тенденция наблюдается в частях поясной коры. В контрольной группе наблюдается возбуждающая связь в сторону левого хвостатого ядра (0,90) и вентрального стриатума (0,90), а в клинической группе эти структуры передают возбуждающий сигнал в сторону поясной извилины, также с учетом ослабления (0,61 от стриатума, 0,50 от хвостатого ядра). Дорсальная часть поясной извилины также активирует возбуждающие связи в сторону вентрального стриатума (0,93), левой (0,87) и правой (0,89) средней префронтальной коры, а также к левому хвостатому ядру (0,91).

Подобные различия наблюдаются в связанности правостороннего и левостороннего хвостатого ядра между собой: в контрольной группе связь двусторонняя (0,89), а в клинической возбуждение направлено в левое полушарие, при этом связь ослаблена (0,62). Связь гипоталамуса и региона V4 в левом полушарии: двусторонняя связь в контрольной группе (0,87), в клинической ослабленная возбуждающая связь направлена в сторону зрительного региона в левом полушарии (0,61), а связь гипоталамуса и правого гиппокампа в контрольной группе наблюдается двусторонняя связь (0,93), а клинической она приобретает тормозной характер со стороны гипоталамуса в сторону гиппокампа (-0,65).

Обсуждение результатов

Полифоническая музыкальная структура имеет ряд отличий от монофонических вербальных стимулов. В первую очередь она не требует означения и может запускать аффективную реакцию. При этом, она позволяет выбирать линию, которая в данный момент времени будет доминирующей (Huberth & Fujioka, 2017). В данном эксперименте было использовано директивное со стороны экспериментатора указание на выбор доминирующей линии и полученные результаты отражают процесс сохранения фокуса внимания на предполагаемой линии.

В данном процессе (рис. 2) наблюдается больше более сильных сохраненных связей в клинической группе, которые включают связи между зрительными областями (кодированными цвет и общую сцену), а также таламуса и базальных ганглиями и связь хвостатого ядра и полосатого тела. Эти связи были неоднократно продемонстрированы в группе нормы о связи музыкального восприятия с цветовым (Palmer et al., 2013), а связь таламуса с базальными ганглиями включена в процесс сосредоточения внимания (Smith, 2022).

Усиления связей по сравнению с контрольной группой наблюдаются в зрительных между зрительными областями (форма и сцена), связи зоны Брока с хвостатым ядром и полосатым телом, которое возбуждает бледный шар. Эти данные могут свидетельствовать о процессе, смещенном в сторону внутренней речи, а не внутреннего представления. В пользу этого предположения выступают связи структур, обеспечивающих генерацию речи, таких как двигательный компонент,

с бледным шаром (Бахтин и др., 2020), а также интеграция звуковой сцены через связь скорлупы и островковой доли. Сильные связи таламуса и 44 региона в правом полушарии, и зоны Брока с хвостатым ядром и полосатым телом могут быть объяснены как использование механизма субвокализации для обращения внимания на заданную линию (Vuong et al., 2023).

В контрольной группе наблюдается тенденция активации зрительных регионов, а также деятельность супрамаргинальной извилины, обеспечивающей понимание природы стимула. Зрительные зоны позволяют создать ассоциативный ряд, связанный с движениями звука, поэтому образ перекодируется в полимодальный зрительно-пространственно-слуховой, а не речевой, что позволяет с точностью воспроизводить этот мотив (Холиков, 2023).

Часть исследования, представленная на рис. 3, отличается от предыдущей тем, что при проговаривании необходимо не повторить автоматически исходный стимул, а трансформировать его, выделить внутреннюю репрезентацию части этого стимула, связанную со звучанием конкретного инструмента, и воспроизвести именно ее. Общие сильные связи остаются между структурами правого базального ганглия, что может обеспечивать невербальную внутреннюю речь (Riva et al., 2018), что согласуется с данными фМРТ исследования (Крысько, Вартанов, Бронов, 2024). Также соотносится с данными фМРТ общая связь мозжечка и затылочных регионов, а также связь 44 поля и островковой доли в правом полушарии, что обеспечивает производство музыкального синтаксиса (Maess et al., 2001; Kunert et al., 2015; Chiang et al., 2018).

Различия заключаются в наличии более ослабленных связях левой супрамаргинальной извилины. Также отмечается наличие тормозных связей гиппокампа. Можно объяснить это тем, что при шизофрении не происходит удержание необходимой фигуры в рабочей памяти, а может происходить удержание и исключения нерелевантных частей, что может служить компенсаторным механизмом длительной истории болезни (Sass & Parnas, 2007). При этом связи таламуса со скорлупой, бледным шаром и полосатым телом сохраняются, однако связи подкорковых структур с корковыми при шизофрении сильно ослаблены. Это может говорить о процессе неосознаваемого выделения релевантных компонентов через исключение нерелевантных, в то время как в норме происходит осознанное выделение доминирующего потока из фона, связанных с поставленной задачей (Uhlig, Fairhurst & Keller, 2013). Вероятно, что при шизофрении могли быть выделены не столько заданные задачей компоненты, сколько доминирующие при восприятии, о чем свидетельствуют усиленная активация стандартных для восприятия полифоний зон, но ослабленная в зонах контроля (Dutterer et al., 2023).

Таким образом, в процессе сосредоточения внимания на музыкальной линии полифонического стимула в норме активированы зрительные регионы и супрамаргинальная извилина, что обеспечивает точное внутреннее воспроизведение выделенной части, связанной со звучанием конкретного инструмента. В контексте шизофрении наблюдаются ослабление связей левой супрамаргинальной извилины и

удержание нерелевантных компонентов, что влияет на внутреннее воспроизведение и может указывать на компенсационный механизм в условиях шизофрении. Также проявляется усиление активности зон, ответственных за восприятие полифоний, но отмечается ослабление в зонах контроля.

Выводы

В норме, при сосредоточении на доминирующей линии полифонического стимула, активируются зрительные области, супрамаргинальная извилина и зоны, связанные с музыкальным синтаксисом. Это обеспечивает точное внутреннее воспроизведение музыкального мотива, связанного с конкретным инструментом. Существуют сильные связи между правыми базальными ганглиями, таламусом и другими структурами, что поддерживает механизм субвокализации и внимательное восприятие музыкальных элементов. У людей с шизофренией наблюдаются ослабленные связи между левой супрамаргинальной извилиной и другими областями, а также усиленная активность в зонах, связанных с восприятием полифонии. Это может указывать на затруднения в удержании и внутреннем воспроизведении релевантных музыкальных компонентов, а также на компенсаторные механизмы, направленные на управление нерелевантной информацией. В условиях шизофрении ослабление связей в зонах контроля и усиление активности в зонах восприятия полифонии могут приводить к нарушению точности внутреннего воспроизведения и выделения доминирующей линии. Это подтверждает предположение о том, что шизофрения влияет на когнитивные процессы, связанные с музыкальным восприятием и внутренним воспроизведением.

Таким образом, исследование показывает различия в нейронных связях и активации областей мозга при восприятии полифонической музыки между здоровыми людьми и пациентами с шизофренией. В норме процесс сосредоточения и внутреннего воспроизведения осуществляется более эффективно, тогда как у пациентов с шизофренией наблюдаются нарушения в этих процессах, что может быть связано с компенсаторными механизмами и изменениями в обработке музыкальной информации.

Литература

- Бахтин, О. М., Кривко, Е. М., Кирой, В. Н. (2020). Электромиографические компоненты, ассоциированные с внутренней речью. *Журнал медико-биологических исследований*, 8(2), 111–120.
- Вартанов, А. В. (2023). Новый подход к пространственной локализации электрической активности по данным ЭЭГ. *Эпилепсия и пароксизмальные состояния*, 15(4), 326–338.
- Крысько, М., Вартанов, А., Бронов, О. (2024). Verbal component suppression during internal representation of songs: fMRI-study. *Психологические исследования*, 17(94), 2–2.
- Машеров, Е. Л. (2019). Электрохимическая обратная связь, как один из возможных механизмов генерации низкочастотной составляющей биоэлектрической активности мозга. *Биофизика*, 64(3), 572–577.

- Холиков, К. Б. (2023). Сложная система мозга: в гармонии, не в тональности и не введении. *Science and Education*, 4(7), 206–213.
- Bhattacharya, J., & Petsche, H. (2005). Drawing on mind's canvas: Differences in cortical integration patterns between artists and non-artists. *Human Brain Mapping*, 26(1), 1–14.
- Chiang, J. N., Rosenberg, M. H., Bufford, C. A., Stephens, D., Lysy, A., & Monti, M. M. (2018). The language of music: Common neural codes for structured sequences in music and natural language. *Brain and Language*, 185, 30–37.
- Deutsch, D. (1999). Grouping mechanisms in music. In *The Psychology of Music* (pp. 299–348). Academic Press.
- Dutterer, J., Bansal, S., Robinson, B., & Gold, J. M. (2023). Sustained attention deficits in schizophrenia: Effect of memory load on the Identical Pairs Continuous Performance Test. *Schizophrenia Research: Cognition*, 33, 100288.
- Eggermont, J. J. (2023). *Brain Responses to Auditory Mismatch and Novelty Detection: Predictive Coding from Cocktail Parties to Auditory-Related Disorders*. Elsevier.
- Ford, J. M., & Mathalon, D. H. (2004). Electrophysiological evidence of corollary discharge dysfunction in schizophrenia during talking and thinking. *Journal of Psychiatric Research*, 38(1), 37–46.
- Fujito, R., Mineise, M., Hatada, S., Kamimura, N., Morinobu, S., Lang, D. J., Sawada, K. (2018). Musical deficits and cortical thickness in people with schizophrenia. *Schizophrenia Research*, 197, 233–239.
- Gabriel, D., Wong, T. C., Nicolier, M., Giustiniani, J., Mignot, C., Noiret, N., Vandel, P. (2016). Don't forget the lyrics! Spatiotemporal dynamics of neural mechanisms spontaneously evoked by gaps of silence in familiar and newly learned songs. *Neurobiology of Learning and Memory*, 132, 18–28.
- Halpern, A. R., Zatorre, R. J., Bouffard, M., & Johnson, J. A. (2004). Behavioral and neural correlates of perceived and imagined musical timbre. *Neuropsychologia*, 42(9), 1281–1292.
- Huberth, M., Fujioka, T. (2017). Neural representation of a melodic motif: Effects of polyphonic contexts. *Brain and Cognition*, 111, 144–155.
- Kraemer, D. J., Macrae, C. N., Green, A. E., Kelley, W. M. (2005). Sound of silence activates auditory cortex. *Nature*, 434(7030), 158–158.
- Kunert, R., Willems, R. M., Casasanto, D., Patel, A. D., Hagoort, P. (2015). Music and language syntax interact in Broca's area: an fMRI study. *PLOS ONE*, 10(11), e0141069.
- Liikkanen, L. A. (2008). Music in everymind: Commonality of involuntary musical imagery. In *10th International Conference of Music Perception and Cognition*, Sapporo, Japan, August 2008 (pp. 1–5).
- Maess, B., Koelsch, S., Gunter, T. C., Friederici, A. D. (2001). Musical syntax is processed in Broca's area: An MEG study. *Nature Neuroscience*, 4(5), 540–545.
- Minguillon, J., Lopez-Gordo, M. A., Pelayo, F. (2017). Trends in EEG-BCI for daily-life: Requirements for artifact removal. *Biomedical Signal Processing and Control*, 31, 407–418.
- Olszewska, A. M., Drożdżel, D., Gaca, M., Kulesza, A., Obrębski, W., Kowalewski, J., Herman, A. M. (2023). Unlocking the musical brain: A proof-of-concept study on playing the piano in MRI scanner with naturalistic stimuli. *Heliyon*, 9(7).
- Palmer, S. E., Schloss, K. B., Xu, Z., Prado-León, L. R. (2013). Music-color associations are mediated by emotion. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 110(22), 8836–8841.
- Putkinen, V., Zhou, X., Gan, X., Yang, L., Becker, B., Sams, M., Nummenmaa, L. (2024). Bodily maps of musical sensations across cultures. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 121(5), e2308859121.

- Riva, D., Taddei, M., Bulgheroni, S. (2018). The neuropsychology of basal ganglia. *European Journal of Paediatric Neurology*, 22(2), 321–326.
- Sass, L. A., Parnas, J. (2007). Explaining schizophrenia: The relevance of phenomenology. In *Reconceiving Schizophrenia* (pp. 63–95).
- Schaefer, R. S., Vlek, R. J., Desain, P. (2011). Music perception and imagery in EEG: Alpha band effects of task and stimulus. *International Journal of Psychophysiology*, 82(3), 254–259.
- Senn, O. (2023). A predictive coding approach to modelling the perceived complexity of popular music drum patterns. *Heliyon*, 9(4).
- Smith, M. (2022). *Engaging characters: Fiction, emotion, and the cinema*. Oxford University Press.
- Uhlhaas, P. J., Singer, W. (2010). Abnormal neural oscillations and synchrony in schizophrenia. *Nature Reviews Neuroscience*, 11(2), 100–113.
- Uhlig, M., Fairhurst, M. T., Keller, P. E. (2013). The importance of integration and top-down salience when listening to complex multi-part musical stimuli. *NeuroImage*, 77, 52–61.
- Vartanov, A. V. (2022). A new method of localizing brain activity using the scalp EEG data. *Procedia Computer Science*, 213, 41–48.
- Vuong, V., Hewan, P., Perron, M., Thaut, M., Alain, C. (2023). The neural bases of familiar music listening in healthy individuals: An activation likelihood estimation meta-analysis. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 105423.
- Zatorre, R. J., Halpern, A. R. (2005). Mental concerts: Musical imagery and auditory cortex. *Neuron*, 47(1), 9–12.
- Zatorre, R. J., Halpern, A. R., Perry, D. W., Meyer, E., Evans, A. C. (1996). Hearing in the mind's ear: A PET investigation of musical imagery and perception. *Journal of Cognitive Neuroscience*, 8(1), 29–46.

Поступила в редакцию: 17.10.2024

Поступила после рецензирования: 13.03.2025

Принята к публикации: 19.04.2025

Заявленный вклад авторов

Александр Валентинович Вартанов – участие в разработке концепции исследования, сбор и анализ данных, обсуждение результатов, подготовка текста статьи.

Вероника Максимовна Зубко – участие в разработке концепции исследования, сбор и анализ данных, обсуждение результатов, подготовка текста статьи.

Василиса Дмитриевна Абросимова – участие в разработке концепции исследования, сбор и анализ данных, обсуждение результатов, подготовка текста статьи.

Мария Дмитриевна Крысько – участие в разработке концепции исследования, сбор и анализ данных, обсуждение результатов, подготовка текста статьи.

Дарья Алексеевна Леонович – участие в разработке концепции исследования, сбор и анализ данных, обсуждение результатов, подготовка текста статьи.

Ольга Владимировна Шевалдова – участие в разработке концепции исследования, сбор и анализ данных, обсуждение результатов, подготовка текста статьи.

Информация об авторах

Александр Валентинович Вартанов – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; Researcher ID: D-9907-2012, Scopus ID: 6603018783, Author ID: 72326, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8844-9643>; e-mail: a_v_vartanov@mail.ru

Вероника Максимовна Зубко – лаборант кафедры психофизиологии факультета психологии, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0002-2513-8359>; e-mail: q158veronika@gmail.com

Василиса Дмитриевна Абросимова – лаборант кафедры психофизиологии факультета психологии, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0009-9296-714X>; e-mail: vasilisaabr@yandex.ru

Мария Дмитриевна Крысько – ассистент кафедры общей психологии Института психологии имени Л. С. Выготского, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9263-5203>; e-mail: mariya.krysko@mail.ru

Дарья Алексеевна Леонович – аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия; ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0001-3028-2278>; e-mail: dagubareva@gmail.com

Ольга Владимировна Шевалдова – младший научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр оригинальных и перспективных биомедицинских и фармацевтических технологий, Москва, Россия; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8577-4280>, Author ID: 9395-5102; e-mail: shevaldova_ov@academpharm.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Склонность к финансовой суггестии: нейropsychологические и психофизиологические факторы

Ольга В. Медяник^{ID}, Ирина И. Шошина^{*ID}, Наталья И. Легостаева^{ID},
Станислав И. Медяник^{ID}

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Российская Федерация

*Почта ответственного автора: i.shoshina@spbu.ru

Аннотация

Введение. В настоящее время суггестия используется как средство манипуляции, воздействия, направления деятельности человека на определенные цели. Финансовое внушение характеризуется высокой восприимчивостью людей к манипулятивным воздействиям при принятии финансовых решений. Актуальность исследования обусловлена необходимостью понимания механизмов финансовой суггестии и разработки эффективных стратегий противодействия мошенническим воздействиям. Цель данной работы – продемонстрировать психофизиологические аспекты склонности к внушаемости, включая роль префронтальной коры, лимбической системы, стратегий восприятия и анализа информации в процессе принятия финансовых решений. **Теоретическое обоснование.** Склонность к внушению рассмотрена с позиций теории функциональных систем П.К. Анохина, концепции двух потоков передачи информации в головном мозге, особенностей корково-подкоркового взаимодействия. В работе выделены ключевые факторы, которые могут повышать восприимчивость к финансовой суггестии, и предложены алгоритмы, направленные на противодействие манипуляциям, в частности телефонных мошенников. Эти алгоритмы обеспечивают формирование «когнитивного буфера» — процесса активации критического мышления и осознанного выбора. Осознание личностью своих сильных и слабых сторон и связанных с ними моделей поведения позволяет подобрать наиболее эффективные стратегии для каждого шага алгоритма борьбы с мошенничеством, что повышает

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ

уровень защищенности. **Обсуждение результатов.** В исследовании представлен междисциплинарный подход к проблеме финансовой суггестии, основанный на синтезе психофизиологических и социально-психологических данных. Предложенные в работе алгоритмы могут эффективно использоваться для повышения финансовой грамотности населения и профилактики финансового мошенничества, что является важным направлением современного социального и экономического развития.

Ключевые слова

психофизиология, финансовая суггестия, финансовые риски, алгоритмы противодействия

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00701, «Поведенческие стратегии потребителей финансовых услуг в условиях кибермошенничества: междисциплинарный анализ», <https://rscf.ru/project/23-28-00701/>

Для цитирования

Медяник, О. В., Шошина, И. И., Легостаева, Н. И., и Медяник, С. И. (2025). Психофизиологические аспекты склонности к финансовой суггестии и возможные алгоритмы противодействия. *Российский психологический журнал*, 22(2), 227–248. <https://doi.org/10.21702/kygwnt17>

Введение

Динамичное развитие цивилизации создает благоприятные условия для распространения манипулятивных суггестивных явлений. Современные коммуникационные процессы неизбежно содержат элементы суггестивного воздействия, манипулятивный компонент которого основывается на скрытом психическом воздействии на сознание индивида. Возможности передачи и восприятия информации, психического управления физическими процессами настолько велики, что возникает необходимость не только более углубленного их научного понимания, но и широкой осведомленности каждого человека о данном феномене.

Отсутствие общественной потребности в понимании суггестии (внушения) как метода воздействия оказалось чревато распространением ее прагматичного использования для манипулирования психикой человека.

Первой в ряду концептуальных основ суггестии выступает причинность, базирующаяся на физиологических, информационных и психосоциальных детерминантах. Данная последовательность их выстраивания обусловлена тем, что изначальная природная причинность суггестии имеет физиологические основы, функционально связана с информационными процессами, происходящими как внутри организма, так и воздействующими на него извне. Синтез этих процессов реализуется не только на уровне простейших физиологических реакций, но и обуславливает когнитивное реагирование, социальное поведение человека, его общественную направленность. Степень распространения суггестивных явлений неизбежно увеличивается с ростом техногенного потенциала общества.

Несмотря на эти выводы, по-прежнему отсутствует понимание специфических психофизиологических процессов, которые могут определять степень восприимчивости человека к финансовым предложениям. Этот пробел в знаниях ограничивает разработку эффективных мер по снижению манипулятивных воздействий на принятие финансовых решений.

Данное исследование направлено на анализ психофизиологических аспектов склонности к финансовой суггестии и разработку алгоритмов противодействия манипуляции со стороны мошенников.

Теоретическое обоснование

Психофизиологические основы финансовой суггестии

Суггестия (внушение) сегодня является одним из самых эффективных методов воздействия на массы. Внушение, как направляющий фактор, регулирует активность личности, побуждая к делам и поступкам или удерживая от них. Многочисленные кризисные ситуации, в том числе экономического плана, эмоциональные спады и подъемы общественного умонастроения, постоянная потребность человеческого сознания в чудесах и зрелищности представляют собой главные факторы, повышающие суггестивность, и способствующие снижению критического мышления различных слоев общества (Finucane et al., 2000; Kahneman, 2003; Griskevicius et al., 2006; Maner et al., 2005).

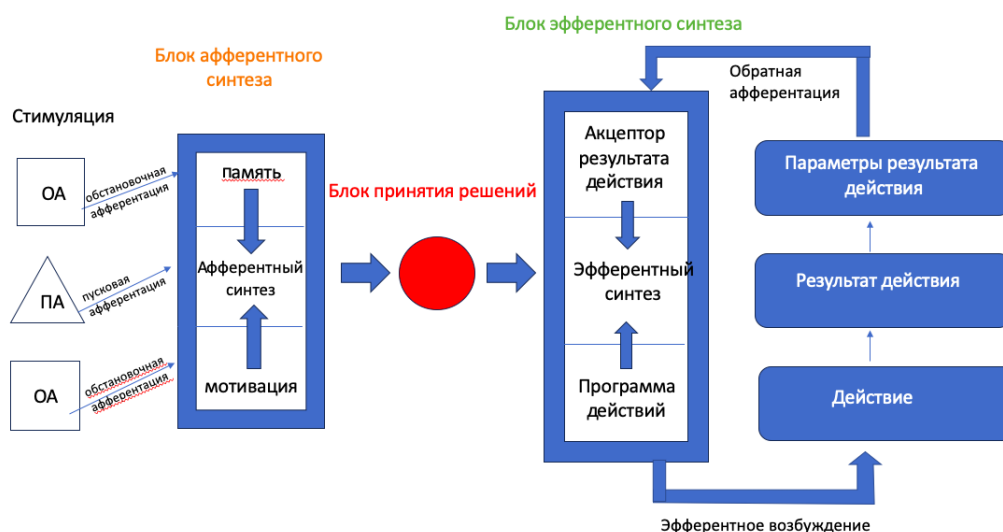
Биологическая предрасположенность к суггестии обусловлена особенностями структурно-функциональной организации мозга и закономерностями его работы. Внушаемость – универсальное свойство высшей нервной деятельности. Согласно системному подходу, основанному на положениях теории функциональных систем, сформулированной еще в прошлом веке П.К. Анохиным (Анохин, 1973), внушаемость опосредована влиянием контекста на восприятие целевого стимула. П. К. Анохин определял контекст как обстановочную афферентацию, а целевой стимул как пусковую афферентацию (рисунок 1).

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ

Контекст или обстановочная афферентация складывается из внешних и внутренних факторов, оказывающих влияние на восприятие любого стимула.

Рисунок 1

Схема структуры поведенческого акта согласно теории функциональных систем.

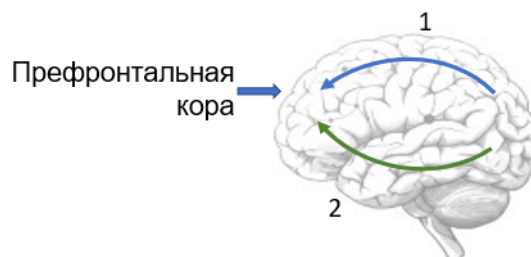

Функциональное состояние человека опосредовано влиянием как внешних, так и внутренних факторов. При утомлении, а уж тем более в состоянии стресса, склонность к внушаемости возрастает.

Индивидуальные различия в склонности к внушаемости также связаны с особенностями восприятия и анализа информации, необходимой мозгу для принятия решения и программирования действий. Согласно принципу конечного пути – одной из закономерностей высшей нервной деятельности, префронтальная кора является местом аккумуляции всей информации, на основе которой принимается решение и программируются действия. В соответствии с теорией двух потоков (Goodale & Milner, 1992; Johnson-Frey, 2004; Laycock, Crewther & Chouinard, 2020; Shmuelof & Zohary, 2005) информация, необходимая для принятия решения, передается из задних (каудальных) отделов коры головного мозга в передние фронтальные зоны, в частности в префронтальную кору, двумя потоками – теменным (дорсальным) и височным (вентральным) (рисунок 2).

Рисунок 2

Схематическое изображение теменного (1) и височного (2) потоков информации из каудальных во фронтальные зоны коры головного мозга

Наличие двух потоков передачи информации в префронтальную кору первоначально было показано для зрительной системы (Livingstone & Hubel, 1987; Merigan & Maunsell, 1993), позже для слуховой системы и функциональной системы речи. Целостность восприятия обеспечивается в результате взаимодействия теменного и височного потоков, представляющих собой, по сути, крупномасштабные нейронные сети. При этом речь идет не только о корковом уровне анализа информации, но и о взаимосвязи этих потоков с подкорковыми структурами. Показано, что нижние ядра подушки (pulvinar) таламуса – коллектора всей информации, идущей через ствол к коре головного мозга и обратно к исполнительным структурам, соединяются преимущественно с теменным (дорсальным) потоком, тогда как более латеральные ядра – с височным (вентральным) потоком (Tamietto & Morrone, 2015; Troiani & Schultz, 2013; Troiani et al., 2014). Авторы сообщают о вовлечении в процесс быстрой подсознательной оценки эмоциональных стимулов (испуганных лиц) миндалины – ключевой структуры лимбической системы, теменной коры и фронтального зрительного поля, которые входят в состав теменного (дорсального) коркового потока.

Характер взаимодействия крупномасштабных нейронных сетей теменного (дорсального) и височного (вентрального) потоков имеет индивидуальные особенности, определяющие стратегии восприятия информации, мышления и принятия решений, когнитивного реагирования и поведения (Шошина, Шелепин, 2016). В поведенческом плане эти особенности реализуются в том числе в склонности к внушаемости. Активность сети теменного (дорсального) потока ассоциируется с механизмом глобального анализа информации, височного потока – механизмом локального анализа информации. Глобальный механизм анализа информации иначе можно назвать холистическим, когда одновременно и быстро обрабатывается информация о разных признаках стимула. Локальный механизм анализа информации подразумевает последовательную обработку деталей стимула, что требует гораздо большего времени, чем при глобальном анализе. Доминирование механизма глобального анализа информации над локальным как индивидуальная характеристика проявляется в склонности быстро принимать

решения, что при отсутствии экспертности грозит большим количеством ошибок. При этом важный момент в том, что теменной (дорсальный) поток имеет более массивные связи с подкорковыми структурами, в частности с миндалиной, отвечающей за эмоциональные реакции, в том числе страх, агрессию, тревожность и т.п. Поэтому, логично предположить, что лица с доминированием механизма глобального анализа информации будут более склонны к внушаемости.

Таким образом, нейрофизиологические механизмы, связанные с особенностями восприятия и обработки информации, а также с эмоциональными реакциями, лежат в основе склонности людей к финансовой суггестии и восприимчивости к манипулятивным воздействиям. На основании сказанного, можно сделать следующие выводы:

1. Склонность к финансовой суггестии (внушаемость) имеет биологические предпосылки, связанные с особенностями структурно-функциональной организации мозга и закономерностями его работы.
2. Склонность к суггестии опосредована влиянием контекста (обстановочной афферентации) на восприятие целевого стимула. Функциональное состояние человека, например, утомление и стресс, характеризуется повышенной склонностью к внушаемости.
3. Индивидуальные различия в склонности к внушаемости связаны с особенностями восприятия и анализа информации. Доминирование механизма глобального (холистического) анализа информации над локальным (последовательным) анализом ассоциируется с большей склонностью к внушаемости, так как теменной поток передачи информации в префронтальные зоны коры имеет более тесные связи с центральными структурами регуляции эмоциональных реакций, в частности с миндалевидным телом.
4. Активность эмоциональных центров мозга, таких как миндалевидное тело, и подавление функций префронтальной коры в стрессовых ситуациях способствуют снижению критического мышления и повышению восприимчивости к суггестии.

Факторы, повышающие склонность к финансовой суггестии

Анализ факторов, повышающих восприимчивость людей к финансовым манипуляциям, может помочь продвинуться в понимании механизмов, лежащих в основе уязвимости человека перед финансовым мошенничеством, и разработать эффективные стратегии противодействия. Факторы-инфлюенсеры могут быть связаны с эмоциональным состоянием, когнитивными особенностями, социальными условиями и личностными характеристиками человека. В связи с этим, мы предлагаем выделять пять групп факторов: эмоциональное состояние, недостаток знаний и осведомленности, социальная изоляция, когнитивные и возрастные факторы, психологические особенности.

Эмоциональное состояние

Страх и тревога. Мошенники часто используют коммуникативные тактики запугивания, чтобы вызвать страх и тревогу, например, утверждая, что у человека с проблемы с налогами или, что его банковская информация украдена (LeDoux, 2000). Состояние страха и тревоги сопровождается активацией миндалевидного тела (амигдала или миндалина) – ключевой структуры лимбической системы, отвечающей за эмоциональные реакции, и снижением активности префронтальной коры, ответственной за сознательный контроль поведения (Дрозд и др., 2024). Это делает человека более восприимчивым к манипуляциям.

Реакция «бей или беги» (fight-or-flight response) является одной из основных стратегий выживания, активируемых организмом в ответ на стрессовые или опасные ситуации. Эта реакция запускается при взаимодействии с финансовыми мошенниками и включает следующие физиологические и поведенческие изменения:

1. активация симпатической нервной системы: повышение уровня норадреналина, адреналина и кортизола в крови, учащение сердцебиения и дыхания, повышение артериального давления, повышение потоотделения для охлаждения тела, расширение зрачков;
2. мобилизация энергетических ресурсов: перераспределение кровотока (например, от пищеварительной системы к мышцам), высвобождение глюкозы и жирных кислот в кровь для обеспечения энергией мышц;
3. поведенческие реакции: стратегия «бей» – агрессивное противодействие, конфронтация с мошенником, стратегия «беги» – быстрое прекращение контакта, избегание ситуации;
4. когнитивные изменения: снижение способности к рациональному мышлению и анализу ситуации, фокусировка на угрозе, повышение импульсивности и снижение самоконтроля.

Эти физиологические и поведенческие реакции являются адаптивными в ситуациях реальной опасности, но могут быть неадаптивными при взаимодействии с финансовыми мошенниками. Важно научиться распознавать признаки активации реакции «бей или беги» и применять стратегии для ее регуляции, такие как, например, глубокое (диафрагмальное) дыхание. Это поможет сохранить критичность мышления и принимать более взвешенные решения.

Сбалансированное взаимодействие префронтальной коры и лимбической системы является важным нейрофизиологическим механизмом, обеспечивающим адаптивное поведение человека в различных ситуациях (Hanganu-Opatz et al., 2023).

Префронтальная кора (ПФК) отвечает за высшие когнитивные функции, такие как принятие решений, планирование действий, когнитивную гибкость, контроль эмоций (например, подавление агрессии или вредных привычек) и критическое

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ

мышление (Дрозд и др., 2024). ПФК осуществляет «холодный», рациональный анализ ситуации, оценку рисков и последствий, выбор оптимальной стратегии действий.

Лимбическая система, включающая миндалевидное тело (амигдалу), гиппокамп и другие структуры, отвечает за эмоциональные реакции, мотивацию и формирование эмоциональной памяти. Амигдала играет ключевую роль в быстрой оценке эмоциональной значимости стимулов и запуске соответствующих эмоциональных реакций (страх, гнев, тревога) (Полунина, Брюн, 2013; Lockwood et al., 2024). Гиппокамп участвует в формировании новых воспоминаний и ассоциаций, связанных с эмоциональными событиями.

В норме ПФК осуществляет регуляцию и контроль над эмоциональными реакциями, запускаемыми лимбической системой. ПФК способна модулировать активность лимбической системы, подавляя чрезмерные эмоциональные реакции и направляя поведение в соответствии с текущими целями и ситуацией. Однако при сильном эмоциональном возбуждении или стрессе функции ПФК могут быть временно подавлены, что приводит к преобладанию эмоциональных реакций над рациональным контролем. Таким образом, изменение характера взаимодействия в сторону превалирования активности лимбических структур (в частности амигдалы) приводит к снижению сознательного контроля поведения.

Склонность к мгновенному финансовому вознаграждению активирует систему вознаграждения мозга, связанную с дофаминергической системой (Volkow & Morales, 2015; Мажирина и др., 2021). Это может привести к импульсивным, необдуманным решениям, что повышает уязвимость к мошенничеству.

Влияние нейротрансмиттеров на поведение человека значительно варьируется в зависимости от индивидуальных особенностей, опыта и текущего эмоционального состояния.

1. Индивидуальные особенности:

- генетическая предрасположенность к определенным нейрхимическим профилям может влиять на склонность к риску, импульсивности, тревожности и другим поведенческим паттернам;
- уровни секреции базовых нейротрансмиттеров, таких как дофамин, серотонин, норадреналин, имеют индивидуальные особенности и могут определять финансовое поведение;
- чувствительность рецепторов к нейротрансмиттерам также является индивидуальной характеристикой.

2. Опыт:

- предыдущий инвестиционный опыт, успехи и неудачи могут влиять на выработку условных рефлексов и нейрхимические реакции;
- длительность инвестиционной деятельности может изменять

чувствительность к рискам и вознаграждениям;

- приобретенные навыки и стратегии принятия решений, в свою очередь, могут модулировать влияние нейротрансмиттеров.

3. Текущее эмоциональное состояние:

- стрессовые ситуации, тревога, страх вызывают всплески норадреналина и кортизола, влияя на восприятие рисков;
- эйфория, азарт от успешных сделок активируют дофаминовую систему вознаграждения, провоцируя чрезмерную уверенность;
- депрессивные состояния, связанные с пониженным уровнем серотонина, могут приводить к пессимистичным прогнозам и избеганию риска.

Таким образом, нейрохимические факторы играют ключевую роль в финансовом поведении человека, но их влияние модулируется индивидуальными особенностями, опытом и текущим эмоциональным фоном. Понимание этих механизмов важно для разработки эффективных стратегий управления финансовыми рисками.

Недостаток знаний и осведомленности

Лица, не владеющие информацией о существующих схемах мошенничества, такими как фишинг, фальшивые инвестиционные предложения, телефонное мошенничество и т.д., более склонны к тому, чтобы стать жертвами, так как не могут распознать предупреждающие сигналы (Cialdini, 2007). Без понимания того, как работают эти схемы, сложнее заметить нестыковки в информации, которую предоставляют мошенники. Незнание о существующих методах обмана делает людей более доверчивыми к заманчивым, но сомнительным предложениям. Они могут быть менее склонны проверять информацию и подвергать ее критическому анализу.

Недостаток знаний о том, как работают современные технологии и что такое интернет-безопасность, может сделать человека уязвимым для кибермошенничества (Furnell, 2005).

Социальная изоляция

Одинокие люди испытывают потребность в социальном принятии и принадлежности, что делает их более восприимчивыми к предложениям о дружбе или романтических отношениях, даже от незнакомцев (Cacioppo, Hawkey, 2009). Социальная изоляция снижает самооценку и уверенность в себе, что повышает доверчивость к другим людям.

Ощущение одиночества активирует области мозга, связанные с болью и стрессом, такие как передняя поясная кора (часть лимбической системы) и островковая доля. Это создает физический дискомфорт, который человек стремится устранить. Социальная изоляция приводит к снижению активности в областях

коры головного мозга, отвечающих за социальное познание и эмпатию, например, в медиальной префронтальной коре и височно-теменном узле. Недостаток социальных связей и поддержки ослабляет способность критически оценивать информацию и принимать взвешенные решения, поскольку эти функции связаны с активностью префронтальной коры (Murugan et al., 2017).

Отсутствие поддержки близких людей, с которыми можно обсудить подозрительные ситуации, снижает вероятность своевременного распознавания мошенничества (Catani, Mesulam, 2008).

Таким образом, одиночество и социальная изоляция создают благоприятные условия для успешных манипуляций со стороны мошенников. Восстановление социальных связей, повышение самооценки и уверенности в себе могут быть важными профилактическими мерами против финансового мошенничества.

Когнитивные и возрастные факторы

Возрастные когнитивные изменения и недостаток цифровой грамотности у пожилых людей являются факторами, которые делают их более уязвимыми к финансовому мошенничеству (Чалдини, 2006).

Возрастные когнитивные изменения:

- с возрастом замедляется способность быстро воспринимать, анализировать и реагировать на новую информацию, что затрудняет распознавание мошеннических схем;
- ухудшение функции памяти, наблюдаемое в старшем возрасте, затрудняет возможность проверки предоставленной информации, пожилые люди, в большинстве своем, хуже запоминают детали разговора с мошенниками;
- снижение способности к абстрактному мышлению, может ослаблять возможности пожилых людей критически анализировать сложные финансовые предложения;
- ослабление способности контролировать импульсивные решения повышает уязвимость пожилых людей к манипуляциям мошенников;
- лица с когнитивными нарушениями или психическими расстройствами более уязвимы к манипуляциям (Petersen, 2004).

Недостаток цифровой грамотности:

- отсутствие достаточных знаний о современных технологиях, навыков использования компьютеров, смартфонов и интернета, затрудняет распознавание онлайн-мошенничества;
- отсутствие навыков безопасного использования банковских карт, онлайн-платежей и других финансовых инструментов также делает пожилых людей более уязвимыми к манипуляциям со стороны мошенников.

Таким образом, возрастные когнитивные изменения и недостаток цифровой грамотности у пожилых людей снижают их способность распознавать мошеннические схемы, критически оценивать информацию и принимать взвешенные финансовые решения. Это делает их более уязвимыми к различным формам финансового мошенничества, связанным с использованием современных технологий.

Психологические особенности

Доверчивость. Люди, склонные доверять другим без должной проверки информации, могут легко стать жертвами мошенников (Greenspan, Rogers, 2016). Они демонстрируют сниженную критичность мышления, что затрудняет распознавание признаков обмана. Доверчивость связана с меньшей способностью к рефлексии и анализу собственных суждений.

Доверчивость часто связана с такими личностными качествами как низкая самооценка, неуверенность в себе, повышенной потребностью в одобрении. Некоторые черты личности, такие как наивность, альтруизм и конформность, повышают вероятность доверчивого поведения.

Нейробиологические основы доверчивости связаны с функционированием системы социального познания, включающей миндалевидное тело, медиальную префронтальную кору и другие структуры мозга. Люди с повышенной активностью миндалевидного тела и сниженной активностью префронтальной коры склонны быстрее доверять незнакомым людям и их заявлениям. Нарушения в работе этих систем, например, при некоторых психических расстройствах, могут усиливать доверчивость.

Среди социальных факторов, влияющих на доверчивость, – одиночество и социальная изоляция. Повышенная потребность в доверительных отношениях делает людей более уязвимыми. Лица с высокой потребностью в аффилиации (принадлежности к группе) более склонны к доверчивости. Культурные нормы, поощряющие доверие к авторитетам, также могут способствовать развитию доверчивости.

Понимание нейробиологических, когнитивных, социальных и личностных факторов, лежащих в основе доверчивости, имеет важное значение для разработки эффективных стратегий защиты от финансового мошенничества.

Желание помочь. Мошенники часто эксплуатируют желание людей помочь другим, создавая ложные истории о бедствиях или нужде в помощи (McCrae, Costa, 2004). Воздействие при этом также сопровождается активацией лимбических структур и медиальной префронтальной коры, вовлеченной в функциональную систему эмпатии.

Повышение осведомленности о современных методах обмана, обучение распознаванию признаков обмана, развитие критического мышления и навыков

принятия решений в условиях манипуляций могут помочь снизить уязвимость доверчивых людей и риск стать жертвой мошенничества.

Алгоритмы принятия решений в условиях финансовой суггестии

Современные исследования в области поведенческой экономики и когнитивной психологии демонстрируют, что процесс принятия финансовых решений под влиянием суггестивного воздействия характеризуется специфическими нейрофизиологическими механизмами, которые могут быть систематизированы в виде последовательных алгоритмических моделей (Kahneman, 2011). Понимание этих механизмов критически важно для разработки эффективных стратегий противодействия финансовому мошенничеству, поскольку позволяет выявить уязвимые точки в процессе принятия решений человеком (Thaler & Sunstein, 2008).

Исследования Даниэля Канемана и Амоса Тверски в области теории перспектив показали, что человеческие решения в условиях неопределенности систематически отклоняются от рациональных моделей (Kahneman & Tversky, 1979). Эти отклонения становятся особенно выраженными в ситуациях эмоционального напряжения и временного дефицита, что активно используется в мошеннических схемах (Loewenstein, & Lerner, 2003). Антонио Дамасио в своих работах по нейроэкономике продемонстрировал, что эмоциональные процессы играют ключевую роль в принятии финансовых решений, часто превалируя над рациональными соображениями (Damasio, 1994).

Алгоритм воздействия со стороны телефонных мошенников на жертву

Механизм воздействия телефонных мошенников представляет собой сложную многоэтапную систему, построенную на эксплуатации когнитивных искажений и нейрофизиологических особенностей человеческого мозга. Данный алгоритм может быть концептуализирован как последовательность взаимосвязанных этапов, каждый из которых направлен на подавление критического мышления и стимулирование импульсивного поведения. Первоначальный контакт характеризуется стратегическим использованием принципа авторитета, описанного в классических работах Роберта Чалдини (Cialdini, 2007). Мошенники представляют себя в качестве представителей банковских учреждений, правоохранительных органов или государственных служб, что приводит к активации префронтальной коры головного мозга, ответственной за оценку социальной значимости источника информации (Klucharev и др., 2009). Исследования в области социальной нейронауки показывают, что воздействие авторитетных фигур вызывает специфические изменения в активности медиальной префронтальной коры, что снижает критичность восприятия поступающей информации (Berns, 2010). Одновременно с установлением авторитета происходит процесс валидации достоверности через использование персональных данных жертвы. Этот механизм основывается на принципах работы гиппокампа,

который осуществляет сопоставление новой информации с уже имеющимися воспоминаниями (Squire и др., 2009). Когда мошенник демонстрирует знание имени, адреса или частичной информации о банковских операциях жертвы, это создает иллюзию легитимности контакта и активирует нейронные сети, связанные с формированием доверия (Rilling & Sanfey, 2011).

Следующая критическая фаза алгоритма предполагает создание искусственного дефицита времени и эмоционального напряжения. Мошенники сообщают о якобы происходящих несанкционированных операциях или угрозах безопасности, что приводит к активации амигдалы и запуску стрессовой реакции (LeDoux, 2000). Нейрофизиологические исследования демонстрируют, что в условиях острого стресса происходит значительное ухудшение функционирования исполнительных функций префронтальной коры, что делает человека более восприимчивым к внешнему влиянию (Arnsten, 2009). Одновременно активируется симпатическая нервная система, что приводит к выбросу норадреналина и кортизола, дополнительно нарушая процессы рационального анализа (Sapolsky, 2004).

Введение элемента угрозы усиливает эмоциональное воздействие и подавляет критическое мышление. Мошенники используют коммуникативные тактики запугивания, угрожая арестом, заморозкой счетов или другими негативными последствиями (Petty & Cacioppo, 1986). Это приводит к дальнейшему усилению активности амигдалы и подавлению функций префронтальной коры, создавая состояние, при котором способность к рациональному мышлению минимизируется (Phelps, 2006).

В условиях эмоционального напряжения и временного дефицита происходит критическое снижение качества обработки информации. Исследования показывают, что под воздействием стресса люди склонны к использованию эвристики когнитивных якорей, что делает их более уязвимыми для манипулятивных воздействий (Starcke & Brand, 2012). Активация дофаминергической системы при обещании быстрого решения проблемы или получения вознаграждения стимулирует импульсивное поведение и снижает способность к долгосрочному планированию (Berridge & Robinson, 2003).

Заключительная фаза алгоритма предполагает непосредственное выполнение действий по указанию мошенника. На данном этапе жертва следует инструкциям мошенника, передавая личные данные или осуществляя денежные переводы. Нейрофизиологически это сопровождается активацией моторной коры для выполнения физических действий (Rizzolatti & Craighero, 2004). Мошенники поддерживают постоянный контакт для предотвращения возникновения сомнений и сохранения контроля над ситуацией, что достигается через постоянную активацию эмоциональных центров мозга (Schachter & Singer, 1962).

После завершения мошеннической операции и прекращения контакта происходит постепенное восстановление контролирующей функции

префронтальной коры над лимбической системой. Это позволяет жертве критически осмыслить произошедшее и начать анализ ситуации, что часто приводит к осознанию факта мошенничества (Metcalf & Mischel, 1999). Данный процесс может сопровождаться выраженными негативными эмоциональными реакциями, включая чувство стыда, гнева и самообвинения (Tangney & Dearing, 2002).

Алгоритм противодействия телефонным мошенникам со стороны потенциальной жертвы

Разработка эффективных стратегий противодействия телефонному мошенничеству требует глубокого понимания нейрофизиологических механизмов принятия решений и когнитивных процессов, лежащих в основе человеческого поведения в условиях стресса (Loewenstein & Cohen 2008). Современные исследования в области нейроэкономики позволяют сформулировать научно обоснованный алгоритм защиты от мошеннических воздействий, основанный на принципах управления эмоциональными реакциями и активации критического мышления (Camerer, C., Loewenstein & Prelec 2005).

Первичный этап противодействия начинается с момента получения подозрительного звонка и предполагает формирование защитной установки, основанной на принципе здорового скептицизма. Исследования Дэниела Гилберта в области социальной психологии показывают, что человеческий мозг по умолчанию настроен на доверие к поступающей информации, что делает нас уязвимыми для манипулятивных воздействий (Gilbert, 1991). Преодоление этой естественной тенденции требует сознательной активации префронтальной коры головного мозга через применение техник критического мышления (Stanovich & West, 2000). Эффективным подходом является использование принципа «презумпции недоверия» к незнакомым абонентам, особенно когда они представляются сотрудниками финансовых или государственных учреждений (Vrij, 2008).

Ключевым элементом защитной стратегии является управление физиологическими реакциями на стресс. Работы Барбары Фредриксон в области позитивной психологии демонстрируют, что техники контролируемого дыхания могут эффективно модулировать активность автономной нервной системы и снижать уровень кортизола в крови (Stanovich & West, 2000). Диафрагмальное дыхание, в частности, активирует парасимпатическую нервную систему, что приводит к снижению активности амигдалы и восстановлению контролирующей функции префронтальной коры (Porges, 2011). Исследования Андреа Зачаро и коллег подтверждают, что медленное, глубокое дыхание с акцентом на удлинение выдоха может быстро снизить уровень психологического стресса и улучшить когнитивные функции (Zaccaro et al., 2018). Проверка достоверности информации представляет собой критически важный компонент защитного алгоритма, основанный на принципах доказательной оценки. Роберт Чалдини в своих работах

по психологии влияния подчеркивает важность независимой верификации информации как способа противодействия манипулятивным техникам (Cialdini & Goldstein, 2004). Нейрофизиологические исследования показывают, что процесс активного поиска и сопоставления информации стимулирует работу гиппокампа и дорсолатеральной префронтальной коры, что способствует более объективной оценке ситуации (Buckner & Carroll, 2007). Практическая реализация этого принципа предполагает обязательное прекращение разговора с подозрительным абонентом и самостоятельное обращение в соответствующую организацию по официальным каналам связи (Klayman & Ha, 1987).

Управление эмоциональными реакциями в процессе принятия решений требует понимания механизмов взаимодействия между лимбической системой и префронтальной корой. Исследования Кевина Охснера в области когнитивной нейронауки показывают, что сознательное применение стратегий эмоциональной регуляции может эффективно модулировать активность амигдалы и снижать влияние эмоций на процесс принятия решений (Ochsner & Gross 2005). Техника когнитивной переоценки ситуации позволяет переформулировать эмоционально заряженные стимулы в более нейтральных терминах, что способствует активации рациональных процессов мышления (Gross, 2002). Особую роль в защитном алгоритме играет противодействие искусственно создаваемому временному давлению. Исследования Дана Ариели в области поведенческой экономики демонстрируют, что дефицит времени является одним из наиболее эффективных инструментов влияния на процесс принятия решений (Arieli & Silva 2002). Нейрофизиологические механизмы этого явления связаны с активацией стрессовых реакций, которые нарушают нормальное функционирование исполнительных функций мозга (Lupien и др, 2009). Эффективной стратегией противодействия является сознательное замедление темпа взаимодействия и создание пауз для обдумывания, что позволяет восстановить контроль префронтальной коры над эмоциональными реакциями (Baumeister & Heatherton, 1996).

Фиксация информации в письменном виде представляет собой мощный инструмент когнитивной защиты, основанный на принципах распределенного внимания и внешней памяти. Исследования Бетси Спароу и коллег показывают, что процесс записи информации активизирует множественные когнитивные системы, включая рабочую память, внимание и исполнительные функции (Sparrow и др., 2011). Это приводит к более глубокой обработке информации и повышению критичности ее восприятия (Mueller, P. A., & Oppenheimer, D. M. (2014). Дополнительно, физическое действие записи может служить своеобразным «якорем», помогающим сохранить эмоциональную стабильность в стрессовой ситуации (Clar & Chalmers 1998).

Процесс записи также способствует нарушению коммуникативного сценария мошенника, заставляя его отклоняться от заранее подготовленного скрипта. Исследования в области социальной психологии показывают, что нарушение привычных паттернов взаимодействия может значительно снизить эффективность

манипулятивных техник (Pratkanis & Aronson, 2001). Когда потенциальная жертва начинает задавать уточняющие вопросы и просить повторить информацию для записи, это создает дополнительные трудности для мошенника и может привести к его отказу от продолжения операции (Levine, 2014).

Заключительным элементом защитного алгоритма является обеспечение социальной поддержки и внешней валидации принимаемых решений. Исследования Шелли Тейлор в области социальной психологии подчеркивают важность социальных связей для поддержания психологического благополучия и принятия адекватных решений (Taylor, 2011). Практическое применение этого принципа предполагает обязательное обсуждение подозрительных ситуаций с доверенными лицами или специалистами, что позволяет получить независимую оценку и избежать изоляции, которую часто создают мошенники (House и др., 1988).

Личностные характеристики и стратегии поведения потенциальной жертвы телефонного мошенничества.

Согласно теории личности Х.Ю. Айзенка выделяют ряд черт личности (общительность, импульсивность, активность и др.), которые могут быть объединены в континуумы черт – экстраверсии и нейротизма (Mitchell, Kumari, 2016). Каждый из них обладает двумя полюсами: экстраверсия – интроверсия, нейротизм – эмоциональная стабильность.

Экстраверсия описывается как направленность на других, на социальное взаимодействие и импульсивность. Экстравертов характеризует общительность, стремление к социальным контактам, активность, тогда как интровертов – замкнутость, избегание больших компаний. Экстраверты легче вступают в контакт и могут быстрее распознавать попытки манипуляции, но могут быть склонны к импульсивным действиям под влиянием эмоций. Интроверты более склонны к обдумыванию и анализу, что помогает им проверять и анализировать информацию. При этом они могут испытывать большое напряжение в общении с незнакомцами.

Нейротизм указывает на тенденцию испытывать частые и интенсивные отрицательные эмоции (Cervone, Pervin, 2015). Обладатели высокого нейротизма склонны к переживанию тревоги, негативных эмоций и беспокойства. Низкая выраженность нейротизма – эмоциональная стабильность, наоборот, предполагает уравновешенность, спокойствие и сдержанность в проявлении эмоций. Высокий уровень самоконтроля способствует контролю эмоций и сопротивлению давлению. Лица, предпочитающие активно избегать конфликтов, могут быстрее прекратить подозрительный разговор, но тогда они могут упустить возможность собрать важную информацию для последующей проверки. Сторонники стратегии активного противодействия склонны к активному выяснению обстоятельств и проверке информации, но могут быть более уязвимы к эмоциональному давлению.

Стратегии поведения в условиях возможных мошеннических действий

При столкновении с потенциальным мошенничеством каждый человек проходит через несколько критических этапов, на которых его психологические особенности могут как помочь, так и помешать правильному реагированию. Первичный контакт с мошенником часто застаёт врасплох, особенно интровертов, которые испытывают значительный стресс от неожиданных звонков. В этот момент важно активировать защитные механизмы и не поддаваться первому импульсу. Экстраверты, напротив, могут слишком быстро включиться в разговор, что делает их уязвимыми для манипуляций.

Следующий этап связан с проверкой достоверности поступающей информации. Здесь преимущество получают люди со скептическим складом ума, которые по природе своей склонны подвергать сомнению любые утверждения. Высокий уровень самоконтроля позволяет человеку сохранять ясность мышления и методично запрашивать дополнительные сведения для проверки. Именно способность к самоконтролю становится решающим фактором в управлении эмоциями, которые мошенники активно пытаются использовать для достижения своих целей.

Принятие решений в условиях мошеннического воздействия требует особого подхода. Активное противодействие помогает собрать больше информации о намерениях собеседника, но при этом важно не допускать эмоциональных решений. Иногда стратегия активного избегания оказывается более эффективной, позволяя быстро прервать подозрительный контакт. Завершение взаимодействия также имеет свои особенности: экстраверты чаще готовы сообщить о попытке мошенничества в соответствующие службы, что важно для предотвращения новых случаев.

Весь этот процесс представляет собой активацию критического мышления – создание своеобразного когнитивного буфера между стимулом и реакцией. На нейрофизиологическом уровне это означает поддержание контролирующей функции префронтальной коры головного мозга над лимбическими структурами, которые отвечают за эмоциональные и импульсивные реакции. Чем лучше человек может сохранить этот контроль, тем выше его шансы избежать мошеннических схем.

Заключение

В настоящее время неизбежно использование суггестии как средства манипуляции, воздействия, направления деятельности человека на определенные цели. Важно при этом осознавать биологическую и социальную предрасположенность к суггестии. Телефонные мошенники используют последовательный алгоритм воздействия на жертву, направленный на активацию эмоциональных центров мозга (амигдала, система вознаграждения) и подавление рационального мышления (префронтальная кора). Этот алгоритм позволяет мошенникам эффективно манипулировать сознанием жертвы и добиваться своих целей.

Противодействие телефонному мошенничеству требует осознанного подхода к каждому шагу взаимодействия. Важно сохранять спокойствие, использовать критическое мышление, проверять достоверность информации (Медяник, 2024). Эти действия помогут снизить влияние эмоциональных центров мозга (амигдала) и поддерживать активность рациональных областей (префронтальная кора), что позволит принимать обдуманные и безопасные решения. Фиксация информации, которую говорит мошенник, может выступать в качестве стратегического инструмента, который помогает активировать высшие когнитивные функции мозга, снизить уровень стресса и улучшить качество принятия решений.

В статье предложены алгоритмы и стратегии противодействия финансовому мошенничеству, основанные на понимании психофизиологических особенностей восприятия информации и поведения жертв. Осознание своих сильных и слабых сторон, касаясь личностных характеристик и связанных с ними стратегий поведения, поможет выбрать наиболее подходящие стратегии для каждого шага алгоритма противодействия мошенничеству и повысить общую безопасность.

Повышение осведомленности о современных методах обмана, обучение распознаванию признаков обмана, развитие критического мышления и навыков принятия решений в условиях манипуляций могут помочь снизить риск стать жертвой мошенничества.

Литература

- Анохин, П. К. (1973). *Принципы системной организации функций*. Наука.
- Дрозд, У. С., Фрик, Я. А., Смагин, А. В., Ланшаков, Д. А. (2024). Проекционные нейроны пре-фронтальной коры, их участие в формировании различных форм поведения и экспрессия в них нейротрофического фактора мозга. *Российский физиологический журнал им. И.М. Сеченова*, 110(9), 1316–1336. <https://doi.org/10.31857/S0869813924090039>
- Мажирина, К. Г., Первушина, О. Н., Федоров, А. А., Штарк, М. Б. (2021). Нейровизуализация и феномен морального выбора. *Успехи физиологических наук*.
- Медяник, О. В. (2024). Психологические стратегии защиты россиян от суггестивного финансового воздействия: кластерный анализ. *Вестник Вятского государственного университета*, (1)151, 129–148. <https://doi.org/10.25730/VSU.7606.24.014>
- Медяник, О. В., Легостаева, Н. И. (2022). Финансовое поведение россиян: факторы, типы, коды уязвимости. *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований*, (4), 50–55. <https://doi.org/10.24412/1994-3776-2022-4-50-55>
- Полунина, А. Г., Брюн, Е. А. (2013). Антисоциальное поведение: нейropsychологические корреляты и роль нейробиологических факторов. *Социальная и клиническая психиатрия*, 23(4), 88–90.
- Чалдини, Р. (2006). *Влияние: психология убеждения*. Попурри.
- Шошина, И. И., Шелепин, Ю. Е. (2016). *Механизмы глобального и локального анализа зрительной информации при шизофрении*. ВВМ.
- Acierno, R., Hernandez, M. A., Amstadter, A. B., Resnick, H. S., Steve, K., Muzzy, W., & Kilpatrick, D. G. (2010). Prevalence and correlates of emotional, physical, sexual, and financial abuse and potential neglect in the United States: The National Elder Mistreatment Study. *American*

- Journal of Public Health*, 100(2), 292–297. <https://doi.org/10.2105/AJPH.2009.163089>
- Ariely, D., & Silva, J. (2002). *Payment method design: Psychological and economic aspects of payments*. MIT Press.
- Arnsten, A. F. (2009). Stress signalling pathways that impair prefrontal cortex structure and function. *Nature Reviews Neuroscience*, 10(6), 410–422. <https://doi.org/10.1038/nrn2648>
- Baumeister, R. F., & Heatherton, T. F. (1996). Self-regulation failure: An overview. *Psychological Inquiry*, 7(1), 1–15. https://doi.org/10.1207/s15327965pli0701_1
- Berns, G. S., Capra, C. M., Moore, S., & Noussair, C. (2010). Neural mechanisms of the influence of popularity on adolescent ratings of music. *NeuroImage*, 49(3), 2687–2696. <https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2009.10.070>
- Berridge, K. C., & Robinson, T. E. (2003). Parsing reward. *Trends in Neurosciences*, 26(9), 507–513. [https://doi.org/10.1016/S0166-2236\(03\)00233-9](https://doi.org/10.1016/S0166-2236(03)00233-9)
- Buckner, R. L., & Carroll, D. C. (2007). Self-projection and the brain. *Trends in Cognitive Sciences*, 11(2), 49–57. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2006.11.004>
- Cacioppo, J. T., & Hawkley, L. C. (2009). Perceived social isolation and cognition. *Trends in Cognitive Sciences*, 13(10), 447–454. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2009.06.005>
- Camerer, C., Loewenstein, G., & Prelec, D. (2005). Neuroeconomics: How neuroscience can inform economics. *Journal of Economic Literature*, 43(1), 9–64. <https://doi.org/10.1257/0022051053737843>
- Catani, M., & Mesulam, M. (2008). The arcuate fasciculus and the disconnection theme in language and aphasia: History and current state. *Cortex*, 44(8), 953–961. <https://doi.org/10.1016/j.cortex.2008.04.002>
- Cervone, D., & Pervin, L. A. (2015). *Personality*. John Wiley & Sons.
- Cialdini, R. B. (2007). *Influence: The psychology of persuasion*. Collins.
- Cialdini, R. B., & Goldstein, N. J. (2004). Social influence: Compliance and conformity. *Annual Review of Psychology*, 55, 591–621. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.55.090902.142015>
- Damasio, A. R. (1994). *Descartes' error: Emotion, reason, and the human brain*. Putnam.
- Finucane, M. L., Alhakami, A., Slovic, P., & Johnson, S. M. (2000). The affect heuristic in judgments of risks and benefits. *Journal of Behavioral Decision Making*, 13(1), 1–17. [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1099-0771\(200001/03\)13:1<1::AID-BDM333>3.0.CO;2-S](https://doi.org/10.1002/(SICI)1099-0771(200001/03)13:1<1::AID-BDM333>3.0.CO;2-S)
- Furnell, S. (2005). *Computer insecurity: Risking the system*. Springer Science & Business Media.
- Gilbert, D. T. (1991). How mental systems believe. *American Psychologist*, 46(2), 107–119. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.46.2.107>
- Goodale, M. A., & Milner, A. D. (1992). Separate visual pathways for perception and action. *Trends in Neurosciences*, 15(1), 20–25. [https://doi.org/10.1016/0166-2236\(92\)90344-8](https://doi.org/10.1016/0166-2236(92)90344-8)
- Greenspan, S., & Rogers, J. (2016). Gullibility in people with intellectual disability: An unappreciated risk factor for theorization and victimization. *International Review of Research in Developmental Disabilities*, 50, 169–211. <https://doi.org/10.1016/bs.iridd.2016.05.004>
- Griskevicius, V., Goldstein, N. J., Mortensen, C. R., Cialdini, R. B., & Kenrick, D. T. (2006). Going along versus going alone: When fundamental motives facilitate strategic (non) conformity. *Journal of Personality and Social Psychology*, 91(2), 281–294. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.91.2.281>
- Gross, J. J. (2002). Emotion regulation: Affective, cognitive, and social consequences. *Psychophysiology*, 39(3), 281–291. <https://doi.org/10.1017/S0048577201393198>
- Hanganu-Opatz, I. L., Klausberger, T., Sigurdsson, T., Nieder, A., Jacob, S. N., Bartos, M., Sauer, J.-F., Durstewitz, D., Leibold, C., & Diester, I. (2023). Resolving the prefrontal mechanisms of adaptive cognitive behaviors: A cross-species perspective. *Neuron*, 111, 1020–1036. <https://doi.org/10.1016/j.neuron.2023.03.017>

- House, J. S., Landis, K. R., & Umberson, D. (1988). Social relationships and health. *Science*, 241(4865), 540–545. <https://doi.org/10.1126/science.3399889>
- Johnson-Frey, S. H. (2004). The neural bases of complex tool use in humans. *Trends in Cognitive Sciences*, 8(2), 71–78. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2003.12.002>
- Kahneman, D. (2011). *Thinking, fast and slow*. Farrar, Straus and Giroux.
- Kahneman, D., & Tversky, A. (1979). Prospect theory: An analysis of decision under risk. *Econometrica*, 47(2), 263–291. <https://doi.org/10.2307/1914185>
- Kahneman, D. (2003). A perspective on judgment and choice: Mapping bounded rationality. *American Psychologist*, 58(9), 697–720. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.58.9.697>
- Klayman, J., & Ha, Y. W. (1987). Confirmation, disconfirmation, and information in hypothesis testing. *Psychological Review*, 94(2), 211–228. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.94.2.211>
- Klucharev, V., Hytönen, K., Rijpkema, M., Smidts, A., & Fernández, G. (2009). Reinforcement learning signal predicts social conformity. *Neuron*, 61(1), 140–151. <https://doi.org/10.1016/j.neuron.2008.11.027>
- Laycock, R., Crewther, S. G., & Chouinard, P. A. (2020). Blink and you will miss it: A core role for fast and dynamic visual processing in social impairments in autism spectrum disorder. *Current Developmental Disorders Reports*, 7, 237–248. <https://doi.org/10.1007/s40474-020-00220-y>
- LeDoux, J. E. (2000). Emotion circuits in the brain. *Annual Review of Neuroscience*, 23(1), 155–184. <https://doi.org/10.1146/annurev.neuro.23.1.155>
- Levine, T. R. (2014). Truth-Default Theory (TDT): A theory of human deception and deception detection. *Journal of Language and Social Psychology*, 33(4), 378–392. <https://doi.org/10.1177/0261927X14535910>
- Livingstone, M. S., & Hubel, D. H. (1987). Psychophysical evidence for separate channels for the perception of form, color, movement, and depth. *Journal of Neuroscience*, 7(11), 3416–3468. <https://doi.org/10.1523/JNEUROSCI.07-11-03416.1987>
- Lockwood, P. L., Cutler, J., Drew, D., et al. (2024). Human ventromedial prefrontal cortex is necessary for prosocial motivation. *Nature Human Behaviour*, 8, 1403–1416. <https://doi.org/10.1038/s41562-024-01899-4>
- Loewenstein, G., & Lerner, J. S. (2003). *The role of affect in decision making*. In R. Davidson, K. Scherer, & H. Goldsmith (Eds.), *Handbook of affective sciences* (pp. 619–642). Oxford University Press.
- Loewenstein, G., Rick, S., & Cohen, J. D. (2008). Neuroeconomics. *Annual Review of Psychology*, 59, 647–672. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.59.103006.093710>
- Lupien, S. J., McEwen, B. S., Gunnar, M. R., & Heim, C. (2009). Effects of stress throughout the lifespan on the brain, behaviour and cognition. *Nature Reviews Neuroscience*, 10(6), 434–445. <https://doi.org/10.1038/nrn2639>
- Maner, J. K., Kenrick, D. T., Becker, D. V., Robertson, T. E., Hofer, B., Neuberg, S. L., ... Schaller, M. (2005). Functional projection: How fundamental social motives can bias interpersonal perception. *Journal of Personality and Social Psychology*, 88(1), 63–78. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.88.1.63>
- McCrae, R. R., & Costa, P. T. (2004). A contemplated revision of the NEO Five-Factor Inventory. *Personality and Individual Differences*, 36(3), 587–596. [https://doi.org/10.1016/S0191-8869\(03\)00118-1](https://doi.org/10.1016/S0191-8869(03)00118-1)
- Merigan, W. H., & Maunsell, J. H. (1993). How parallel are the primate visual pathways? *Annual Review of Neuroscience*, 16, 369–402. <https://doi.org/10.1146/annurev.ne.16.030193.002101>
- Metcalfe, J., & Mischel, W. (1999). A hot/cool-system analysis of delay of gratification: Dynamics of willpower. *Psychological Review*, 106(1), 3–19. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.106.1.3>

- Mueller, P. A., & Oppenheimer, D. M. (2014). The pen is mightier than the keyboard: Advantages of longhand over laptop note taking. *Psychological Science*, 25(6), 1159–1168. <https://doi.org/10.1177/0956797614524581>
- Ochsner, K. N., & Gross, J. J. (2005). The cognitive control of emotion. *Trends in Cognitive Sciences*, 9(5), 242–249.
- Petersen, R. C. (2004). Mild cognitive impairment as a diagnostic entity. *Journal of Internal Medicine*, 256(3), 183–194.
- Petty, R. E., & Cacioppo, J. T. (1986). The Elaboration Likelihood Model of Persuasion. *Advances in Experimental Social Psychology*, 19, 123–205.
- Phelps, E. A. (2006). Emotion and cognition: Insights from studies of the human amygdala. *Annual Review of Psychology*, 57, 27–53.
- Porges, S. W. (2011). *The Polyvagal Theory: Neurophysiological Foundations of Emotions, Attachment, Communication, and Self-regulation*. New York: W. W. Norton.
- Rilling, J. K., & Sanfey, A. G. (2011). The neuroscience of social decision-making. *Annual Review of Psychology*, 62, 23–48.
- Rizzolatti, G., & Craighero, L. (2004). The mirror-neuron system. *Annual Review of Neuroscience*, 27, 169–192.
- Sapolsky, R. M. (2004). *Why Zebras Don't Get Ulcers: The Acclaimed Guide to Stress, Stress-Related Diseases, and Coping*. New York: Henry Holt and Company.
- Schachter, S., & Singer, J. (1962). Cognitive, social, and physiological determinants of emotional state. *Psychological Review*, 69(5), 379–399.
- Shmuelof, L., & Zohary, E. (2005). Dissociation between ventral and dorsal fMRI activation during object and action recognition. *Neuron*, 47(3), 457–470.
- Sparrow, B., Liu, J., & Wegner, D. M. (2011). Google effects on memory: Cognitive consequences of having information at our fingertips. *Science*, 333(6043), 776–778. <https://doi.org/10.1126/science.1207745>
- Squire, L. R., & Kandel, E. R. (2009). *Memory: From mind to molecules*. Scientific American Library.
- Stanovich, K. E., & West, R. F. (2000). Individual differences in reasoning: Implications for the rationality debate. *Behavioral and Brain Sciences*, 23(5), 645–665. <https://doi.org/10.1017/S0140525X00003435>
- Starcke, K., & Brand, M. (2012). Decision making under stress: A selective review. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 36(4), 1228–1248. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2012.02.003>
- Tamietto, M., & Morrone, M. C. (2016). Visual plasticity: Blindsight bridges anatomy and function in the visual system. *Current Biology*, 26(2), 70–73. <https://doi.org/10.1016/j.cub.2015.11.026>
- Tangney, J. P., & Dearing, R. L. (2002). *Shame and guilt*. Guilford Press.
- Taylor, S. E. (2011). Social support: A review. In H. S. Friedman (Ed.), *The Oxford handbook of health psychology* (pp. 189–214). Oxford University Press.
- Thaler, R. H., & Sunstein, C. R. (2008). *Nudge: Improving decisions about health, wealth, and happiness*. Yale University Press.
- Troiani, V., Price, E. T., & Schultz, R. T. (2014). Unseen fearful faces promote amygdala guidance of attention. *Social Cognitive and Affective Neuroscience*, 9(2), 133–140. <https://doi.org/10.1093/scan/nss116>
- Troiani, V., & Schultz, R. T. (2013). Amygdala, pulvinar, and inferior parietal cortex contribute to early processing of faces without awareness. *Frontiers in Human Neuroscience*, 7. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2013.00241>
- Volkow, N. D., & Morales, M. (2015). The brain on drugs: From reward to addiction. *Cell*, 162(4), 712–725. <https://doi.org/10.1016/j.cell.2015.07.046>
- Vrij, A. (2008). *Detecting lies and deceit: Pitfalls and opportunities*. John Wiley & Sons.

Zaccaro, A., Piarulli, A., Laurino, M., Garbella, E., Menicucci, D., Neri, B., & Gemignani, A. (2018). How breath-control can change your life: A systematic review on psycho-physiological correlates of slow breathing. *Frontiers in Human Neuroscience*, 12, 353. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2018.00353>

Информация об авторском вкладе

Ольга Викторовна Медяник — внесла значительный вклад в концепцию и дизайн исследования, сбор и анализ данных, интерпретацию результатов, подготовку и редактирование рукописи, и одобрила окончательную версию статьи для публикации.

Ирина Ивановна Шошина — внесла значительный вклад в концепцию и дизайн исследования, сбор и анализ данных, интерпретацию результатов, подготовку и редактирование рукописи, и одобрила окончательную версию статьи для публикации.

Наталья Игоревна Легостаева — внесла значительный вклад в концепцию и дизайн исследования, сбор и анализ данных, интерпретацию результатов, подготовку и редактирование рукописи, и одобрила окончательную версию статьи для публикации.

Станислав Игоревич Медяник — внес значительный вклад в концепцию и дизайн исследования, сбор и анализ данных, интерпретацию результатов, подготовку и редактирование рукописи, и одобрил окончательную версию статьи для публикации.

Информация об авторах

Ольга Викторовна Медяник — кандидат психологических наук, доцент кафедры управления рисками и страхования, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/002-0002-7230>, e-mail: o.medyanik@spbu.ru

Ирина Ивановна Шошина — доктор биологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8113-1680>, e-mail: i.shoshina@spbu.ru

Наталья Игоревна Легостаева — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8726-8784>, e-mail: legostaeva.rozhdenie@gmail.com

Станислав Игоревич Медяник — инженер-исследователь, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-4843-7327>, e-mail: medn@list.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научное издание

РОССИЙСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2025

ТОМ 22 № 2

Сдано в набор 22.06.2025 Подписано в печать 25.06.2025

Дата выхода в свет 30.06.2025

Цена свободная

Формат 210×297.

Печать цифровая. Тираж 100 экз.

Подготовлено к печати и отпечатано: "Особое приглашение"
344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Metallургическая 102/2, корпус «ИЛК»,
офис 305, E-mail: k@os-pr.ru